

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 14 ПСИХОЛОГИЯ

№ 1 • 2016 • ЯНВАРЬ–МАРТ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Фундаментальная наука сегодня

- Зинченко Ю.П., Еськов В.М., Еськов В.В. Понятие эволюции Гленсдорфа—Пригожина и проблема гомеостатического регулирования в психофизиологии 3

К 80-летию со дня рождения А.А. Леонтьева (1936—2004)

- Соколова Е.Е. Чтобы быть психологом, нельзя не быть философом, или Почему имеет смысл спорить о понятиях 25

Эмпирические исследования

- Ахутина Т.В., Корнеев А.А., Матвеева Е.Ю. Развитие функций программирования и контроля у детей 7—9 лет 42

- Синельникова Е.С. Влияние характеристик ситуации на проявление культурных различий в предпочтении способов взаимодействия в конфликте 64

- Капустин С.А. Использование результатов исследования семей с детско-родительскими проблемами в практике психологического консультирования взрослых людей 79

- Курбатова Т.Н., Валова Ю.А. Личностные особенности подростков, имеющих опыт сексуальных отношений 96

- Куколева К.И., Колпачников В.В. Соотношение самоактуализации и эгоцентризма в возрастном периоде ранней взрослости 111

Методика

- Рассказова Е.И. Русскоязычная версия опросника восприятия болезни Р. Мосс-Моррис и др.: апробация на выборке больных с непсихотическими депрессиями 123

Некрологи

- Памяти Льва Борисовича Филонова 143
Интервью с Л.Б. Филоновым 146

CONTENTS

Fundamental science today

- Zinchenko Yu.P., Eskov V.M., Eskov V.V.* Definition of Glensdorf–Prigogine’s evolution and the problem of homeostatic regulation in psychophysiology. 3

To the 85th anniversary of Alexey A. Leontiev (1936—2004)

- Sokolova E.E.* One cannot be a psychologist without being a philosopher or Why disputes on notions make sense 25

Empirical studies

- Akhutina T.V., Korneev A.A., Matveeva E.Yu.* The dynamics of executive functions in children of 7—9 years old 42

- Sinelnikova E.S.* Influence of situation characteristics on cultural differences manifestation on preference of conflict interaction tactics. 64

- Kapustin S.A.* Using the results of the study of families with parent-child problems in the practice of counseling adults 79

- Kurbatova T.N., Valova Yu.A.* Personal features of sexually active adolescents. 96

- Kukoleva K.I., Kolpachnikov V.V.* Connection of self-actualization and egocentricity in the age of early adulthood. 111

Methods

- Rasskazova E.I.* Russian version of the Illness Perception Questionnaire (IPQ-R): Validation in the patients with non-psychotic depressions. 123

Memories

- In the memory of Lev Borisovich Filonov 143

- Interview with L.B. Filonov. 146

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ НАУКА СЕГОДНЯ

УДК: 612.821, 159.9.072

ПОНЯТИЕ ЭВОЛЮЦИИ ГЛЕНСДОРФА—ПРИГОЖИНА И ПРОБЛЕМА ГОМЕОСТАТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ПСИХОФИЗИОЛОГИИ

Ю. П. Зинченко, В. М. Еськов, В. В. Еськов

Представлено обсуждение важнейшей проблемы психофизиологии и естествознания в целом: имеются ли повторения измеряемых значений психофизиологических показателей (функций) человека. Показывается, что для тремора и электромиограмм (при попытках сохранения статических мышечных напряжений) невозможно получить произвольно повторение выборок, статистические функции распределения выборок $f(x)$ непрерывно изменяются. Эта динамика характерна и для тремора (условно произвольное движение), и для электромиограмм, когда высшая нервная деятельность человека курирует усилие, развиваемое мышцей. Непроизвольное движение (тремор) демонстрирует число совпадений выборок электромиограмм (при произвольном мышечном напряжении) k , которое подобно тремору в матрицах парных сравнений выборок. Энтропия К. Шеннона при этом статистически значимо не изменяется.

Ключевые слова: гомеостаз, электромиограммы, энтропия, *complexity*.

Зинченко Юрий Петрович — академик РАО, главный ученый секретарь президиума РАО, президент РПО, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии психологии, декан факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* dek@psy.msu.ru

Еськов Валерий Матвеевич — доктор физико-математических наук, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий лабораторией биокибернетики и биофизики сложных систем Института естественных и технических наук БУ ВО «Сургутский государственный университет Ханты-Мансийского автономного округа — Югры». *E-mail:* valery.eskov@gmail.com

Еськов Валерий Валериевич — кандидат медицинских наук, доцент кафедры биофизики и нейрокибернетики Института естественных и технических наук БУ ВО «Сургутский государственный университет Ханты-Мансийского автономного округа — Югры». *E-mail:* z.asconcrete@gmail.com

Введение

Термин «эволюция» должен включать и понятие некоторой направленной скорости изменения параметров $x_i(t)$ исследуемой системы, и одновременно этот термин используется как смысловое противопоставление термину «революция». Последний обозначает быстрое и существенное изменение параметров той или иной системы (психофизиологической, социальной, физической и т.д.). Однако надо понимать, что когда мы переходим от сложных систем, состоящих из отдельных независимых элементов (индивидуумов в социуме, политического союза ряда стран в пределах континента и т.д.), к тоже сложным системам, но состоящим из взаимодействующих и взаимозависящих элементов (к таким системам в первую очередь относится организм человека, состоящий из органов и систем их управления), то понятие скорости эволюции резко изменяется. Возникает новая проблема понятия эволюции и проблема измерения скорости эволюции для таких взаимодействующих элементов, которые в итоге образуют некоторое состояние сложной биосистемы (*complexity*) как *системы третьего типа* (СТТ) (Weaver, 1948). Это состояние мы определяем сейчас как гомеостаз. Подчеркнем, что и этот термин (как и эволюция) расширил свою трактовку и приобрел совершенно новые значения и смыслы, которые первоначально формировались К. Бернардом, а затем и У.Б. Кэнноном и их последователями (Prigogine, 2000; Weaver, 1948; Wheeler, 1999). При этом все изучаемые СТТ обладают разной скоростью эволюции, т.е. изменения координат x_i характеризуются скоростью v в виде $dx/dt=v(t)$. Очевидно, что внешние факторы могут существенно изменять психофизиологические параметры (ПФП) человека, которые демонстрируют непрерывное изменение всех статистических характеристик (Бернштейн, 1997; Еськов, Еськов и др., 2010, 2014, 2015; Еськов, Хадарцев и др., 2014; Русак и др., 2013). Последнее утверждение не очевидное и потребовало детального исследования эффекта Н.А. Бернштейна (1997) «повторение без повторений» в психофизиологии и биомеханике.

Для психофизиологических систем мы будем иметь разные скорости эволюции, но в любом случае мы должны иметь формальный математический аппарат, который бы описывал все эти процессы. Сейчас для сложных, многокомпонентных систем, у которых размерность *фазового пространства состояний* (ФПС) велика ($m \gg 1$), не существует интегративных методов расчета скорости эволюции в рамках теории, разработанной И.Р. Пригожиным и П. Гленсдорфом. Термодинамический подход в оценке эволюции оказался не-

эффективным для СТТ. При этом на уровне молекулярных систем он выполняется — работает известная теорема И.Р. Пригожина (Нобелевская премия за термодинамику неравновесных систем). Где граница между живой и неживой природой, граница для самой *термодинамики неравновесных систем* (ТНС)? Каковы могут быть условия устойчивости психического состояния человека при непрерывных изменениях параметров ПФП (Еськов, Еськов и др., 2014, 2015; Русак и др., 2013; Степин, 2013; Филатов, 2010; Филатов и др., 2012)? Где критерий неизменности (гомеостатичности) психических и психофизиологических параметров человека?

Возникают и другие вопросы в связи с попыткой перейти от хаоса внешних факторов среды к хаосу психофизиологических параметров человека. Что может быть общего во всех этих процессах? Какие модели и какой формальный аппарат можно и нужно применить для описания таких процессов в сложных психофизиологических системах — СТТ? Ответы на эти вопросы можно дать кратко, но тогда будет сложно полностью охватить и детализировать всю проблему эволюции. С другой стороны, можно упростить сложности этой проблемы (описания и моделирования), и тогда это не потребует большого времени и страниц текста для ее изложения. Представим эту вторую траекторию в наиболее упрощенном и доступном для понимания виде. При этом подчеркнем, что с психофизиологической точки зрения нас будет интересовать проблема эволюции психического гомеостаза СТТ, для которых непрерывно $dx/dt \neq 0$, а статистическая *функция распределения $f(x)$, спектральные плотности сигналов (СПС) и автокорреляционные функции $A(t)$* непрерывно и хаотически изменяются (Буданов, Еськов и др., 2015; Буданов, Попов и др., 2015; Гленсдорф, Пригожин, 1973; Еськов, Еськов и др., 2010, 2014, 2015; Еськов, Хадарцев и др., 2014).

Такое отсутствие стационарности характеристик ПФП вообще является главным определителем СТТ и их отличием от физических систем, где начальное состояние системы $x(t_0)$ можно всегда задать. В этом случае такое расширение приводит нас к гомеостатическим системам, к которым мы будем относить не только психологические, биологические, но и социальные системы. В этом случае такая расширенная трактовка гомеостаза несколько выводит нас за пределы нашего обсуждения, и тогда она потребует особого и отдельного рассмотрения. Это рассмотрение уже следует проводить в рамках новой *теории хаоса-самоорганизации* — ТХС, основу которой составляет принципиальная неповторяемость любого психофизиологического параметра, например латентных периодов сенсомоторных реакций, параметров памяти и т.д.

Мы сосредоточим свое внимание на второй стороне проблемы эволюции — эволюции краткосрочных и короткоживущих систем, которые, однако, следует изучать и моделировать (Еськов, Еськов и др., 2014, 2015; Еськов, Хадарцев и др., 2014; Русак и др., 2013; Степин, 2013; Филатов, 2010). В первую очередь речь пойдет об эволюции ПФП человека в различных аспектах этой проблемы, таких, как возрастная эволюция ПФП, эволюция ПФП при различных заболеваниях, эволюция психического статуса человека в целом, эволюция его морали, нравственности и т.д. Все эти виды эволюции сейчас являются объектами разных наук: геронтологии, медицины, психологии, экологии человека, социологии, этики и т.д. Во всех этих процессах мы имеем медленные изменения параметров ПФП человека, его психики в целом, и такими процессами можно управлять. Более того, как мы доказываем, такое управление не только возможно, но и крайне необходимо для особых (живых) систем. Именно управление параметрами $x(t)$ должно обеспечить и эволюционные изменения любой сложной системы (Еськов, Еськов и др., 2014, 2015; Wheeler, 1999).

С другой стороны, мы будем говорить и об эволюции сообществ людей (партий), об эволюции этносов и целых государств. Мы можем говорить об эволюции социальных систем, и можно дополнить анализ недостатков теории А. Тойнби и представлений Э. Тоффлер. Мы можем говорить и об эволюции политических систем в различных странах. Все эти типы и виды эволюций мы можем рассматривать с позиций теории В.С. Степина (2013) о типах научной рациональности (и их смены), с позиций возникновения и развития трех глобальных парадигм развития человечества, его социально-политических систем (Буданов, 2013; Буданов, Еськов и др., 2015; Буданов, Попов и др., 2015). Наконец, мы можем более подробно остановиться на постнеклассике, третьей парадигме и их аналитической части — *теории хаоса-самоорганизации* (ТХС), которая сейчас для психологии и философии науки предоставляет новые и весьма необычные факты (Буданов, 2013; Буданов, Еськов и др., 2015; Буданов, Попов и др., 2015; Степин, 2013; Филатов, 2010; Филатов и др., 2012).

Результат этих процессов — начало изменения нашего сознания и восприятия, что сейчас очень напоминает ситуацию с квантовой физикой сто лет назад (когда вводился принцип неопределенности Гейзенберга в физике). Для сложных биосистем, *СТТ-complexity*, мы уже ввели аналог принципа неопределенности и на его основе была создана и теория расчета скорости эволюции СТТ (Еськов, Еськов и др., 2014, 2015). Сейчас же предстоит совершить

естественно-научный и философский анализ этих новых понятий и процессов с позиций третьей парадигмы и постнеклассики в отношении психофизиологического статуса человека (Еськов, Еськов и др., 2010; Степин, 2013; Филатов, 2010). Определенная часть этих изменений принадлежит психофизиологии и фундаментальным эффектам в ней, в частности *эффекту Еськова—Зинченко*, изучением которого занимаются ученые Сургутского и Московского университетов.

1. Формирование нового мировоззрения с позиций неопределенности

Для гомеостатических систем, участвующих в том числе и в эволюционных процессах, сейчас мы вводим аналоги принципа неопределенности Гейзенберга (Еськов, Еськов и др., 2010, 2014, 2015) и пытаемся создать новые подходы в описании сложных биосистем — *систем третьего типа* (СТТ). Эти СТТ обладают особыми свойствами, которые отличаются от свойств систем неживой природы (физических, технических, химических систем). Эти СТТ по своим свойствам и динамике поведения их вектора состояния $x(t)$ не могут быть отнесены к традиционным *детерминистским* (ДТС) и *стохастическим системам* (СХС). СТТ демонстрируют иногда сходные, а чаще другие свойства в сравнение с ДТС, которые в физике в самом начале XX в. показывали квантовые объекты при их сравнении с объектами обычной классической механики (Еськов, Еськов и др., 2014, 2015).

По степени отличий СТТ от других систем (ДТС и СХС) мы имеем аналогичные революционные изменения мировоззрения, которые коррелируют с преобразованиями в физике начала XX в. при сравнении объектов квантовой механики и классической механики. Напомним, что в физике эти изменения привели к появлению неклассики в философии науки (Буданов и др., 2015; Степин, 2013). Можно ожидать сейчас, что осознание реальности СТТ, их особых свойств и принципа неопределенности для СТТ и их особой динамики, которая отлична от динамики физических или хаотических систем, должно нас привести и к изменению в философии науки, психологии, психофизиологии. Для психофизиологии это все сводится к одному принципиальному утверждению: психофизиологические параметры испытуемого невозможно повторить произвольно даже в виде статистических *функций распределения* $f(x)$. Во многих случаях выборки ПФП не могут быть повторены и для двух соседних выборок (j и $j+1$) их $f(x)$ не будут совпадать

$(f_j(x) \neq f_{j+1}(x))$. Это сейчас составляет нашу количественную (модельную) интерпретацию эффекта Бернштейна «повторение без повторений».

Другие свойства СТТ, другие понятия, другая динамика их поведения — все это требует и других подходов в описании статических и кинематических изменений ВСС $x(t)$ в ФПС. Более того, сейчас необходимо изменять и мировоззрение, так как в рамках традиционного детерминистско-стохастического подхода описывать СТТ весьма затруднительно. Аналогично физическим системам, т.е. в виде уравнений и функций распределения $f(x)$, СТТ описывать невозможно. Более того, и сами функции распределения $f(x)$ для СТТ непрерывно (и хаотически) изменяются вместе со *спектральными плотностями сигналов* — СПС (*электромиограмм* — ЭМГ, *электроэнцефалограмм* — ЭЭГ, *кардиоинтервалов* — КИ в психофизиологии) и выходных сигналов *автокорреляционных функций* $A(t)$ (Еськов, Еськов и др., 2010, 2014, 2015; Еськов, Хадарцев и др., 2014; Русак и др., 2013; Филатов, 2010; Филатов и др., 2012). Такая хаотическая динамика в психофизиологии сейчас нами обозначается как *эффект Еськова—Зинченко*, и он отличен не только от стохастики, но и от динамического хаоса.

В многочисленных наших публикациях показывается, что разрабатываемая сейчас теория детерминированного хаоса к СТТ также не имеет никакого отношения. Следует отметить, что в этом проявлялись глубокие заблуждения трех нобелевских лауреатов — Мюррея Гел-Манна (Gell-Mann, 1997), Ильи Пригожина (Prigogine, 2000) и Джона Уилера (Wheeler, 1999), которые многократно высказывались в пользу теории детерминированного хаоса Лоренца—Арнольда в отношении сложных СТТ-*complexity* (или эмерджентных систем). Наступает период отхода от иллюзий *детерминистско-стохастической науки* (ДСН) в научной интерпретации сложных психофизиологических систем и биосистем в целом и перехода к изучению их реальных свойств и динамики поведения (Еськов, Еськов и др., 2014, 2015). Это поведение имеет два существенных момента: стационарные состояния СТТ совершенно отличны от детерминистских представлений (в виде $dx/dt \neq 0$) и от стохастических представлений о неизменности параметров биосистемы (в виде неизменности СПС, $A(t)$ и $f(x)$). Для СТТ это все не выполняется, так как динамика, например, ПФП приближается к объектам квантовой механики (Еськов и др., 2010, 2014, 2015; Филатов, 2010). Эффект Еськова—Зинченко количественно объясняет «повторение без повторений» Н.А. Бернштейна и дает новые представления о хаосе в системах регуляции ПФП.

Существенно, что в их основе неизбежно лежат скачки (фазовые переходы), когда из множества возможных будущих реалий отдельный человек (гений), группа талантов (гениев) или даже целые научные (многотысячные) коллективы открывают «очевидные вещи» (в рамках трех юмористических суждений: «этого не может быть → в этом что-то есть → это же очевидно!»). К этим «очевидным вещам» сейчас в ТХС относится свойство «мерцания» — базовое понятие для гомеостатических систем, у которых постоянно их $x(t)$ демонстрируют отсутствие стационарных режимов ($dx/dt \neq 0$, $x_i \neq const$) и наблюдается непрерывный калейдоскоп функций распределения $f(x)$. Для получаемых подряд выборок СТТ, находящихся в гомеостазе (якобы неизменном состоянии!), мы имеем особый хаос, например, хаос ПФП, который отличен от динамического хаоса Уилера—Гел-Манна. Этот хаос является характеристикой синергетических систем Германа Хакена (Haken et al., 1985) и эмерджентных систем Джона Уилера (Wheeler, 1999).

Сейчас по отношению к постнеклассике и третьей парадигме (Буданов, 2013; Буданов, Еськов и др., 2015; Буданов, Попов и др., 2015; Степин, 2013) мы находимся на 1-й стадии (этого не может быть!). Объяснение этому можно представить в виде нескольких аспектов, о которых и В.С. Степин, и В.М. Еськов говорили неоднократно, но это все-таки стоит повторить. Во-первых, вопреки закону смены парадигм Томаса Куна мы стоим на противоположной (синергетической) позиции: новая парадигма включает, а не отвергает полностью предыдущие (об этом первым заговорил В.С. Степин в ряде своих публикаций). Однако традиционная ДСН требует старого и широко распространенного подхода: докажите, что ДСН надо отрицать, и тогда мы готовы рассматривать новые подходы и понятия. Такая постановка вопроса полностью укладывается в закон смены парадигм Т. Куна, и она для нас неприемлема.

Постнеклассика, третья парадигма и ТХС не отвергают объекты и методы ДСН. Мы просто говорим о других объектах (СТТ-*complexity*), которые обладают другими свойствами, другой динамикой и требуют других моделей для их описания и прогноза (Еськов, Хадарцев и др., 2014; Степин, 2013). Их познание требует новых понятий и другого формального аппарата, но это все будет расширять философию науки, эпистемологию и гносеологию при изучении особых систем третьего типа (Weaver, 1948). Фактически речь идет о познании человеком самого себя (Буданов, 2013; Буданов, Еськов и др., 2015; Буданов, Попов и др., 2015; Степин, 2013), и в этой связи роль психологии и психофизиологии возрастает много-

кратно. Очевидно, что изучать ПФП необходимо в рамках других подходов и понятий, других методов и моделей, которые отличны от методов традиционной ДСН. Объекты психофизиологии — это системы третьего типа Уоррена Уивера (Weaver, 1948), и для них сейчас разрабатывается ТХС, аналоги квантов механики (Еськов, Еськов и др., 2014, 2015).

2. Психофизиология: другие свойства и законы

Живые (и социальные) системы, *системы третьего типа* (СТТ), на которые впервые обратил внимание в 1948 г. У. Уивер, а затем возникли синергетика Г. Хакена, теория сложности И. Пригожина (*complexity*) и теория эмерджентности Дж. Уилера, требуют и других законов и моделей (Еськов, Еськов и др., 2014, 2015; Степин, 2013). Все названные теории и подходы не могут описывать особые СТТ, так как базируются на традиционных методах ДСН. Более того, сейчас в рамках ТХС мы смогли построить формальный аппарат и модели для описания СТТ, которые отличны от ДСН, но в ряде случаев они с ДСН все-таки бывают связанными. ТХС и третья парадигма не разрывают связь с ДСН и не отказываются полностью от ее методов и моделей. Происходит введение новых терминов, понятий, моделей, которые не только иным образом описывают СТТ, но и иным образом (отличным от ДСН) формулируют (иные) понятия: аналоги флуктуаций (их нет в ТХС), вариаций, стационарных режимов (они другие в ТХС), эволюции СТТ (они отличны от эволюции Пригожина—Гленсдорфа) и др. Впервые об этом пытался сказать Н.А. Бернштейн, 120 лет со дня рождения которого мы сейчас отмечаем. Эффект «повторения без повторения» за 70 лет так и не нашел поддержки, и сейчас ТХС дает ему количественное (модельное) объяснение (Еськов, Еськов и др., 2010, 2014, 2015; Еськов, Хадарцев и др., 2014; Русак и др., 2013) в виде *эффекта Еськова—Зинченко* в психофизиологии, когда стохастические характеристики ПФП сложно использовать.

Экспериментальное обоснование эволюции и стационарности СТТ сейчас можно реализовать в рамках ТХС и в рамках постнеклассики, третьей парадигмы. В ТХС у нас возникают новые представления о стационарных режимах сложных биологических и социальных систем (СТТ-*complexity*) и новые представления об эволюции сложных систем. Что мы сейчас под этим понимаем и где проходит методический и мировоззренческий водораздел между ДСН и ТХС (постнеклассикой, третьей парадигмой)? Ответы на внешне тривиальные вопросы затрагивают фундаментальные,

глубинные проблемы естествознания. Почему мы проводим аналогию с квантовой механикой начала XX в.? Потому что тогда для элементарных частиц возникла проблема точного измерения двух фундаментальных физических понятий: положения частицы в пространстве (координаты $x_1=x_1(t)$) и ее скорости ($x_2=dx_1/dt$). До этого в классической механике измерение x_1 и x_2 не вызывало проблем, и это составляло основу всей физики. Принцип неопределенности Гейзенберга нарушил эти каноны, здание классической физики закачалось.

Нечто подобное сейчас происходит и в психологии, психофизиологии (условно этот эффект хаотической (стохастической) динамики ПФП мы сейчас обозначаем как эффект Еськова—Зинченко) для ПФП человека, когда все статистические характеристики ПФП непрерывно и хаотически изменяются. Сейчас в рамках эффекта Еськова—Зинченко мы показываем (Еськов, Еськов и др., 2010, 2014, 2015; Еськов, Хадарцев и др., 2014; Русак и др., 2013; Филатов, 2010; Филатов и др., 2012) низкую эффективность применения расчетов *спектральных плотностей сигналов* (СПС), *автокорреляционных функций* $A(t)$ и статистических *функций распределения* $f(x)$ и любых моделей в виде уравнений (дифференциальных, разностных, интегральных и т.д.). Одновременно хаос СТТ отличен от детерминированного хаоса (т.е. СТТ — не объект ДСН). Динамика поведения любой сложной, самоорганизующейся системы (СТТ-*complexity*) особенная уже из-за уникальности СТТ. Например, все (по классификации П.К. Анохина) *функциональные системы организма* (ФСО) человека (как было показано исследователями в области ТХС — см.: Еськов и др., 2014, 2015) не имеют стационарных состояний своих параметров, которые описываются их вектором состояния $x=x(t)=(x_1, x_2, \dots, x_m)^T$ в *фазовых пространствах состояний* (ФПС) с размерностью m . В наших простейших случаях с управлением позой на примере постурального тремора и электромиограмм, характеризующих удержание позы (условно статические состояния конечности), мы не можем произвольно повторять $f(x)$, СПС, $A(t)$.

Такая постоянная нестабильность (неустойчивость, с позиций ДСН) кажется нереальной для физика, математика или специалиста технического профиля, так как в рамках детерминизма для многих физических, химических, технических систем, описываемых математическими уравнениями и равенствами, достигнуть условия $dx_1/dt=0$ (т.е. $x_2=0$ и $x_1=const$) довольно просто. Различные теории устойчивости (начиная от работ А.М. Ляпунова и А. Пуанкаре) составляют фундамент современной математики и физики. Но в ТХС

основу составляет глобальная нестабильность (базовое свойство всех СТТ), о которой много лет назад пытался сказать И.Р. Пригожин, но его выступление осталось незамеченным (Prigogine, 2000). Пригожин подчеркивал, что уникальные системы — это не объект современной науки, а Р. Пенроуз (2003, с. 165) вообще говорил о глобальной неопределенности таких объектов в смысле того, что у них невозможно изучать любые состояния («Что означает “вычислимость”, когда в качестве входных и выходных данных допускаются непрерывно изменяющиеся параметры?»).

В физике существует фундаментальный 1-й закон Ньютона, когда мы имеем $x_2=0$, в этом случае x_1 или линейно изменяется, или $x_1=const$. Для ПФП, для многих других регуляторных систем организма (организация движений, электромиограммы, электроэнцефалограммы, кардиограммы и т.д.) мы никогда не получим $dx_1/dt=0$ и $x_1=const$ (это основа эффекта Еськова—Зинченко). Нет покоя в традиционном физическом понимании! Все системы гомеостаза (включая и биохимические параметры крови и других тканей) находятся в непрерывном и хаотическом движении ($f(x)$, СПС, $A(t)$) непрерывно и хаотически изменяются). Поэтому, строго говоря, никакого подобия и постоянства (эти понятия составляли основу термина «гомеостаз» для К. Бернара, а потом и для У.Б. Кэннона) состояния организма и динамики его поведения нет! Мы сейчас должны пересмотреть наши представления о стационарности и неизменности, так как в ТХС стационарность подразумевает определенную неизменность параметров квазиаттракторов, а не $dx/dt=0$ или неизменность статистических функций распределения $f(x)$. Это составляет основу эффекта Еськова—Зинченко в психофизиологии (исходно в биомеханике эффекта «повторение без повторений» Н.А. Бернштейна).

По отношению к любой координате x_i всего вектора состояния ПФП человека $x(t)$ мы не можем говорить о постоянстве и подобии. Более того, все гомеостатические системы (организма человека) как СТТ не только не имеют состояния покоя (в виде $dx_i/dt=0$), но и их состояние гомеостаза не описывается в рамках традиционной статистики и теории вероятностей. Последнее утверждение особенно сложно будет восприниматься психологами, биологами и специалистами в области медицины, так как все измерения на интервалах времени Δt_1 при гомеостазе (якобы постоянном состоянии организма) могут (и обычно это и происходит) не совпадать с измерениями на последующем интервале Δt_2 . Например, регистрация кардиоинтервалов, тремора, теппинграмм, ЭЭГ, ЭМГ, различных биохимических

параметров крови, при таком измерении получаемых выборок для любых x_i и их dx_i/dt , т.е. скорости изменения x_i , не показывает постоянства в рамках детерминизма или стохастики. Если сравнивать выборки, которые получают подряд за $\Delta t_1 = \Delta t_2 = \dots = \Delta t_n$, то оказывается, что функции распределения для этих выборок $f_1(x)$, $f_2(x)$, ..., $f_n(x)$ при условии сохранения (якобы) параметров гомеостаза непрерывно будут изменять свой вид (Еськов, Еськов и др., 2010, 2014, 2015; Еськов, Хадарцев и др., 2014; Русак и др., 2013;). Об этом говорил и В.С. Степин (2013) в постнеклассике, но моделей (количественных подтверждений этому) никто не демонстрировал. Только сейчас мы вводим понятие эффекта Еськова—Зинченко в психофизиологии и даем ему количественное объяснение.

Таблица 1

**Результаты попарного сравнения по критерию Вилкоксона треморограмм одного испытуемого (ЧНА) при повторных (n=15) измерениях (поряд) за короткое время ($\Delta t=5$ сек).
Здесь число совпадений пар $k_i=6$, когда $p \geq 0.05$**

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1		.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.96	.00	.00
2	.00		.00	.00	.01	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00
3	.00	.00		.00	.00	.01	.00	.00	.02	.04	.00	.00	.00	.01	.00
4	.00	.00	.00		.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.01	.00
5	.00	.01	.00	.00		.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00
6	.00	.00	.01	.00	.00		.00	.00	.47	.00	.96	.00	.00	.00	.00
7	.00	.00	.00	.00	.00	.00		.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00
8	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00		.00	.00	.00	.00	.00	.21	.19
9	.00	.00	.02	.00	.00	.47	.00	.00		.00	.02	.00	.00	.00	.00
10	.00	.00	.04	.00	.00	.00	.00	.00	.00		.00	.00	.00	.00	.00
11	.00	.00	.00	.00	.00	.96	.00	.00	.02	.00		.00	.00	.00	.00
12	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00		.00	.00	.00
13	.96	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00		.00	.00
14	.00	.00	.01	.01	.00	.00	.00	.21	.00	.00	.00	.00	.00		.79
15	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.19	.00	.00	.00	.00	.00	.79	

Таблица 2

Результаты попарного сравнения по критерию Ньюмена—Кейлса треморограмм для 15 различных испытуемых при $\Delta t=5$ сек.
Здесь число совпадений $k_2=6$, когда $p \geq 0.05$

	1 R:1484.6	2 R:830.20	3 R:3982.8	4 R:1979.7	5 R:5906.4	6 R:4762.2	7 R:2256.1	8 R:7217.9	9 R:5572.5	10 R:336.95	11 R:34332	12 R:6094.1	13 R:2623.4	14 R:6402.0	15 R:3411.5
1		.00	.00	.03	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00
2	.00		.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.03	.00	.00	.00	.00	.00
3	.00	.00		.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.04	.00	.00	.00	.02
4	.03	.00	.00		.00	.00	1.0	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00
5	.00	.00	.00	.00		.00	.00	.00	1.0	.00	.00	1.0	.00	.03	.00
6	.00	.00	.00	.00	.00		.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00
7	.00	.00	.00	1.0	.00	.00		.00	.00	.00	.00	.00	.77	.00	.00
8	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00		.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00
9	.00	.00	.00	.00	1.0	.00	.00	.00		.00	.00	.01	.00	.00	.00
10	.00	.03	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00		.00	.00	.00	.00	.00
11	.00	.00	.04	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00		.00	.00	.00	1.0
12	.00	.00	.00	.00	1.0	.00	.00	.00	.01	.00	.00		.00	1.0	.00
13	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.77	.00	.00	.00	.00	.00		.00	.00
14	.00	.00	.00	.00	.03	.00	.00	.00	.00	.00	.00	1.0	.00		.00
15	.00	.00	.02	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	1.0	.00	.00	.00	

Более того, если брать выборки не от одного человека подряд 15 раз (т.е. $n=15$, например), а от 15 разных испытуемых, находящихся (якобы) в одинаковом состоянии, то результаты расчета матриц парных сравнений и на основе числа k совпадений в этой матрице парных сравнений их (выборок) функций распределения (матрица 15×15), можно демонстрировать для одного и того же параметра гомеостаза тремора x , приблизительно одинаковое число k ($k_1 \approx k_2 \approx k_3$ и т.д.). Это представлено для примера в виде двух таблиц: табл. 1 — для одного человека при повторах (поряд) измерений его тремора и табл. 2 — для парных сравнений выборок треморограмм, полученных от 15 разных людей. Отсюда легко сделать вывод: организация движений у разных людей приблизительно одинакова, если эти люди находятся в приблизительно одинаковом в психическом или физиологическом состоянии. Но эта схожесть (подобие) проявляется не в прямом равенстве функций распределения $f(x)$, а в их числе «со-

впадений» пар выборок k . Это означает, что точно функции $f(x)$ не совпадают, но с высокой вероятностью ($p \geq 0.95$) отдельные выборки (число пар k) принадлежат одной генеральной совокупности.

3. Хаос ПФП зависит от психического состояния испытуемого (состояния ВНД)

Оказалось, что если изменить психическое (психофизиологическое) состояние испытуемого (изменить задание, привлечь сознание), то изменяется число пар совпадений выборок k . Например, в табл. 3 и 4 мы показываем другой пример расчета числа совпадений пар выборок, но уже для *электромиограмм* (ЭМГ) в матрицах парных сравнений выборок ЭМГ. При 15 повторах измерений у одного и того же испытуемого, находящегося в условиях слабого напряжения мышцы ($F_1=5$ даН), и при двукратном усилении напряжения мышцы ($F_2=2F_1$) мы можем получить разные значения k . Подчеркнем, что между параметрами треморограмм и параметрами ЭМГ имеется

Таблица 3

Матрица парного сравнения электромиограмм (ЭМГ) одного и того же человека при слабом напряжении мышцы ($p=5$ даН), представляющая критерий Вилкоксона (критерий значимости $p < 0.05$, число совпадений $k_3=6$)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1		.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.85	.00	.00	.02	.00	.00	.00
2	.00		.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00
3	.00	.00		.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00
4	.00	.00	.00		.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00
5	.00	.00	.00	.00		.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00
6	.00	.00	.00	.00	.00		.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00
7	.00	.00	.00	.00	.00	.00		.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00
8	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00		.00	.00	.39	.00	.00	.00	.00
9	.85	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00		.00	.00	.06	.01	.00	.00
10	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00		.00	.00	.10	.00	.31
11	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.39	.00	.00		.00	.00	.01	.00
12	.02	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.06	.00	.00		.00	.01	.00
13	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.01	.10	.00	.00		.00	.08
14	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.01	.01	.00		.00
15	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.31	.00	.00	.08	.00	

четкая корреляция: усиление управляющих воздействий со стороны *высшей нервной деятельности* (ВНД), привлечение сознания резко влияет на параметры k матриц парных сравнений выборок, на переход от хаоса ПФП к стохастике (это показывают значения $k_3=6$ в табл. 3 и $k_4=20$ в табл. 4). Подчеркнем, что это типичный пример из нескольких сотен подобных матриц, которые мы рассчитали.

Очевидно, что $k_4 > k_3$, т.е. число пар выборок, которые мы можем отнести к одной генеральной совокупности при напряжении мышцы (активизация ВНД), будет возрастать. Это характеризует изменение ПФП (состояние мышечного напряжения) в условиях усиления управления со стороны ВНД. Именно это пытался сказать 70 лет назад Н.А. Бернштейн (1997), вводя эффект «повторение без повторения». Однако Николай Александрович этот эффект объяснил качественно (он ввел 4 разные системы регуляции движений — А, В, С, D). Он представлял, что роль и значимость каждой такой системы могут меняться при упражнениях. Сейчас мы количественно

Таблица 4

Матрица парного сравнения электромиограмм (ЭМГ) одного и того же человека при усилении напряжения мышцы ($p=10$ даН), представляющая критерий Вилкоксона (критерий значимости $p<0.05$, число совпадений $k_4=20$)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1		.00	.06	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00
2	.00		.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00
3	.06	.00		.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00
4	.00	.00	.00		.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00
5	.00	.00	.00	.00		.08	.00	.00	.02	.01	.43	.00	.00	.00	.51
6	.00	.00	.00	.00	.08		.00	.00	.37	.00	.06	.33	.01	.00	.09
7	.00	.00	.00	.00	.00	.00		.09	.00	.00	.00	.00	.05	.47	.00
8	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.09		.00	.00	.00	.00	.00	.08	.00
9	.00	.00	.00	.00	.02	.37	.00	.00		.00	.00	.55	.20	.15	.02
10	.00	.00	.00	.00	.01	.00	.00	.00	.00		.17	.00	.00	.00	.03
11	.00	.00	.00	.00	.43	.06	.00	.00	.00	.17		.01	.00	.00	.15
12	.00	.00	.00	.00	.00	.33	.00	.00	.55	.00	.01		.17	.28	.00
13	.00	.00	.00	.00	.00	.01	.05	.00	.20	.00	.00	.17		.07	.01
14	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.47	.08	.15	.00	.00	.28	.07		.00
15	.00	.00	.00	.00	.51	.09	.00	.00	.02	.03	.15	.00	.01	.00	

Таблица 5

**Значение E (энтропии Шеннона) при слабом (5 даН)
и сильном (10 даН) напряжении мышцы**

	E_1 , при 5 даН	E_2 , при 10 даН
1	2.304	3.546
2	3.584	3.641
3	3.039	3.246
4	3.641	3.546
5	3.446	3.309
6	3.684	3.509
7	3.546	3.522
8	3.684	3.546
9	3.684	3.546
10	3.746	3.322
11	3.484	3.746
12	3.022	3.584
13	3.541	3.584
14	3.584	3.346
15	3.784	3.204
Среднее	3.452	3.480

Ненормальное распределение, критерий Вилкоксона, значимость функций $f(x)$: $p=0.94$.

показываем, чем произвольность тремора отличается от произвольного управления мышцей на уровне ЭМГ (за счет ВНД).

При усилении управления со стороны ВНД $k_4=20$ нарастает и система от хаоса тремора ($k_1=6$, $k_3=6$) переходит к управляемому движению с нарастанием стохастики ($k_4=20$). Характерно, что при этом энтропия E для ЭМГ при $F_2=2F_1$ практически не изменяется. В табл. 5 мы представляем для сравнения расчеты энтропии E_1 и E_2 для этих же двух усилий (F_1 и F_2). Существенно, что в теореме Пригожина—Гленсдорфа (из термодинамики неравновесных систем) при отходе от стационарного состояния (у нас это тремор покоя) энтропия E должна убывать, а скорость прироста энтропии $P=dE/dt$ должна нарастать! Во всех наших экспериментах такое не наблюдается. Термодинамика неравновесных систем Пригожина не может быть применена к сложным психофизиологическим и биологическим системам. У этих систем (СТТ-complexity) особый хаос, а энтропия может не изменяться при переходах от устойчивого состояния (равновесно) к неустойчивому (у нас это управление со стороны ВНД), что представлено в табл. 5. Это еще более усиливает

значимость и особенность эффекта Еськова—Зинченко, который и со стороны термодинамического подхода отличается от объектов современной науки.

Очевидно, что ни сами статистические функции $f(x)$, ни расчет энтропии E для этих двух состояний напряжения мышцы для экспериментатора в информационном смысле ничего не дает. Для $f(x)$ мы будем иметь калейдоскоп $f_i(x)$, если число измерений i будет невелико (мы просто не увидим «совпадений» выборки при $i=3$ или $4!$). Энтропия ЭМГ при реальном изменении психофизиологического состояния может совершенно не изменяться. Иными словами, традиционные статистический подход или термодинамический подход дают неверную информацию: в первом случае $f_i(x)$ непрерывно изменяется (хотя система находится в стационарном состоянии — гомеостазе), а во втором — система по параметрам энтропии E не изменяется ($E_1=E_2$), хотя гомеостаз резко изменяется под действием ВНД.

Подобных примеров у нас накопилось десятки тысяч, так как всего было обследовано около 20 тысяч испытуемых и было получено более 1 миллиона выборок для различных параметров ПФП. Очевидно, что изменение состояния ПФП можно рассматривать как непрерывную эволюцию параметров психических функций организма, тем более если эти процессы имеют необратимый характер (например, старение организма). В нашем случае речь идет о двух функциональных системах организма человека: *нервно-мышечной системе* (НМС) и *кардио-респираторной системе* (КРС). Примеры с КРС мы сейчас не демонстрируем, но там точно такая же картина, т.е. $f_i(x)$ непрерывно изменяются в гомеостазе, а значения E не изменяются при переходе из одного гомеостаза в другой (т.е. при эволюции гомеостаза). Это резко противоречит теории эволюции Пригожина—Глендсдорфа в *термодинамике неравновесных систем* (ТНС) Пригожина и говорит о том, что СТТ — не объект современной ДСН. Как с позиций механики (СТТ ближе к объектам квантовой механики — Еськов, Еськов и др., 2014, 2015), так и с позиций термодинамики.

Тогда возникают фундаментальные вопросы психофизиологии и всего естествознания: что считать стационарным состоянием любой регуляторной системы человека (у нас это пока НМС и КРС) и что считать эволюцией, т.е. реальным изменением значений ПФП (и других регуляторных систем: по параметрам они непрерывно изменяются, т.е. $dx/dt \neq 0$, а $f(x)$ не совпадают)? Мы показали в рамках разрабатываемой новой *теории хаоса-самоорганизации* (ТХС), что имеется существенная разница между измерениями (но в пределах

квазиаттракторов — КА) параметров ПФП (и других регуляторных систем) с позиции ДСН и ТХС. Если в ДСН мы имеем непрерывные изменения всех параметров $x(t)$, т.е. гомеостаза, то в рамках ТХС мы имеем стационарные состояния (если КА не изменяется). Наоборот, то, что в ТХС можно считать как эволюцию, в ДСН мы можем рассматривать как статическое (гомеостатическое) состояние. В этом случае мы часто имеем неопределенность 1-го типа: выборки статистически не различаются, а параметры КА различны и нейроэмуляторы их разделяют!

Такая инверсия понятий и представлений должна не только резко изменить наши представления о гомеостазе и эволюции в психофизиологии, но и поменять наши представления о механизмах регулирования любых психофизиологических систем. К этим системам мы сейчас относим любые регуляторные системы организма человека, любые социумы и, возможно, биосферу Земли. Все эти системы являются гомеостатическими, и они существенно отличаются по своим характеристикам от других систем, изучаемых в ДСН. Признаками их гомеостатичности являются:

1. Непрерывное и хаотичное движение их вектора состояния в виде $x(t)$, т.е. постоянно $dx/dt \neq 0$, $x \neq const$ в *фазовом пространстве состояний* (ФПС).

2. Наличие эволюционных процессов в их динамике. Причем термин «эволюция» отличен от представлений Пригожина—Гленсдорфа, так как в эволюции СТТ энтропия может и не изменяться (и функции распределения $f(x)$ тоже могут не изменяться), но с позиций ТХС изменяются параметры КА, а нейроэмуляторы при бинарной классификации часто показывают различие выборок СТТ.

3. Из-за их (СТТ) самоорганизации эта эволюция имеет телеологический характер — она куда-то направлена, у биосистем (и социальных систем) имеется финальный квазиаттрактор. Для социумов это — знаниевое, синергетическое, постиндустриальное общество. Существенно, что за счет внешних управляющих воздействий мы можем изменять это направление движения КА в ФПС и параметры конечного квазиаттрактора.

4. Все психофизиологические системы проявляют удивительные свойства демонстрировать гигантские отклонения от равновесия и возможность возвращаться в исходный квазиаттрактор. Это означает, что СТТ могут выходить за 3, 20 и даже 100 сигм, что для всех объектов неживой природы сразу приведет к катастрофе (они прекратят свое существование, разрушатся и т.д.). Ряд заболеваний (тремор Паркинсона) сразу выводит ПФП за 10 сигм, но при терапии мы можем наблюдать эволюцию (возраст к норме), когда ригидная

форма болезни (полный покой, $dx/dt \neq 0$) переходит в обычный для паркинсоника тремор, а последний вообще исчезает (имеем обычный постуральный тремор).

Заключение

Особенности динамики (и статики) сложных психофизиологических регуляторных систем начинаются с их хаотических свойств. Гомеостаз психофизиологических функций человека — это не статическое, а особое динамическое состояние СТТ, которое описывается вектором состояния системы $x(t)$. Изменение параметров $x(t)$ может характеризовать изменение ПФП. В простейшем случае тремор и ЭМГ могут количественно представлять статистически-динамические характеристики ПФП.

Эволюция СТТ начинается с изменения параметров *квазиаттракторов* (КА) регуляторных систем, в частности в виде изменений КА для ПФП. Если параметры КА существенно не изменяются, то и никакой эволюции биосистем нет.

Эволюция Пригожина—Гленсдорфа не может описывать процессы, происходящие в сложных психофизиологических системах. То, что в традиционной науке является стационарным состоянием, в ТХС может быть эволюцией (изменением параметров СТТ), и наоборот, неизменность параметров СТТ может с позиций ДСН рассматриваться как некоторое изменение в параметрах ПФП. Требуется аппроксимация этих данных на психофизиологию, медицину и биологию. В ряде случаев мы можем не оценивать эффективность лечения, например, хотя в действительности эффект от терапии имеется, но мы можем не обратить внимание на изменение психического состояния человека, а ТХС его зарегистрирует. Требуются новые методы в психологии, медицине и биологии для оценки гомеостаза и эволюции сложных биосистем (*complexity*). В этом заключается новая количественная интерпретация эффекта Н.А. Бернштейна «повторение без повторений», который мы сейчас распространили на различные регуляторные процессы (тремор, теппинг, электромиография и т.д.) в виде эффекта Еськова—Зинченко. Этот эффект проявляется в хаотической динамике основных статистических характеристик ПФП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бернштейн Н.А. Биомеханика и физиология движений / Под ред. В.П. Зинченко. М.: Институт практической психологии, 1997.

Буданов В.Г. Синергетическая методология Форсайта и моделирование сложного // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 1. С. 13—24.

Буданов В.Г., Еськов В.М., Журавлева О.А., Василев М.Ю. Философские аспекты нестабильности гомеостаза и эволюции // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2015. № 3. С. 58—65.

Буданов В.Г., Попов Ю.М., Филатов М.А., Илюйкина И.В. Гомеостатические системы: новая наука и новая философия науки // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2015. № 4. С. 69—76.

Глендорф П., Пригожин И. Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуаций. М.: Мир, 1973.

Еськов В.М., Еськов В.В., Хадарцев А.А., Филатов М.А., Филатова Д.Ю. Метод системного синтеза на основе расчета межаттракторных расстояний в гипотезе равномерного и неравномерного распределения при изучении эффективности кинезитерапии // Вестник новых медицинских технологий. 2010. Т. 17. № 3. С. 106—110.

Еськов В.М., Еськов В.В., Гавриленко Т.В., Зимин М.И. Неопределенность в квантовой механике и биофизике сложных систем // Вестник Московского университета. Серия 3. Физика. Астрономия. 2014. № 5. С. 41—46.

Еськов В.М., Еськов В.В., Гавриленко Т.В., Вохмина Ю.В. Кинематика биосистем как эволюция: стационарные режимы и скорость движения сложных систем — *complexity* // Вестник Московского университета. Серия 3. Физика. Астрономия. 2015. № 2. С. 62—74.

Еськов В.М., Хадарцев А.А., Козлова В.В., Филатов М.А. и др. Системный анализ, управление и обработка информации в биологии и медицине. Т. 11: Системный синтез параметров функций организма жителей Югры на базе нейрокомпьютинга и теории хаоса-самоорганизации в биофизике сложных систем. Самара: Офорт, 2014.

Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. М.: УРСС, 2003.

Русак С.Н., Козуница Г.С., Филатова О.Е., Еськов В.В., Шевченко Н.Г. Динамика статуса вегетативной нервной системы у учащихся младших классов в погодных условиях г. Сургута // Вестник новых медицинских технологий. 2013. Т. 20. № 4. С. 92—95.

Степин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 35—44.

Филатов М.А. Метод фазовых пространств в моделировании психофизиологических функций учащихся Югры. Самара: Офорт, 2010.

Филатов М.А., Филатова Д.Ю., Химикина О.И., Романова Ю.В. Метод матриц межаттракторных расстояний в идентификации психофизиологических функций человека // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2012. № 1. С. 20—24.

Gell-Mann M. Fundamental sources of unpredictability // Complexity. 1997. Vol. 3. N 1. P. 9—13.

Haken H., Kelso J.A.S., Bunz H. A theoretical model of phase transitions in human hand movements // *Biological Cybernetics*. 1985. Vol. 51. P. 347—356.

Prigogine I. The die is not cast // *Futures. Bulletin of the World Futures Studies Federation*. 2000. Vol. 25. N 4 (January). P. 17—19.

Weaver W. Science and complexity // *American Scientist*. 1948. Vol. 36. P. 536—544.

Wheeler J.A. Information, physics, quantum: the search for links // *Feynman and computation: Exploring the limits of computers* / Ed. by A.J.G. Hey. Cambridge, MA: Perseus Books, 1999. P. 309.

Поступила в редакцию
15.02.16

DEFINITION OF GLENSDORF-PRIGOGINE'S EVOLUTION AND THE PROBLEM OF HOMEOSTATIC REGULATION IN PSYCHOPHYSIOLOGY

Yury P. Zinchenko¹, Valery M. Eskov², Valery V. Eskov²

¹ *Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russia*

² *Department of Biophysics and Neurocybernetics, Institute of Natural and Technical Sciences, Surgut State University, Surgut, Russia*

Abstract: The discussion of crucial problems of psychophysiology and natural sciences is presented, in general: are there any recurrences of measured values of psycho-physiological parameters (functions) of a person. It is shown that it is impossible to obtain arbitrarily a repetition of samples for tremor and electromyogram (when trying to maintain static muscular tension), statistical distribution function of samples $f(x)$ is continuously changing. This dynamics is typical for tremor (conditionally involuntary movement) and electromyogram when the higher nervous activity of individual oversees the muscular effort. The involuntary movement (tremor) shows the number of coincidence of electromyogram samples (at unrestricted muscular tension) k , which is similar to such in the matrices of pairwise comparisons of tremor samples. Shannon's entropy in this case does not change significantly.

Key words: homeostasis, electromyogram, entropy, complexity.

References:

Bernshiteyn, N.A. (1997) *Biomekhanika i fiziologiya dvizheniy* [Biomechanics and physiology of movements] / V.P. Zinchenko (ed.). Moscow: Institut prakticheskoy psikhologii.

Budanov, V.G. (2013) Sinergeticheskaya metodologiya Forsayta i modelirovanie slozhnogo. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Mind. Post-nonclassic], 1, 13—24.

Budanov, V.G., Es'kov, V.M., Zhuravleva, O.A., Vasil'ev, M.Yu. (2015) Filosofskie aspekty nestabil'nosti gomeostaza i evolyutsii. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Mind. Post-nonclassic], 3, 58—65.

Budanov, V.G., Popov, Yu.M., Filatov, M.A., Ilyuykina, I.V. (2015) Gomeostaticheskie sistemy: novaya nauka i novaya filosofiya nauki. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Mind. Post-nonclassic], 4, 69—76.

Es'kov, V.M., Es'kov, V.V., Khadartsev, A.A., Filatov, M.A., Filatova, D.Yu. (2010) Metod sistemnogo sinteza na osnove rascheta mezhattraktornykh rasstoyaniy v gipoteze ravnomernogo i neravnomernogo raspredeleniya pri izuchenii effektivnosti kineziterapii. *Vestnik Novykh Meditsinskikh Tekhnologiy* [Bulletin of New Medical Technologies], 17, 3, 106—110.

Es'kov, V.M., Es'kov, V.V., Gavrilenko, T.V., Zimin, M.I. (2014) Neopredelennost' v kvantovoy mekhanike i biofizike slozhnykh sistem. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 3: Fizika. Astronomiya* [Bulletin of Moscow University. Series 3: Physics. Astronomy], 5, 41—46.

Es'kov, V.M., Es'kov, V.V., Gavrilenko, T.V., Vokhmina, Yu.V. (2015) Kinematika biosistem kak evolyutsiya: statsionarnye rezhimy i skorost' dvizheniya slozhnykh sistem — complexity. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 3. Fizika i Astronomiya* [Bulletin of Moscow University. Series 3: Physics. Astronomy], 2, 62—74.

Es'kov, V.M., Khadartsev, A.A., Kozlova, V.V., Filatov, M.A. i dr. (2014) *Sistemnyy analiz, upravlenie i obrabotka informatsii v biologii i meditsine. Tom XI: Sistemnyy sintez parametrov funktsiy organizma zhiteley Yugry na baze neyrokomp'yutinga i teorii khaosa-samoorganizatsii v biofizike slozhnykh sistem* [System analysis, management and information processing in biology and medicine. Volume XI: Systematic synthesis of functions of an organism of inhabitants of Yugra based on neurocomputing and chaos theory self-organization in complex systems Biophysics]. Samara: Ofort.

Filatov, M.A. (2010) *Metod fazovykh prostranstv v modelirovanii psikhofiziologicheskikh funktsiy uchashchikhsya Yugry* [The method of phase spaces in modeling of psychophysiological functions of Yugra students]. Samara: Ofort, 2010.

Filatov, M.A., Filatova, D.Yu., Khimikova, O.I., Romanova, Yu.V. (2012) Metod matrits mezhattraktornykh rasstoyaniy v identifikatsii psikhofiziologicheskikh funktsiy cheloveka. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Mind. Post-nonclassic], 1, 20—24.

Gell-Mann, M. (1997) Fundamental sources of unpredictability. *Complexity*, 3, 1, 9—13.

Glensdorf, P., Prigozhin, I. (1973) *Termodinamicheskaya teoriya struktury, ustoychivosti i fluktuatsiy* [Thermodynamic theory of structure, stability and fluctuations]. Moscow: Mir.

Haken, H., Kelso, J.A.S., Bunz, H. (1985) A Theoretical model of phase transitions in human hand movements. *Biological Cybernetics*, 51, 347—356.

Penrouz, R. (2003) *Novyy um korolya. O komp'yuterakh, myshlenii i zakonakh fiziki* [The new mind of the king. About computers, thinking and the laws of physics]. Moscow: URSS.

Prigogine, I. (2000) The Die Is Not Cast. *Futures. Bulletin of the World Futures Studies Federation*, 25, 4, 17—19.

Rusak, S.N., Kozupitsa, G.S., Filatova, O.E., Es'kov, V.V., Shevchenko, N.G. (2013) Dinamika statusa vegetativnoy nervnoy sistemy u uchashchikhsya mladshikh klassov v pogodnykh usloviyakh g. Surguta. *Vestnik Novykh Meditsinskikh Tekhnologiy* [Bulletin of New Medical Technologies], 20, 4, 92—95.

Stepin, V.S. (2013) Tipy nauchnoy ratsional'nosti i sinergeticheskaya paradigma. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Mind. Post-nonclassic], 4, 35—44.

Weaver, W. (1948) Science and Complexity. *American Scientist*, 36, 536—544.

Wheeler, J.A. (1999) Information, physics, quantum: the search for links. In A.J.G. Hey (ed.) *Feynman and Computation: Exploring the Limits of Computers* (p. 309). Cambridge, MA: Perseus Books.

Original manuscript received February 15, 2016

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.А. ЛЕОНТЬЕВА (1936—2004)

УДК: 159.9.019, 159.922

ЧТОБЫ БЫТЬ ПСИХОЛОГОМ, НЕЛЬЗЯ НЕ БЫТЬ ФИЛОСОФОМ, ИЛИ ПОЧЕМУ ИМЕЕТ СМЫСЛ СПОРИТЬ О ПОНЯТИЯХ

Е. Е. Соколова

Статья написана в контексте развития творческого наследия А.А. Леонтьева (1936—2004). Откликаясь на призыв ученого интенсифицировать методологическую работу в психологии и углубить «критику понятий», автор статьи анализирует историю возникновения и развития понятия «функциональный орган» в психологии деятельности. В противовес популярным в последнее время тенденциям определять психическое как функциональный орган индивида или души, автор настаивает на определении психики как функционального органа деятельности, что соответствует не букве, но духу деятельностного подхода в психологии в варианте школы А.Н. Леонтьева. Такое понимание сущности психического может вывести психологию из дихотомии механицизма и спиритуализма, без преодоления которой, как отмечал еще Л.С. Выготский, невозможно адекватное развитие психологической науки и практики.

Ключевые слова: А.А. Леонтьев, методология психологии, функциональный орган, деятельность, психика, деятельностный подход в психологии, школа А.Н. Леонтьева.

Соколова Елена Евгеньевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* ees-msu@mail.ru

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-06-10942а «Научное наследие А.А. Леонтьева».

Всегда в памяти

14 января 2016 г. исполнилось бы 80 лет человеку энциклопедического дарования, крупному отечественному психологу и филологу Алексею Алексеевичу Леонтьеву (1936—2004). Я познакомилась с А.А. Леонтьевым еще в студенческие годы, когда вместе с Е.Ю. Патяевой (тогда однокурсницей, а ныне коллегой по работе на факультете психологии МГУ) посещала его спецкурс по психологии общения. Особенно запомнилось мне, как обрадовался Алексей Алексеевич, когда обнаружил, что совсем еще юные студентки смогли понять давно очевидную ему бесплодность попыток некоторых психологов соединить категории деятельности и общественных отношений простым союзом «и». Мы с удовольствием напоминали друг другу фразу из последней книги А.Н. Леонтьева, касающуюся диалектического решения проблемы соотношения деятельности и общественных отношений: «...реальным базисом личности человека является совокупность его общественных по своей природе отношений к миру, но отношений, которые *реализуются* <...> его деятельностью» (Леонтьев, 2004, с. 140; выделено автором. — Е.С.). Еще было поразительно, что Алексей Алексеевич, казавшийся нам небожителем, не только прислушивался к нашему студенческому мнению, но и вел себя с нами, «дамами», галантно, как истинный джентльмен.

Позже мы неоднократно встречались в коридорах факультета на переменах или после занятий (на многие лекции Алексея Алексеевича я ходила в разные годы), и он каждый раз спрашивал: «Ну как, лекция сегодня удалась? Я сегодня был убедителен? Или надо над чем-то поработать?» И было видно, что он действительно хочет получить от слушателей «обратную связь», чтобы и дальше совершенствовать свои и без того блестящие, информационно насыщенные и всегда четко структурированные выступления.

И конечно, мы постоянно встречались с ним в доме, где когда-то жил его отец, создатель общепсихологической теории деятельности Алексей Николаевич Леонтьев, и где ежегодно 5 февраля отмечался и отмечается день его рождения. Алексей Алексеевич был всегда готов обсудить возникшие у него идеи по сохранению и развитию творческого наследия А.Н. Леонтьева и других представителей созданной им научной школы. Он принимал активное участие в подготовке и проведении юбилейных мероприятий, посвященных 100-летию А.Н. Леонтьева, а это были очень хорошо организованная и блестяще проведенная Зимняя психологическая школа-2003 в Звенигороде, а затем и Международная конференция в мае того же года

на факультете психологии МГУ. К последней конференции Алексей Алексеевич выпустил книгу о жизни и творчестве А.Н. Леонтьева, которая затем вошла составной частью в коллективную монографию «Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность» (Леонтьев и др., 2005). Увы, эта монография увидела свет лишь после весьма неожиданной для очень многих кончины Алексея Алексеевича. Но одна из последних прижизненно изданных книг А.А. Леонтьева «Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность)» (2001) постоянно выступает для меня источником размышлений о методологических основаниях и перспективах развития фундаментальной науки в контексте культурно-деятельностной психологии¹.

Предлагаемая вниманию читателя статья является одним из возможных ответов на призыв А.А. Леонтьева уделять серьезное внимание философско-методологической работе в психологии, в частности «критике понятий», которая, по его мнению, не сводится к сугубо «метафизическим размышлениям», а имеет непосредственный практический смысл.

Об очках и крючках, или О роли понятийной работы в психологии

Анализируя творчество не только А.Н. Леонтьева, но и Л.С. Выготского², С.Л. Рубинштейна, М.М. Бахтина, Г.Г. Шпета, П.А. Флоренского, М.К. Мамардашвили, Алексей Алексеевич неизменно повторял: чтобы быть психологом, нельзя не быть философом. «Конечно, — писал он, — можно строить систему психологии и без таких философско-методологических ухищрений. Мы уже имеем такой печальный опыт в истории нашей науки. Важно осознать этот опыт и никогда на этот уровень не возвращаться» (Леонтьев, 2001, с. 332). При этом философско-методологическим основанием «психологии деятельности, сознания, личности», как маркировал А.А. Леонтьев систему идей своего отца, был марксизм, но не в его усеченном варианте (в форме «диамата»), который существовал в советское время³ и был не продолжением и развитием спинозиз-

---

¹ Еще 10 лет назад вышла моя статья с анализом некоторых положений данной книги, вызвавшая много споров среди методологов психологии (Соколова, 2006).

² Ведь именно А.А. Леонтьев написал одну из первых книг о творчестве «Моцарта психологии», вышедшую уже в новую для нашей страны эпоху (см.: Леонтьев, 1990).

³ Многие современные философы специально оговаривают данное разведение (см., напр.: Мареев, 2008).

ма⁴, а скрытым картезианством. За подлинным марксизмом стояла уходящая в далекое прошлое диалектическая традиция в философии. Видя последние два десятилетия своей жизни, что новые поколения психологов часто обучаются и воспитываются в условиях однозначно отрицательного отношения к советскому прошлому и поэтому к диалектической философии, Алексей Алексеевич считал необходимым заново перечитать работы великих диалектиков прошлого, в частности Гегеля, чтобы «усвоить, наконец, что такое кристаллизация и преобразование, момент и снятость...» (там же, с. 332). Иначе, утверждал он, невозможно не только понять философские основания психологии деятельности, развиваемой в школе А.Н. Леонтьева, но и саму психологическую теорию деятельности. В контексте этой новой рефлексии диалектической философии и психологии А.А. Леонтьев читал на факультете психологии МГУ курсы «Деятельность как психологическое понятие» и «Знак и личность». Программы этих курсов легли в основу указанной книги, сверхзадача которой заключалась в поднятии «философской культуры молодых психологов» (там же, с. 7). По мнению А.А. Леонтьева, которое я всецело разделяю, одной из задач подобной методологической работы выступает анализ (или «критика», как говорили философы ранее) используемых в психологии понятий. Этот анализ является одной из задач общей психологии как философии психологической науки.

Почему же имеет смысл спорить о понятиях⁵? Ведь такая работа, казалось бы, далека от современной психологии, ориентированной в основном на практику. Для ответа на этот вопрос можно указать на известное выражение Л. Больцмана, что нет ничего практичнее, чем хорошая теория, или на блестящий анализ Л.С. Выготским соотношения практики и теории в психологии. Но особую актуальность спор о понятиях приобретает именно сейчас, в условиях появления в отечественной психологии тренда на понимание понятийно-методологической работы в науке как «надевания очков или линз», через которые человек видит мир. Появился даже специальный термин «методологическая оптика». Так, в недавно вышедших моно-

---

⁴ Я придерживаюсь точки зрения, когда-то высказанной Г.В. Плехановым и поддерживаемой некоторыми философами, особенно Э.В. Ильенковым и многими его последователями, что марксизм есть разновидность Спинозизма. Не случайно поэтому Л.С. Выготский призывал оживить Спинозизм в марксистской психологии и видел в учении Спинозы основание будущей, а не прошлой психологии (см.: Выготский, 2006).

⁵ Именно так называлась книга немецких философов, вышедшая на русском языке во второй половине 1980-х гг. (Леске и др., 1987).

графиях М.С. Гусельцевой (2013, 2014) немало страниц посвящено подробному анализу разных терминов, в которых представлен этот метафорический конструкт (очки, линзы, бинокль, микроскоп, телескоп, фокусировка взгляда и пр.). Согласно автору, подобные «очки» выступают посредниками между исследователем и изучаемой реальностью, и индивид может менять их (не всегда сознательно) в зависимости от решаемых им задач и используемого языка.

Зачастую смешивая «термин» и «понятие», М.С. Гусельцева считает поэтому основной задачей новой психологии «овладение разнородными аспектами культурно-психологических реальностей <...> посредством конструирования сети терминов» (Гусельцева, 2013, с. 34). Психологам (особенно работающим в практике) предлагается «играть» разными подходами, воспринимая их как равноценные, поскольку «возможно всё», и отбирать «из многообразия имеющегося арсенала метод, подходящий уникальному человеку в конкретности ситуации» (Гусельцева, 2014, с. 370). Да и при «теоретизировании» можно оформлять результаты познания и как научный дискурс, и как нарратив (там же).

Очевидно, что «оптическое» понимание методологии сопрягается с постмодернистским «сетевым» подходом к изучению реальности, который упорно противопоставляется системно-целостному видению мира в диалектике. Обсуждение различных последствий « сетевого » подхода в методологии я выношу за скобки в силу необъятности темы, однако не могу не оценить весьма печальные последствия его применения в педагогике высшего психологического образования, качество которого всегда заботило А.А. Леонтьева. С каждым годом студентам приходится запоминать все больше и больше разных взглядов, концепций, подходов, заучивать (часто не понимая), что говорил по тому или иному поводу тот или другой автор, иногда (ведь «возможно всё») выдавать бессмысленный с точки зрения психологической науки набор слов за позицию («а я так вижу, это мое мнение»). Подобные установки, писал в свое время близкий по духу психологической школе А.Н. Леонтьева философ Э.В. Ильенков, приводят к тому, что студент, демонстрируя чудеса запоминания и «изоощренную лингвистическую ловкость» (Ильенков, 2002, с. 87) в ущерб психологическому мышлению как таковому, приобретает знание не вещей, а «тех фраз, которые по поводу этих вещей сказаны другими людьми» (там же, с. 84), т.е., говоря языком школы Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева — А.Р. Лурия, оперирует лишь знаками (фактически значками) вещей, а не стоящими за ними значениями.

Между тем в культурно-деятельностной психологии, которая базировалась на диалектической философии Спинозы, Гегеля, Маркса, Ильенкова, имеет место совершенно другое — «действенное» — понимание методологии и научно-понятийного мышления в целом. Как Э.В. Ильенков, так и представители школы А.Н. Леонтьева подчеркивали, что мышление — не продукт мыслящей головы, отвлеченной от жизни, а функция деятельности субъекта в мире. И у Э.В. Ильенкова (2002, с. 98), и у А.Н. Леонтьева (2004, с. 121) можно найти прямые высказывания (отсылающие знающих читателей именно к спинозизму) о том, что субстанцией мышления является практическая деятельность субъекта. Поэтому понятия о чем-либо не могут быть сформированы вне организации практических действий человека по овладению соответствующей действительностью, т.е. понятия выступают, говоря метафорически, не столько «очками», сколько «крючками», при помощи которых действительность познается и изменяется в потребном обществе направлении⁶. Неоднократно цитируя в своих трудах подобные мысли Э.В. Ильенкова и А.Н. Леонтьева и продолжая развивать их идеи, А.А. Леонтьев утверждал, что знания выступают ориентирами в мире, необходимыми для того, чтобы **«уметь ЖИТЬ И ДЕЙСТВОВАТЬ в этом мире»** (Леонтьев, 2003, с. 387; здесь и далее выделено автором. — Е.С.). Поэтому, говорил он, для жизни в столь быстро изменяющемся мире необходимо **«учить детей так, чтобы никакие, даже самые глубокие изменения в окружающем мире не смогли поставить его в тупик»** и **«ориентировать ребенка на возможное будущее, в создании которого ему так или иначе придется участвовать, а не на мифологическое прошлое, продолжающее жить в виде стереотипных формул, рекомендаций и установок»** (там же, с. 393). А.А. Леонтьев был противником мозаичности обучения, утверждая, что основным в содержании обучения (не только в средней школе, но и в высшей) является **«не набор и даже не система отдельных знаний ученика, а обобщенное, целостное представление о мире, о месте в нем общества и человека»** (там же, с. 384).

Вот почему имеет смысл спорить о понятиях: овладение адекватными понятиями приводит не столько к иному видению мира, сколько к изменению способа действия в нем.

---

⁶ Об этом последнем когда-то удивительно точно сказал Б. Брехт устами своего литературного персонажа Циффеля («Разговоры беженцев»), сравнив понятия с «захватами» («крючками»), «с помощью которых можно двигать вещами».

Следующий раздел статьи будет посвящен анализу истории возникновения и использования в психологии одного из важнейших понятий — понятия «функциональный орган», а затем, в заключительном разделе, будет обосновано авторское определение данного понятия в духе культурно-деятельностной психологии.

О понятии «функциональный орган» в психологии

Как известно, понятие «функциональный орган» ввел в науку отечественный физиолог А.А. Ухтомский. Он определил его как «всякое сочетание сил, могущее привести при прочих равных условиях всякий раз к одинаковым результатам» (Ухтомский, 2002, с. 124; выделено автором. — Е.С.), или, в более привычной формулировке, «всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение» (там же, с. 98). Ухтомский имел в виду прежде всего физиологические функциональные органы, т.е. временное объединение функций определенных анатомо-физиологических структур, обеспечивающих решение той или иной задачи жизнедеятельности⁷. Именно в этом значении использовалось словосочетание «функциональный орган» и в трудах А.Н. Леонтьева⁸, определявшего его как онтогенетически складывающиеся и функционирующие как единое целое мозговые системы, специфическими отправлениями которых являются психические способности или функции. Примером такого функционального органа, по мнению А.Н. Леонтьева (1983), является система звуковысотного слуха.

Между тем сам «дух» деятельностного подхода в варианте школы А.Н. Леонтьева позволяет дать иное определение данного понятия, не имеющее прямого отношения к анатомо-физиологическим структурам. Развивая идеи школы А.Н. Леонтьева, я в последнее десятилетие говорю о психике как о **функциональном органе деятельности**, т.е. временном сочетании **деятельностных** «сил», способных осуществить некую специфическую работу (Соколо-

---

⁷ Анализируя творчество А.А. Ухтомского, А.А. Леонтьев подчеркивал, что главное в его концепции доминанты как временного функционального органа «лежит за пределами физиологии. Это основа духовности человека» (Леонтьев, 2001, с. 120). К аналогичному выводу приходит и В.П. Зинченко, который считает, что А.А. Ухтомский «сделал шаг от функционального органа к духовному организму» (Зинченко, 2011, с. 261). Однако анализ данного вопроса не входит в задачи настоящей статьи.

⁸ По свидетельству А.А. Леонтьева (2001, с. 120), понятие функционального органа было воспринято А.Н. Леонтьевым от А.А. Ухтомского через Н.А. Бернштейна.

ва, 2005, 2011 и др.). В трудах А.Н. Леонтьева и его соратников нет подобных формулировок, однако деятельностное понимание психического раскрывается в отдельных утверждениях представителей рассматриваемой школы. Таково, например, определение А.Н. Леонтьевым предмета психологии как функции «полагания субъекта в предметной действительности и ее преобразования в форму субъективности» (Леонтьев, 2004, с. 73)⁹ и его же утверждение, что деятельность составляет «субстанцию сознания» (там же, с. 121). Подобные мысли развивал и П.Я. Гальперин в знаменитой дискуссии 1969 г., говоря, что «психика живет в деятельности. Она есть какой-то аппарат в этой деятельности» (там же, с. 335). С ним соглашался Д.Б. Эльконин, настаивая на том, что психика есть ориентировочная «часть» любой формы деятельности (внешней и внутренней), не имеющая своего особого «экстериоризированного» продукта, поскольку ее продуктом является движение самой исполнительной части (там же, с. 337—338).

В свою очередь Э.В. Ильенков при интерпретации идей Б. Спинозы утверждал, что «мышление *не продукт* действия, а *самое действие*, рассматриваемое в момент его совершения, как, например, ходьба есть способ действия ног, “продуктом” которого оказывается пройденное пространство» (Ильенков, 1984, с. 31; курсив автора. — Е.С.). А известный методолог Э.Г. Юдин при анализе идей психологии деятельности прямо заявлял, что А.Н. Леонтьев понимал «психику как функциональный “орган” деятельности» (Юдин, 1997, с. 274). Подобные определения психики как органа регуляции деятельности, порождаемого самой деятельностью, встречаются и в отдельных относительно ранних работах В.П. Зинченко (Зинченко, 1983; Зинченко, Мамардашвили, 2004).

Нет возможности подробно рассматривать здесь теоретические и практические выводы из такого радикального изменения взгляда на сущность психического, до сих пор с трудом понимаемого даже многими соотечественниками А.Н. Леонтьева (подробнее об этих выводах см., напр.: Соколова, 2005, 2011). Скажу лишь кратко: трактовка бытия психического как функции деятельности, восходящая к спинозизму, а именно к идее мышления как атрибута единой и единственной (протяженной и мыслящей) субстанции, обеспечивает единство предмета психологии вопреки распространенным ныне утверждениям о ее «полипредметности», дает возможность антидихотомического решения ряда фундаментальных проблем

---

⁹ По моему мнению, эта функция и есть психика.

психологической науки: внутреннего/внешнего, отражения/конструкции, всеобщего/единичного, интеллекта/аффекта и др. Не так давно подобное понимание психического обнаружило свою эвристичность и применительно к изучению деятельности животных в так называемых ситуациях новизны (Соколова, Федорович, 2013).

Между тем многие авторы, еще совсем недавно говорившие о деятельностной природе сознания и психики, по разным причинам отказываются от подобных взглядов. Так, например, В.П. Зинченко, называя функциональными органами очень разные реальности (культуру, образ, имя и др.) и иногда в прежнем духе высказываясь о деятельности как об органической системе, порождающей недостающие ей органы (Зинченко, 2002, с. 79), или определяя мышление как функциональный орган-новообразование, представляющий собой деятельность или действие (там же, с. 143—144), начал все чаще добавлять к словосочетанию «функциональный орган» слово «индивид», порой относя к функциональным органам индивида и саму деятельность, и личность, и все чаще называть «носителем» сознания как функционального органа души.

Функциональный орган... чей?¹⁰

В ряде работ В.П. Зинченко отрицание деятельностного понимания психики и сознания (т.е. их определения как функциональных органов *деятельности*) сопровождается резкой критикой позиции А.Н. Леонтьева, который, по его мнению, пытался преодолеть картезианский дуализм ценой «отказа от психики, испарения психики в деятельности» (Зинченко, 2000, с. 137). Во многих своих трудах В.П. Зинченко повторяет афористичное выражение «сознание не отпускалось с короткого поводка деятельности», считая, что А.Н. Леонтьев — в том числе по идеологическим причинам — отказывал сознанию в существовании **«вне, помимо, а тем более над деятельностью»** (Зинченко, 1997, с. 171; выделено автором. — *Е.С.*). Называя тезис о единстве сознания и деятельности (принадлежавший, по его мнению, не только С.Л. Рубинштейну, но и А.Н. Леонтьеву) «уныло-советским» (Зинченко, 2000, с. 128), В.П. Зинченко настаивает на изучении сознания как такового, имеющего, по его мнению, автономное, непосред-

---

¹⁰ Формулировка заголовка данного раздела навеяна названием статьи Ф.Т. Михайлова (2001), также имеющей отношение к методологическим проблемам культурно-деятельностной психологии.

ственное и объективное существование (Зинченко, 1997, с. 173). Справедливо борясь с положением «психика есть функция мозга» (что соответствует всему духу деятельностного подхода школы А.Н. Леонтьева), Владимир Петрович в конечном итоге возвращается к давно, казалось бы, преодоленной в истории психологии позиции — все психические процессы являются функциональными органами души: «Оставим в стороне вопрос о принадлежности функциональных органов. Не столь важно, принадлежат ли они индивиду или его душе. Главное, что они составляют духовный организм, увеличивают силы и способности души» (Зинченко, 2002, с. 381). Именно душу, развивающуюся спонтанно, а не «детерминистски», душу, которая «не формируется извне, по заказу, а выявляется, раскрывается, приводится в движение, оформляется или... закрывается, освобождается от внешних влияний» (там же, с. 380; выделено автором. — Е.С.), предлагается вернуть в психологию: «Она для психологии не только символ возможной будущей целостности ее как науки, но и путь к ней» (там же, с. 403). В относительно недавно вышедшем коллективном труде по проблемам и перспективам развития методологии психологии (одним из авторов которого был В.П. Зинченко) выражается надежда на то, что если в прошлом психология была наукой о душе, а затем — наукой о ее отсутствии, то «в будущем она вновь станет наукой о присутствии души и духа» (Василюк и др., 2012, с. 505).

А.А. Леонтьев не мог не отреагировать на изменившийся тренд в понимании природы психического в работах своего коллеги. Высоко оценивая более ранние работы В.П. Зинченко в плане творческого развития культурно-деятельностной психологии, особенно книгу «Функциональная структура действия» (Гордеева, Зинченко, 1982), А.А. Леонтьев совершенно иначе отозвался на книгу «Мысль и Слово Густава Шпета» (Зинченко, 2000), подчеркнув, что это произведение представляет собой «по существу развернутое обвинение психологической теории деятельности в “бездушности”, марксизме и других “грехах” (Шпет здесь последовательно противопоставляется А.Н. Леонтьеву)» (Леонтьев, 2001, с. 210).

Полемизируя с В.П. Зинченко по ряду вопросов, А.А. Леонтьев дает в своих работах глубокий анализ философских оснований теории деятельности, подчеркивая их нетождественность тем вульгарным вариантам марксизма, которые были распространены в советское время (особенно так называемой ленинской теории отражения), и тем самым их антикартезианский характер. В частности, он настаивает на том, что «онтологически первичен, является

исходным пунктом для психолога (и любого “человековеда”, гумани-тария) не объектный мир и противопологаемый ему субъект (картезианская точка зрения), а единый континуум, в котором субъект взаимодействует с миром объектов» (там же, с. 262). Перечисляя варианты терминологического обозначения этого континуума (например, «единый континуум бытия—сознания» М.К. Мамардашвили, включенность людей в предметно-дискретный мир А.Н. Леонтьева, «вживленность» человека в мир Ф.Е. Василюка и т.п.), А.А. Леонтьев подчеркивает, что «во всех этих трактовках базисными не являются “полюса” взаимодействия (субъект и объект) — базисной является *деятельность*, связывающая их в онтологическое единство. Она не “прибавляется” к субъекту и объекту, а *конституирует* их. Не только субъект, но и объект (или предметный мир) просто не может существовать вне совокупной деятельности человечества в этом мире» (там же; выделено автором. — Е.С.). Я также считаю данное положение глубинным философским основанием теории деятельности (Соколова, 2011).

Лишь в одном пункте хотелось бы возразить Алексею Алексеевичу, когда он утверждает, что в теории деятельности школы А.Н. Леонтьева действительной противоположностью является противоположность «не между “внутренним” сознанием и “внешним” предметным миром, а между образом и процессом (деятельностью)» (Леонтьев, 2001, с. 264). Представляется, что диалектическая противоположность тут несколько иная. Это противоположность не между образом и деятельностью как таковой, а между тем, что А.Н. Леонтьев называл психикой-образом и психикой-процессом (Леонтьев, 2004, с. 312). Я настаиваю на том, что психическое как процесс есть определенный функциональный орган деятельности, который совершает специфическую работу (ориентировку в мире, коррекцию осуществляющейся деятельности и пр.), и поэтому психика — это не только образ, но и процесс, *не* тождественный деятельности в целом, которая составляет субстанцию психического.

Приведя критику А.А. Леонтьева в адрес некоторых работ В.П. Зинченко, касающуюся темы настоящего раздела, добавлю еще кое-что от себя. Рассмотрение психики и сознания как функционального органа души противоречит антикартезианской позиции, резко выраженной в 1977 г. самим В.П. Зинченко в знаменитой статье, написанной совместно с М.К. Мамардашвили. В ней субъективное рассматривалось «как род (и ряд) исходных, многократно превращенных (в том числе и извращенных) форм предметных

деятельностей» (Зинченко, Мамардашвили, 2004, с. 66); при этом авторы статьи подчеркивали, что «субъективность сама входит в объективную реальность, данную науке, является элементом ее определения, а не располагается где-то над ней в качестве воспаренного фантома физических событий, элиминируемого наукой, или за ней в виде таинственной души» (там же, с. 56—57). На мой взгляд, обоснованная в этой статье антикартезианская позиция сохраняет свою актуальность и в современной науке, в которой наряду с периодически раздающимися призывами «возвратить душу в психологию» все больше укрепляется, казалось бы, прямо противоположный тренд к поиску разгадки механизмов психики путем изучения нейронов, нейронных сетей, картирования мозга, что является обновленным вариантом все той же старой идеи о психике как функции мозга.

Таким образом, в настоящее время в решении самых фундаментальных вопросов психологии вновь повторяется та же ситуация, которая была отмечена еще в первой половине 1930-х гг. Л.С. Выготским и проанализирована им на материале психологии эмоций. Выготский убедительно показал, что кризисные явления в психологии эмоций, равно как и во всей психологической науке, обусловлены восходящим к Р. Декарту дуализмом спиритуализма и механицизма, которые не исключают, а эклектически дополняют друг друга. Выход из кризиса Л.С. Выготский видел в развитии спинозизма в психологии, без чего, по его мнению, «невозможен завтрашний день нашей психологии» (Выготский, 1984, с. 301). В этом направлении, по моему мнению, шла и идет культурно-деятельностная психология, идеи которой развивал и А.А. Леонтьев. Именно в ней содержится нетривиальное для современной психологии утверждение о психике как **функциональном органе деятельности**, а не мозга или души, действующей по необъяснимым наукой порывам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Василюк Ф.Е., Зинченко В.П., Мецержаков Б.Г., Петровский В.А., Пружинин Б.И., Щедрин Т.Г. Методология психологии: проблемы и перспективы. Учеб. пособие / Под общ. ред. В.П. Зинченко; науч. ред. Т.Г. Щедрин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012.

Выготский Л.С. Учение об эмоциях: Историко-психологическое исследование // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 6. С. 91—318.

Выготский Л.С. Два фрагмента из записных книжек. Психофизическая проблема // Вестник РГГУ. Сер. Психология. 2006. № 1. С. 294—298.

Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

Гусельцева М.С. Эволюция психологического знания в смене типов рациональности (историко-методологическое исследование). М.: Акрополь, 2013.

Гусельцева М.С. Интеллектуальные традиции российской психологии (культурно-аналитический подход). М.: Акрополь, 2014.

Зинченко В.П. А.Н. Леонтьев и развитие современной психологии // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 1. С. 8—16.

Зинченко В.П. Посох Мандельштама и Трубка Мамардашвили. М.: Новая школа, 1997.

Зинченко В.П. Мысль и Слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М.: Изд-во УРАО, 2000.

Зинченко В.П. (при участии Горбова С.Ф., Гордеевой Н.Д.). Психологические основы педагогики (Психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д.Б. Эльконина — В.В. Давыдова): Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2002.

Зинченко В.П. Алексей Алексеевич Ухтомский и психология // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко / Под общ. ред. Т.Г. Щедринной. М.: РОССПЭН, 2011. С. 231—271.

Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии [1977] // Постнеклассическая психология. Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. 2004. № 1. С. 45—70.

Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984.

Ильенков Э.В. Школа должна учить мыслить. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002.

Леонтьев А.А. Л.С. Выготский. М.: Просвещение, 1990.

Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001.

Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003.

Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005.

Леонтьев А.Н. Биологическое и социальное в психике человека // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 1. С. 76—95.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Академия, 2004.

Леске М., Редлов Г., Штилер Г. Почему имеет смысл спорить о понятиях. М.: Политиздат, 1987.

Мареев С.Н. Из истории советской философии: Лукач—Выготский—Ильенков. М.: Культурная Революция, 2008.

Михайлов Ф.Т. Предметная деятельность... чья? // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 10—26.

Соколова Е.Е. Введение в психологию: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2005. (Общая психология: В 7 т. / Под ред. Б.С. Бра- туся; Т. 1).

Соколова Е.Е. К проблеме соотношения значений и смыслов в научной деятельности (опыт равнодушного прочтения книги А.А. Леонтьева «Деятельный ум») // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 119—125.

Соколова Е.Е. Есть ли будущее у теории деятельности? // Вопросы психологии. 2011. № 4. С. 129—140.

Соколова Е.Е., Федорович Е.Ю. Возможности деятельностного подхода в изучении исследовательского поведения животных // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 92—100.

Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002.

Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997.

Поступила в редакцию
09.11.15

ONE CANNOT BE A PSYCHOLOGIST WITHOUT BEING A PHILOSOPHER OR WHY DISPUTES ON NOTIONS MAKE SENSE

*Elena E. Sokolova*¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Department of Psychology, Moscow, Russia*

Abstract: The article was written in the context of creative legacy of A.A. Leontiev (1936—2004). Responding to the scientist's call to intensify psychological methodology work and enhance "the criticism of notions", the author analyzes the history and development of the notion of "functional organ" in the psychology of activity. Contrary to the popular recent trend defining mentality (psyche, mind) as a functional organ of individual or soul, the author insists on defining mentality (psyche, mind) as a functional organ of activity, which corresponds rather to the spirit than to the letter of activity approach in psychology by interpretation of A.N. Leontiev School. Such understanding may help to bring psychology out of dichotomy of mechanistic and spiritualistic theories. Even L.S. Vygotsky used to note that without overcoming this barrier the normal development of psychological science and practice is impossible.

Key words: A.A. Leontiev, psychological methodology, functional organ, activity, mentality (psyche, mind), activity approach in psychology, A.N. Leontiev School.

References:

- Gordeeva, N.D., Zinchenko, V.P. (1982) *Funktsional'naya struktura deystviya* [Functional structure of action]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Gusel'tseva, M.S. (2013) *Evolyutsiya psikhologicheskogo znaniya v smene tipov ratsional'nosti (istoriko-metodologicheskoe issledovanie)* [Evolution of psychological knowledge in the changing types of rationality (historical and methodological study)]. Moscow: Akropol'.
- Gusel'tseva, M.S. (2014) *Intellektual'nye traditsii rossiyskoy psikhologii (kul'turno-analiticheskiy podkhod)* [Intellectual tradition of Russian psychology (cultural-analytical approach)]. Moscow: Akropol'.
- Ilenkov, E.V. (1984) *Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii* [Dialectical logic. Essays on the history and theory]. 2-e izd., dop. Moscow: Politizdat.
- Ilenkov, E.V. (2002) *Shkola dolzhna učit' myslit'* [School should teach to think]. Moscow: MPSI; Voronezh: NPO «MODEK».
- Leontiev, A.A. (1990) *L.S. Vygotskiy* [L. S. Vygotsky]. Moscow: Prosveshchenie.

Leontiev, A.A. (2001) *Deyatel'nyy um (Deyatel'nost', Znak, Lichnost')* [Active mind (Activity, Sign, Personality)]. Moscow: Smysl.

Leontiev, A.A. (2003) *Yazyk i rechevaya deyatelnost' v obshchey i pedagogicheskoy psikhologii: Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Language and speech activity in General and educational psychology: Selected psychological works]. Moscow: MPSI; Voronezh: NPO «MODEK», 2003.

Leontiev, A.A., Leontiev, D.A., Sokolova, E.E. (2005) *Aleksey Nikolaevich Leontiev. Deyatel'nost', soznanie, lichnost'* [Aleksi Nikolaevich Leontiev. Activity, consciousness, personality]. Moscow: Smysl.

Leontiev, A.N. (1983) *Biologicheskoe i sotsial'noe v psikhike cheloveka* [Biological and social in the human psyche]. In Leontiev A.N. *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya: V 2 t. T. 1. P. 76—95*. Moscow: Pedagogika.

Leontiev, A.N. (2004) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Smysl; Akademiya.

Leske, M., Redlov, G., Shtiler, G. (1987) *Pochemu imeet smysl sporit' o ponyatiyakh* [Why is it reasonable to argue about concepts]. Moscow: Politizdat, 1987.

Mareev, S.N. (2008) *Iz istorii sovetskoy filosofii: Lukach—Vygotskiy—Il'enkoy* [From the history of Soviet philosophy: Lukacs—Vygotskiy—Ilyenkov]. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya.

Mikhaylov, F.T. (2001) *Predmetnaya deyatelnost'... ch'ya?* [Object-oriented activity — whose?]. *Voprosy Filosofii* [Problems of Philosophy], 3, 10—26.

Sokolova, E.E. (2005) *Vvedenie v psikhologiyu: Uchebnik dlya stud. vyssh. ucheb. Zavedeniy*. In B.S. Bratus (ed.) *Obshchaya psikhologiya: V 7 t. T. 1*. Moscow: Akademiya.

Sokolova, E.E. (2006) *K probleme sootnosheniya znacheniy i smyslov v nauchnoy deyatelnosti (opyt neravnodushnogo prochteniya knigi A.A. Leontieva «Deyatel'nyy um»)* [To the problem of correlation of meanings and values in research activities (experience caring reading of the book by A. A. Leontiev «Active mind»)]. *Psikhologicheskii Zhurnal* [Psychological Journal], 27, 1, 119—125.

Sokolova, E.E. (2011) *Est' li budushchee u teorii deyatelnosti?* [Is there a future for the theory of activity?]. *Voprosy Psikhologii* [Problems of Psychology], 4, 129—140.

Sokolova, E.E., Fedorovich, E.Yu. (2013) *Vozmozhnosti deyatelnostnogo podkhoda v izuchenii issledovatel'skogo povedeniya zhivotnykh* [The potential of the activity approach to the study of animal behavior research]. *Voprosy Psikhologii* [Problems of Psychology], 3, 92—100.

Ukhtomskiy, A.A. (2002) *Dominanta* [Dominanta]. SPb.: Piter.

Vasilyuk, F.E., Zinchenko, V.P., Meshcheryakov, B.G., Petrovskiy, V.A., Pruzhinin, B.I., Shchedrina, T.G. (2012) *Metodologiya psikhologii: problemy i perspektivy* [The methodology of psychology: problems and prospects]. Moscow; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

Vygotsky, L.S. (1984) *Uchenie ob emotsiyakh: Istoriko-psikhologicheskoe issledovanie* [Teaching about emotions: Historical and Psychological Study]. In Vygotsky, L.S. *Collected works, vol. 6*, pp. 91—318. Moscow: Pedagogika.

Vygotsky, L.S. (2006) Dva fragmenta iz zapisnykh knizhek. Psikhofizicheskaya problema. *Vestnik RGGU. Ser. Psikhologiya* [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Psychology Series], 1, 294—298.

Yudin, E.G. (1997) *Metodologiya nauki. Sistemnost'. Deyatel'nost'* [Methodology of science. Consistency. Activities]. Moscow: URSS.

Zinchenko, V.P. (1983) A.N. Leontiev i razvitie sovremennoy psikhologii. In Leontiev A.N. *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya* [Selected psychological works], vol. 1, pp. 8—16. Moscow: Pedagogika.

Zinchenko, V.P. (1997) *Posokh Mandel'shtama i trubka Mamardashvili* [Staff of Mandelstam and tube of Mamardashvili]. Moscow: Novaya shkola.

Zinchenko, V.P. (2000) *Mysl' i Slovo Gustava Shpeta (vozvrashchenie iz izgnaniya)* [The Thought and Word of Gustav Shpet (return from exile)]. Moscow: Izd-vo URAO.

Zinchenko, V.P. (pri uchastii Gorbova S.F., Gordeevoy N.D.) (2002) *Psikhologicheskie osnovy pedagogiki (Psikhologo-pedagogicheskie osnovy postroeniya sistemy razvivayushchego obucheniya D.B. El'konina — V.V. Davydova)* [Psychological foundations of pedagogy (Psycho-pedagogical bases of construction of system of developing training of D. B. Elkonin — V. V. Davydov)]. Moscow: Gardariki.

Zinchenko, V.P. (2011) Aleksey Alekseevich Ukhtomskiy i psikhologiya. In T.G. Shchedrina (ed.) *Stil' myshleniya: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniya. K 80-letiyu Vladimira Petrovicha Zinchenko* [Style of thinking: the problem of historical unity of scientific knowledge. On the 80th anniversary of Vladimir Petrovich Zinchenko] (pp. 231—271). Moscow: ROSSPEN.

Zinchenko, V.P., Mamardashvili, M.K. (2004) Problema ob'ektivnogo metoda v psikhologii [1977]. *Postneklassicheskaya psikhologiya. Zhurnal konstruksionistskoy psikhologii i narrativnogo podkhoda* [Post-nonclassical Psychology. Journal of Constructionist Psychology and Narrative Approach], 1, 45—70.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК: 159.922.74, 612.821

РАЗВИТИЕ ФУНКЦИЙ ПРОГРАММИРОВАНИЯ И КОНТРОЛЯ У ДЕТЕЙ 7—9 ЛЕТ

Т. В. Ахутина, А. А. Корнеев, Е. Ю. Матвеева

Работа посвящена нейропсихологическому анализу развития функций программирования и контроля (управляющих функций) у детей младшего школьного возраста. В исследовании приняли участие 117 первоклассников (возраст 7.62 ± 0.45 года) и 86 третьеклассников (возраст 9.64 ± 0.4 года) с различной успешностью освоения школьной программы. Оценка состояния управляющих функций проводилась с помощью нейропсихологического обследования и трех компьютерных методик: “Dots”, таблицы Шульте, графомоторная проба. Анализ полученных данных показал хорошую согласованность различных методов оценки. Обнаружено, что от 7 к 9 годам результаты выполнения проб значительно улучшаются, особенно в заданиях с максимальной нагрузкой на управляющие функции. Увеличение темпа выполнения заданий, уменьшение количества ошибок от первого к третьему классу свидетельствуют о заметном развитии функций программирования и контроля. Дополнение нейропсихического обследования компьютерными методиками позволяет более дифференцированно оценивать состояние функций программирования и контроля у детей младшего школьного возраста. Сочетанное использование нейропсихологического

Ахутина Татьяна Васильевна — доктор психологических наук, заведующая лабораторией нейропсихологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail*: akhutina@mail.ru

Корнеев Алексей Андреевич — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории нейропсихологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail*: korneeff@gmail.com

Матвеева Екатерина Юрьевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории нейропсихологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail*: obukhova1@yandex.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 13-36-01050.

обследования и компьютерных методик может оказаться достаточно хорошим средством оценки риска возникновения трудностей обучения у младших школьников.

Ключевые слова: детская нейропсихология, управляющие функции, III блок мозга, младшие школьники.

Введение

Одним из популярных направлений в современной когнитивной нейронауке (в том числе и в нейропсихологии) является изучение функций программирования и контроля деятельности. Отметим, что в западной психологии эти функции обозначаются термином «управляющие» (*executive functions*). На данный момент точное соответствие обоих терминов не вполне прояснено, однако их синонимичное использование общепринято, и мы будем следовать этой традиции в нашей работе. Исследования включают анализ формирования этих функций и их нарушений при поражениях мозга (Ахутина, Пылаева, 2008; Корсакова, Московичюте, 1985; Лурия, 1973; Мачинская, Дубровинская, 1996; Хомская, 1987; Anderson, 2002; Brocki, Bohlin, 2004; Davidson et al., 2006; De Luca, Leventer, 2008). Указанные функции опираются на работу нейронной сети, ведущую роль в которой играют префронтальные отделы коры (Лурия, 1973; Anderson et al., 2008).

В систему управляющих функций принято включать способность к торможению неадекватного действия (*inhibitory control*), возможность переключения (*cognitive flexibility*) и рабочую память (*working memory*), т.е. способность сохранять и преобразовывать информацию для управления поведенческим ответом на событие и/или для осуществления когнитивных операций (Miyake et al., 2000).

Интерес исследователей к онтогенезу управляющих функций (см. ссылки выше, а также: Henry, Bettenay, 2010; Jurado, Rosselli, 2007; Mulder et al., 2009) обусловлен не только теоретическими задачами. Важно, что развитие этих функций имеет решающее значение для успеха ребенка не только в школе, но и в дальнейшей жизни. Так, степень развития этих функций в гораздо большей степени, чем коэффициент умственного развития (*IQ*) или начальные навыки чтения и математического счета, определяет готовность ребенка к школе (Blair, Razza, 2007; McClelland et al., 2000; Rimm-Kaufman et al., 2000). Степень развития рабочей памяти и умения оттормаживать неадекватные действия являются хорошими предикторами успехов в чтении и математике от детского сада до

средней школы (Blair, Razza, 2007; Bull, Scerif, 2001). Отставание в развитии этих функций — одна из основных причин трудностей обучения (Ахутина, Пылаева, 2015; Полонская, 2003; Пылаева, 1998; Хотылева, 2006).

Однако, несмотря на высокий интерес исследователей к проблеме управляющих функций, их структуре и развитию, до настоящего времени знания о специфике созревания различных компонентов этой функциональной системы недостаточны. Больше освещены психофизиологические аспекты проблемы, тогда как поведенческий аспект описан фрагментарно, в частности, отсутствует информация об особенностях операций внимания во многих возрастах. Исследования управляющих функций в детском возрасте в основном были призваны «нащупать» возрастную границу, после которой функциональная активность мозга ребенка начинает совпадать с функциональной активностью мозга здорового взрослого человека при выполнении ими сходных задач. В результате возрастные особенности функций программирования и контроля, а также их онтогенетическая динамика остаются недостаточно изученными.

В этом контексте следует отметить, что в последнее время активно развиваются и используются компьютерные методики исследования (Ballard, 1996; Ploog, 2013), диагностики (Glenat et al., 2008; Hartman; 2008; Klimkeit et al., 2004; Roskos et al., 2014; Titov, Knight, 2005;) и коррекции (Lim et al., 2012; Lundqvist et al., 2010; Saleem et al., 2014) нарушений развития *высших психических функций* (ВПФ). Создаваемые методики позволяют получать более точные и полные данные не только при проведении экспериментов, но и при обследовании детей или больных (Rabin, Glasgow, 2012; Strauss et al., 2006). Помимо создания новых компьютерных методик также происходит компьютеризация уже существующих (например, пакета *NEPSY-II* — см.: Brooks et al., 2009), проводится сравнение известной компьютерной системы *CANTAB* с методиками традиционного нейропсихологического обследования (Smith et al., 2013) и т.д. В отечественной нейропсихологии наблюдается недостаток разработок подобного рода. В рамках статьи будут продемонстрированы возможности созданных нами компьютерных методов для оценки состояния функций произвольной регуляции.

Целью настоящей работы стало исследование особенностей возрастной динамики функций программирования и контроля деятельности (функций III блока мозга, по А.Р. Лурия, 1973) у детей младшего школьного возраста.

Гипотезы исследования: 1. Традиционные нейропсихологические пробы и разработанные нами компьютерные методы для оценки состояния управляющих функций будут давать согласованные результаты. 2. Анализ возрастных различий выполнения проб позволит обнаружить отчетливую положительную динамику исследуемых функций. 3. Возрастная динамика будет разной при выполнении проб, требующих различной степени включения управляющих функций.

Испытуемые

В исследовании приняли участие 203 школьника: 117 первоклассников (59 мальчиков, 58 девочек, средний возраст 7.62 ± 0.45 года) и 86 третьеклассников (37 мальчиков, 49 девочек, средний возраст 9.64 ± 0.4 года). Анализ школьных работ испытуемых и их оценок, а также беседы с учителями позволили выделить группу детей с трудностями обучения (42 человека в первом классе и 28 в третьем) и группу нормально успевающих детей (75 человек в первом классе и 58 в третьем).

Методики

Для анализа уровня развития функций программирования и контроля мы использовали данные нейропсихологического обследования с совмещением качественной и количественной оценки результатов выполнения нейропсихологических тестовых методик (Ахутина и др., 2008, 2012). Также в работе использован оригинальный набор компьютеризированных методик исследования ВПФ, разработанный и адаптированный авторским коллективом (Агрис и др., 2014а; Кузева и др., 2014). Их использование для оценки управляющих функций позволяет стандартизировать процедуру тестирования и с большой точностью оценить выполнение заданий, требующих участия управляющих функций.

Все участники исследования прошли нейропсихологическое обследование, адаптированное для детей 5—9 лет (Ахутина и др., 2012; Полонская, 2007). В него вошло 20 проб, направленных на оценку различных компонентов ВПФ. Выполнение этих проб анализировалось по 225 параметрам. 55 параметров, наиболее четко отражающих состояние различных компонентов ВПФ, после стандартизации были объединены в следующие индексы: 1) программирования и контроля (управляющих функций), 2) серийной организации движений; 3) переработки кинестетической, 4) слуховой, 5) зрительной и 6) зрительно-пространственной информации, а также 7) индекс функций I блока мозга, по А.Р. Лурия. Чем выше

индекс, тем хуже ребенок справлялся с заданиями. В данной статье анализируются параметры, связанные с функциями III блока мозга: *индекс программирования и контроля* (ПиК) и *индекс серийной организации движений* (СО).

Испытуемые также выполняли компьютеризированные методики, направленные на оценку функций III блока.

1. *Методика “Dots”* (Davidson et al., 2006; Diamond et al., 2007). Тест состоит из трех проб, различающихся по сложности. Во всех трех пробах ребенок должен как можно быстрее реагировать на предъявление стимула, появляющегося на экране то справа, то слева от центра, нажатием кнопки в соответствии с инструкцией. В 1-й (конгруэнтной) пробе он должен нажимать на кнопку правой или левой рукой с той стороны, с которой появился стимул (сердечко); во 2-й (неконгруэнтной) пробе при появлении стимула (синего цветка) необходимо нажимать на кнопку с противоположной стороны; в 3-й («смешанной») пробе конгруэнтные и неконгруэнтные стимулы появляются в случайном порядке. Каждая проба включала в себя 20 тестовых предъявлений. Основные оцениваемые параметры — продуктивность выполнения (количество правильных ответов) и среднее время ответов.

2. *Компьютеризированная версия графомоторной пробы* (Кузева и др., 2014). В этой пробе испытуемый должен продолжить простой узор, изображенный на листе бумаги. Движения испытуемых регистрировались с помощью графического планшета, на котором располагался лист. В качестве основных анализируемых параметров использовались среднее время выполнения одной серии элементов узора («пачки») и суммарный балл, отражающий тяжесть ошибок, связанных с несоблюдением программы серийного движения (далее — «регуляторных» ошибок. Подробнее см.: там же).

3. *Компьютерная методика «Таблицы Шульте»* (Агрис и др., 2014б; Akhutina et al., 2015), состоящая из пяти проб. В каждой пробе испытуемому предъявлялась таблица из 20 ячеек (5×4), в которых в случайном порядке расположены два ряда чисел от 1 до 10, один ряд из черных чисел, второй — из красных. Задача испытуемого: как можно быстрее найти и указать числа в соответствующем инструкции порядке. В 1-й пробе нужно отыскать числа черного цвета в порядке возрастания, во 2-й — числа красного цвета в порядке возрастания, в 3-й — числа черного цвета в обратном порядке (от 10 до 1), в 4-й — искать параллельно числа черного и красного цвета в порядке возрастания и, наконец, в 5-й пробе — числа красного цвета в обратном порядке. Все пробы требуют торможения неадекватного действия, переключения, а 4-я проба (наиболее сложная)

создает нагрузку и на рабочую память. Основные оцениваемые параметры — среднее время ответа испытуемого (в мс, отдельно для каждой пробы) и суммарное количество ошибок (пропуски, персеверации, сбои в программе).

Результаты

1. Сопоставление результатов нейропсихологического обследования и компьютерных проб

Для проверки согласованности оценок функций произвольной регуляции деятельности, полученных с помощью нейропсихологического обследования и компьютерных методик, был проведен их корреляционный анализ.

При сопоставлении результатов теста “Dots” с показателями функций III блока мозга были получены следующие значимые корреляции. У первоклассников индексы ПИК и СО положительно коррелируют со временем ответа в 1-й пробе ($r=0.248$, $p=0.024$ и $r=0.253$, $p=0.018$ соответственно; здесь и далее использовался коэффициент корреляции Спирмена с поправкой для множественных корреляций Бонферрони). Также ожидаемо оба индекса отрицательно коррелируют с продуктивностью выполнения 3-й (самой сложной) пробы ($r=-0.361$, $p<0.001$ и $r=-0.273$, $p=0.009$ соответственно). Следует отметить субзначимую отрицательную корреляцию между индексом ПИК и временем ответа в 3-й пробе ($r=-0.223$, $p=0.051$). У третьеклассников наблюдается сходная картина: время ответа в 1-й пробе положительно коррелирует с интегральным показателем функций СО ($r=-0.285$, $p=0.018$), а в 3-й пробе продуктивность отрицательно коррелирует с индексами ПИК и СО ($r=-0.374$, $p=0.003$ и $r=-0.312$, $p=0.012$ соответственно).

Таким образом, в отношении теста “Dots” можно отметить, что с функциями произвольной регуляции связаны, прежде всего, скорость его выполнения в 1-й (самой простой) пробе и продуктивность — в 3-й (самой сложной) пробе, требующей переключения между параллельными программами.

Анализ корреляции показателей выполнения **графомоторной пробы** показал, что у первоклассников тяжесть регуляторных ошибок положительно коррелирует с индексами ПИК и СО ($r=0.251$, $p=0.022$ и $r=0.244$, $p=0.024$ соответственно). Время выполнения «пачки» коррелирует только с индексом ПИК ($r=0.245$, $p=0.024$). У третьеклассников количество ошибок положительно коррелирует только с индексом ПИК ($r=0.274$, $p=0.026$), а время выполнения одной «пачки» — и с индексом ПИК ($r=0.277$, $p=0.024$), и с индексом СО ($r=0.267$, $p=0.03$).

Аналогичный анализ корреляций между нейропсихологическими показателями и оценками выполнения **таблиц Шульте** показал следующее. У первоклассников: индекс ПиК положительно коррелирует (на уровне $p < 0.05$) со временем ответа в 1, 2 и 4-й пробах (сильнее всего — в 4-й пробе ($r = 0.318$, $p = 0.01$)); количество ошибок коррелирует с индексом ПиК только в 4-й и 5-й пробах ($r = 0.265$, $p = 0.045$ и $r = 0.377$, $p < 0.001$ соответственно); индекс СО не коррелирует ни с одним из показателей. У третьеклассников: наблюдаются значимые корреляции между временем ответов и индексом ПиК во 2-й и 4-й пробах (на уровне $p < 0.05$) и индексом СО в 1-й пробе ($r = 0.275$, $p = 0.05$); количество ошибок не коррелирует с этими показателями ни в одной пробе, что может быть связано с малым числом ошибок: 75-процентный квартиль числа ошибок составил 1 ошибку во всех пробах, кроме 4-й, где этот квартиль пришелся на 2.

2. Возрастные особенности выполнения компьютерных методик

Тест “Dots”. Средняя продуктивность и среднее время ответа при выполнении теста “Dots” учащимися первого и третьего классов представлены на рис. 1, А и Б. Для оценки изменения времени ответов в пробах различной сложности были проведены дисперсионные анализы с повторными измерениями с межгрупповым фактором «КЛАСС» и внутригрупповым фактором «ПРОБА». Оценка влияния факторов на продуктивность выполнения теста показала значимое влияние фактора «КЛАСС» ($F(1, 188) = 24.317$, $p < 0.001$, частичная

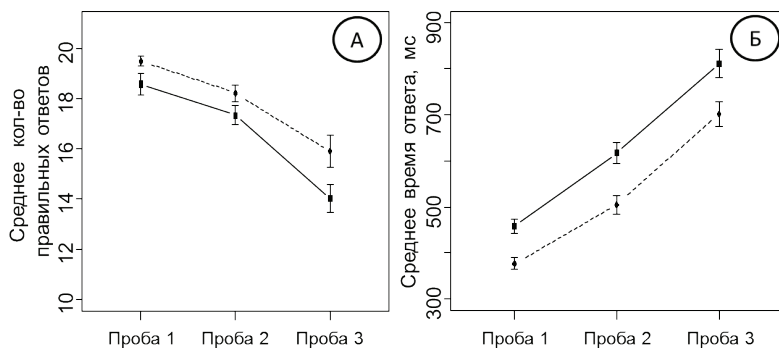

Рис. 1. Средняя продуктивность (А) и среднее время ответа (Б) при выполнении теста “Dots” учащимися первого (сплошная линия) и третьего (пунктир) классов

$\eta^2=0.114$). Так же, как и в случае со временем ответа, наибольший эффект наблюдается у фактора «ПРОБА» ($F(2, 187)=195.262, p<0.001$, частичная $\eta^2=0.675$). Взаимодействие факторов влияет слабо, но все же значимо ($F(2, 187)=3.166, p=0.044$, частичная $\eta^2=0.033$): по мере усложнения проб различия между первоклассниками и третьеклассниками увеличиваются.

При оценке влияния факторов на время ответа обнаружено значимое влияние фактора «КЛАСС» ($F(1, 188)=52.245, p<0.001$, частичная $\eta^2=0.221$). Значимым и еще более сильным оказался эффект фактора «ПРОБА» ($F(2, 187)=696.374, p<0.001$, частичная $\eta^2=0.882$). Также получен значимый, но не очень сильный эффект взаимодействия факторов ($F(2, 187)=4.065, p=0.019$, частичная $\eta^2=0.042$), связанный с тем, что по мере роста сложности пробы различия между первоклассниками и третьеклассниками несколько увеличиваются. Обобщая, можно сказать, что третьеклассники лучше первоклассников справляются с тестом, и наиболее ярко их преимущество проявляется в 3-й (самой сложной) пробе.

Графомоторная проба. Средняя тяжесть регуляторных ошибок и время выполнения «пачки» первоклассниками и третьеклассниками изображены на рис. 2, А и Б. Проверка значимости различий результатов первоклассников и третьеклассников с помощью t-критерия Стьюдента показала, что старшие дети допускают значимо меньше ошибок ($t(206)=2.998, p=0.002$) и выполняют пробу быстрее ($t(207)=7.727, p<0.001$).

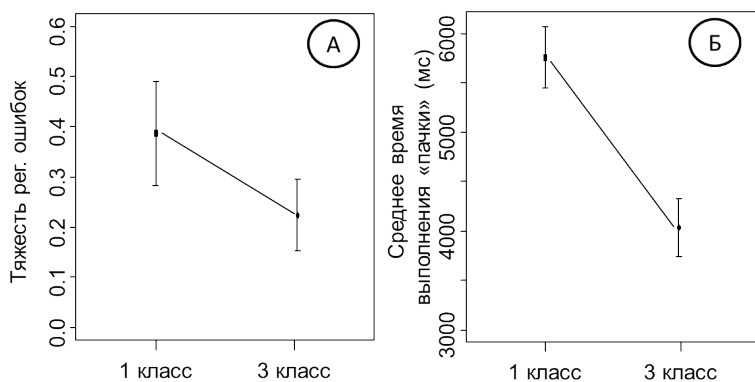

Рис. 2. Средняя тяжесть регуляторных ошибок (А) и время выполнения «пачки» (Б) в графомоторной пробе учащимися первого и третьего классов

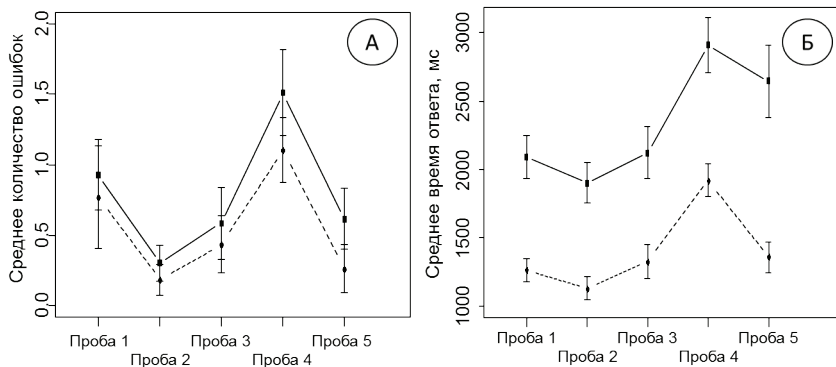

Рис. 3. Среднее количество ошибок (А) и среднее время ответа (Б) испытуемых из первого (сплошная линия) и третьего (пунктир) классов при выполнении пяти таблиц Шульте

Таблицы Шульте. Среднее количество допускаемых ошибок и среднее время ответа испытуемых из первого и третьего классов при выполнении пяти таблиц Шульте представлены на рис. 3, А и Б. Дисперсионный анализ показал в данном случае слабое, но значимое влияние фактора «КЛАСС» ($F(1, 177)=7.894$, $p=0.006$, частичная $\eta^2=0.045$). Также значимым оказалось влияние фактора «ПРОБА» ($F(4, 168)=31.166$, $p<0.001$, частичная $\eta^2=0.455$): количество ошибок максимально в 4-й (самой сложной) пробе, а также повышено в 1-й пробе. Взаимодействие факторов незначимо ($F(4, 168)=1.245$, $p=0.294$).

Дисперсионный анализ влияния тех же факторов на среднее время ответа позволил обнаружить значимое влияние фактора «КЛАСС» ($F(1, 171)=06.504$, $p<0.001$, частичная $\eta^2=0.384$). Фактор «ПРОБА» также оказывает сильное влияние на время поиска чисел в таблицах ($F(4, 168)=85.945$, $p<0.001$, частичная $\eta^2=0.672$), время ответов снижается от 1-й ко 2-й пробе, затем растет, достигает максимума в 4-й (самой сложной) пробе и падает 5-й пробе. Взаимодействие факторов влияет в данном случае слабо, но значимо ($F(4, 168)=4.012$, $p=0.004$, частичная $\eta^2=0.087$). Это связано с меньшими колебаниями времени ответов от пробы к пробе у третьеклассников по сравнению с первоклассниками. Также стоит отметить, что снижение времени ответа в 5-й пробе по сравнению с 4-й выражено у третьеклассников намного сильнее, чем у первоклассников.

3. Сравнение детей с трудностями и без трудностей обучения

Для оценки возможностей используемых в нашей работе методик с точки зрения выделения детей, склонных к трудностям в обучении, был проведен дискриминантный анализ. Этот метод дает возможность различения групп испытуемых на основании набора количественных переменных-предикторов. Мы используем его для проверки, насколько хорошо найденные нами переменные-предикторы (результаты выполнения компьютерных проб и проб нейропсихологического обследования) могут правильно классифицировать группы детей (без трудностей и с трудностями обучения). Проверяется, насколько выделенные с помощью дискриминантного анализа группы совпадают с реальным (определенным учителями) делением детей. При этом оценивается соответствие дискриминантной модели имеющимся данным с помощью критерия λ Уилкса: чем меньше коэффициент λ Уилкса, тем лучше модель.

Анализ показал, что при использовании в качестве предикторов показателей компьютерных методик наиболее важными с точки зрения различения групп детей оказались: (1) число правильных ответов в 3-й пробе теста "Dots", (2) число ошибок в той же пробе, (3) среднее время ответа в 4-й пробе теста «Таблицы Шульце» и (4) время выполнения «пачки» в графомоторной пробе.

Проверка этого набора параметров показала, что дискриминантная модель оказывается не слишком полной (λ Уилкса=0.848) и прогноз, полученный с помощью этих предикторов, также недостаточно точен: только 55.8% детей с трудностями обучения (по данным опроса учителей) были отнесены к этой группе на основании модели. Дети без трудностей обучения были отнесены к группе нормы на основании модели в 69.3% случаев.

При использовании результатов *только* нейропсихологического обследования модель и предсказания на ее основании улучшаются. Если в качестве предикторов использовать нейропсихологические показатели состояния функций произвольной регуляции деятельности и индекс активационных компонентов ВПФ, то качество модели становится отчетливо лучше (λ Уилкса=0.583), процент правильно распознанных в группе детей с трудностями обучения — 76.8%, в группе нормы — 82.8%.

При использовании в качестве предикторов тех же нейропсихологических индексов и указанных выше показателей компьютерных проб качество модели становится чуть лучше (λ Уилкса=0.579), точность предсказания принадлежности к группе трудностей обучения немного улучшается — 82.9%, а к группе нормы несколько

ухудшается — 80.4%. Итак, проверка показала, что данные нейропсихологического обследования и компьютерных проб позволяют с высокой вероятностью определять принадлежность детей к группам с наличием или отсутствием трудностей обучения.

Обсуждение результатов

Сопоставление результатов традиционных и компьютерных проб, проведенное с помощью корреляционного анализа, подтвердило, что данные нейропсихологического обследования согласуются с результатами выполнения компьютерных проб. У первоклассников индекс программирования и контроля коррелирует с параметрами продуктивности (ошибок) в наиболее сложных пробах теста “Dots” и таблиц Шульте, а также в графомоторной пробе. К третьему классу функции программирования и контроля становятся более зрелыми, в силу чего их состояние обнаруживает взаимосвязь с выполнением 3-й (наиболее сложной) пробы в тесте “Dots” и графомоторной пробы, но не с ошибками, допускаемыми в таблицах Шульте. Во многом это обусловлено тем, что таких ошибок с возрастом становится значительно меньше из-за большей автоматизации оперирования числовым рядом.

Интересна связь состояния функции программирования и контроля с параметрами времени выполнения компьютерных проб. У взрослых людей, обладающих зрелыми управляющими функциями, наблюдается прямая зависимость между сложностью задачи и временем ее решения. У детей может наблюдаться как та же тенденция, так и противоположная: дети пытаются избегать сложных задач и могут давать необдуманные импульсивные ответы, что сокращает время, затрачиваемое на сложные задачи. В выполнении теста с таблицами Шульте в первом и третьем классах и графомоторной пробы первоклассниками мы видим первую тенденцию. Вторая тенденция обнаруживается в тесте “Dots”. Она проявляется в том, что в наиболее сложной 3-й пробе на фоне ожидаемой отрицательной корреляции между состоянием управляющих функций и продуктивностью также получена обратная, отрицательная тенденция в отношении времени ответов (более сложное задание делается быстрее). Это позволяет предположить, что для первоклассников в ситуации большой нагрузки на исследуемые компоненты ВПФ характерно повышение темпа деятельности в ущерб ее точности.

Связь между состоянием функции серийной организации действий и выполнением компьютерных проб ожидается, прежде всего, в графомоторной пробе. Обнаружена связь функций СО с показателями скорости и тяжести регуляторных ошибок в первом классе

и только с показателем скорости выполнения пробы в третьем классе. Отсутствие корреляции с ошибками можно объяснить их отчетливым сокращением в третьем классе.

Индекс СО также коррелирует с временем ответа в 1-й пробе теста “Dots” в первом и третьем классах и таблиц Шульте в третьем классе, а также с продуктивностью выполнения 3-й, самой сложной пробы теста “Dots” в первом классе.

Результаты анализа возрастных особенностей выполнения компьютерных методик соответствуют представлению о том, что развитие функций программирования и контроля — это длительный процесс, который начинается с первых дней жизни и завершается только к 20—29 годам (Anderson, 2002; De Lucca, Leventer, 2008; O’Hare, Sowell, 2008). Известно, что данный процесс развития не является линейным, многие исследователи отмечают периоды бурного созревания лобных отделов коры и улучшение управляющих функций. Одним из таких периодов принято считать возраст 5—7 лет (Carroll, 1986; Huttenlocher, 1990), следующий скачок в развитии фронтальных отделов коры относится к возрасту 12—15 лет (Anderson et al., 2001, 2008). Наши данные позволяют уточнить, что процесс развития управляющих функций происходит и в возрасте 7—9 лет.

Сравнение заданий, требующих участия управляющих функций, у детей в первом и третьем классе показало, что к 9 годам значимо улучшаются как качество, так и скорость выполнения заданий. При этом обнаружено, что наибольшие возрастные различия наблюдаются в самых сложных пробах. В тесте “Dots” именно в наиболее сложной 3-й пробе обнаружены максимальные возрастные различия. В задании на поиск чисел в таблицах Шульте снижение количества ошибок к третьему классу наблюдалось во всех заданиях вне зависимости от их сложности. Анализ времени поиска чисел свидетельствует о снижении к третьему классу эффекта «утомления». Именно параметры времени поиска чисел в таблицах значимо коррелируют с показателями нейропсихологического индекса ПИК у третьеклассников.

К третьему классу у школьников практически пропадают регуляторные ошибки при выполнении графомоторной пробы, именно поэтому не обнаружены корреляции между параметрами оценки данной пробы и индексом ПИК. По данным литературы и нашим данным, выполнение графомоторной пробы больше связано с нейропсихологическим индексом СО. В ней, как и в других компьютерных методиках, наблюдается значимое сокращение временных параметров выполнения к 9 годам. Известно, что при нормативном

развитии примерно к третьему году обучения графомоторный навык письма автоматизируется (Безруких, Любомирский, 2000; Karlsdottir, Stefansson, 2002). Значительная положительная динамика в выполнении графомоторной пробы к 9 годам свидетельствует об успешном процессе автоматизации движений. Эти данные согласуются с результатами других исследователей (Боркова, Орлова, 2003; Feder, Majnemer, 2007; Overvelde, Hulstijn, 2011).

Таким образом, выполнение всех заданий, требующих участия функций программирования и контроля и серийной организации движений, оказывается значительно лучше у третьеклассников по сравнению с первоклассниками. Этот процесс идет по двум направлениям: улучшается качество выполнения (снижается количество ошибок, увеличивается продуктивность) и возрастает скорость ответа.

В заключение следует обсудить связь между состоянием функций III блока мозга и возникновением трудностей в обучении. Определение на основании нейропсихологического обследования предрасположенности ребенка к возникновению трудностей в обучении — один из важнейших практических вопросов детской нейропсихологии. Результаты исследования свидетельствуют, что применение нейропсихологических проб дает более точные предсказания возникновения трудностей обучения, чем использованные компьютерные методы, потому что оно включает разные составляющие функций программирования и контроля (планирование, переключение, рабочую память — см., напр.: Anderson et al., 2008), тогда как спектр составляющих у использованных компьютерных проб уже. В дальнейшем набор компьютеризированных методик может быть дополнен так, чтобы оценивать более широкий спектр проявлений исследуемых функций. Тот факт, что при добавлении компьютерных проб прогноз мало улучшается, можно объяснить тем, что, по-видимому, влияние управляющих функций на возникновение трудностей обучения не выше 80—85%, поскольку и другие функции вносят свой вклад в обучаемость детей. Тем не менее такой высокий процент свидетельствует о ключевой роли функций программирования и контроля в успешности обучения, в том числе за счет того, что их слабость вызывает системные вторичные нарушения других функций.

Выводы

1. Результаты, полученные по предложенному набору компьютерных методик, согласуются с результатами полного нейропсихологического обследования и позволяют оценить развитие функций

программирования и контроля у детей младшего школьного возраста. Наиболее значимые различия в выполнении заданий детьми с разным уровнем развития функций программирования и контроля наблюдаются именно в заданиях, сильнее нагружающих управляющие функции. Методики особо чувствительны по отношению к детям с низким развитием управляющих функций.

2. От 7 к 9 годам происходит значимое улучшение в работе функций программирования и контроля деятельности: повышаются качество и темп выполнения заданий, требующих участия префронтальных и премоторных отделов коры головного мозга. При этом наиболее отчетливые возрастные изменения наблюдаются в отношении проб, требующих максимальной нагрузки на эти функции.

3. Дополнение нейропсихического обследования компьютерными методиками позволяет более дифференцированно оценивать состояние функций программирования и контроля у детей младшего школьного возраста. Их можно использовать для скринингового мониторинга управляющих функций у этих детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агрис А.Р., Ахутина Т.В., Корнеев А.А. Варианты дефицита функций I блока мозга у детей с трудностями обучения // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014а. № 3. С. 34—46.

Агрис А.Р., Матвеева Е.Ю., Корнеев А.А. Состояние нейродинамических компонентов деятельности у первоклассников в норме и при трудностях обучения (по данным компьютерных методик) // Психологические исследования: электрон. науч. журнал. 2014б. Т. 7. № 34. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 03.03.2016).

Ахутина Т.В., Матвеева Е.Ю., Романова А.А. Применение луриевского принципа синдромного анализа в обработке данных нейропсихологического обследования детей с отклонениями в развитии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2012. № 2. С. 84—95.

Ахутина Т.В., Полонская Н.Н., Пылаева Н.М., Максименко М.Ю. Нейропсихологическое обследование // Нейропсихологическая диагностика, обследование письма и чтения младших школьников / Под ред. Т.В. Ахутиной, О.Б. Иншаковой. М.: Сфера; В. Секачев, 2008; 2-е изд.: М.: Сфера; В. Секачев, 2012. С. 4—64.

Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход. СПб.: Питер, 2008; 2-е изд.: М.: Академия, 2015.

Безруких М.М., Любомирский Л.Е. Возрастные особенности организации и регуляции произвольных движений у детей и подростков // Физиология развития ребенка: теоретические и прикладные аспекты / Под ред. М.М. Безруких, Д.А. Фарбер. М.: Образование от А до Я, 2000. С. 239—258.

Боркова Т.Н., Орлова Н.Т. Однотипные движения в почерке. М.: Белый город, 2003.

Корсакова Н.К., Московичюте Л.И. Подкорковые структуры мозга и психические процессы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.

Кузева О.В., Романова А.А., Корнеев А.А., Ахутина Т.В. Нейропсихологический анализ особенностей становления графомоторных навыков у младших школьников // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра СО РАМН. 2014. Т. 99. № 5. С. 101—105.

Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.

Мачинская Р.И., Дубровинская Н.В. Функциональная организация полушарий мозга при направленном внимании у детей 7—8 лет // Журнал высшей нервной деятельности. 1996. Т. 46. № 3. С. 437—446.

Полонская Н.Н. Нейропсихологические особенности детей с разной успешностью обучения // А.Р. Лурия и психология XXI века. Доклады Второй международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Р. Лурия / Под ред. Т.В. Ахутиной, Ж.М. Глозман. М.: Смысл, 2003. С. 206—214.

Полонская Н.Н. Нейропсихологическая диагностика детей младшего школьного возраста. М.: Академия, 2007.

Пылаева Н.М. Нейропсихологическая поддержка классов коррекционно-развивающего обучения // I Международная конференция памяти А.Р. Лурия. Сборник докладов / Под ред. Е.Д. Хомской, Т.В. Ахутиной. М.: РПО, 1998. С. 238—243.

Хомская Е.Д. Нейропсихология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

Хотылева Т.Ю. Педагогические условия преодоления трудностей в образовательной работе с дошкольниками 5—7 лет: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2006.

Akhutina T.V., Korneev A.A., Matveeva E.Yu., Agris A.R. Age-related changes of higher mental functions in 7—9-years old children with different types of state regulation deficits // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2015. Vol. 12. N 3. P. 131—152.

Anderson P. Assessment and development of executive function (EF) during childhood // Child Neuropsychology. 2002. N 8. P. 71—82.

Anderson V., Anderson P.J., Jacobs R., Smith M.S. Development and assessment of executive function: From preschool to adolescence // Executive functions and the frontal lobes: A lifespan perspective. 2008. P. 123—154.

Anderson V., Anderson P., Northan E. et al. Development of executive functions through late childhood and adolescence in an Australian sample // Developmental Neuropsychology. 2001. Vol. 20. N 1. P. 385—406.

Ballard J.C. Computerized assessment of sustained attention: Interactive effects of task demand, noise, and anxiety // Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology. 1996. Vol. 18. N 6. P. 864—882.

Blair C., Razza R.P. Relating effortful control, executive function, and false belief understanding to emerging math and literacy ability in kindergarten // Child Development. 2007. Vol. 78. N 2. P. 647—663.

Brocki K.C., Bohlin G. Executive functions in children aged 6 to 13: A dimensional and developmental study // *Developmental Neuropsychology*. 2004. Vol. 26. N 2. P. 571—593.

Brooks B.L., Sherman E.M.S., Strauss E. NEPSY-II: A Developmental Neuropsychological Assessment, Second Edition // *Child Neuropsychology*. 2009. Vol. 16. N 1. P. 80—101. URL: <http://doi.org/10.1080/09297040903146966>

Bull R., Scerif G. Executive functioning as a predictor of children's mathematics ability: Inhibition, switching, and working memory // *Developmental Neuropsychology*. 2001. Vol. 19. N 3. P. 273—293.

Carroll G.B. Factor-analytic investigations of cognitive abilities // *Human assessment: Cognition and motivation*. Springer Netherlands, 1986. P. 3—8.

Davidson M.C., Amso D., Anderson L.C., Diamond A. Development of cognitive control and executive functions from 4 to 13 years: Evidence from manipulations of memory, inhibition, and task switching // *Neuropsychologia*. 2006. Vol. 44. N 11. P. 2037—2078.

De Luca C.R., Leventer R.J. Developmental trajectories of executive functions across the lifespan // *Executive functions and the frontal lobes: A lifespan perspective*. 2008. Vol. 3. P. 21.

Diamond A., Barnett S., Thomas J., Munro S. Preschool program improves cognitive control // *Science*. 2007. Vol. 318. N 5855. P. 1387—1388.

Feder K., Majnemer A. Handwriting development, competency, and intervention // *Developmental Medicine and Child Neurology*. 2007. Vol. 49. N 4. P. 312—317.

Glenat S., Heutte L., Paquet T. et al. The development of a computer-assisted tool for the assessment of neuropsychological drawing tasks // *International Journal of Information Technology & Decision Making*. 2008. Vol. 7. N 4. P. 751—767.

Hartman D.E. The Computerized Test of Information Processing (CTIP) by Tom Tombaugh // *Applied Neuropsychology*. 2008. Vol. 15. N 3. P. 226—227.

Henry L.A., Bettenay C. The assessment of executive functioning in children // *Child and Adolescent Mental Health*. 2010. Vol. 15. N 2. P. 110—119.

Huttenlocher P.R. Morphometric study of human cerebral cortex development // *Neuropsychologia*. 1990. Vol. 28. N 6. P. 517—527.

Jurado M.B., Rosselli M. The elusive nature of executive functions: a review of our current understanding // *Neuropsychology Review*. 2007. Vol. 17. N 3. P. 213—233.

Karlsdottir R., Stefansson T. Problems in developing functional handwriting (monograph supplement 1-V94) // *Perceptual and Motor Skills*. 2002. Vol. 94. N 2. P. 623—662.

Klimkeit E.I., Mattingley J.B., Sheppard D.M. et al. Examining the development of attention and executive functions in children with a novel paradigm // *Child Neuropsychology*. 2004. Vol. 10. N 3. P. 201—211.

Lim C.G., Lee T.S., Guan C. et al. A brain-computer interface based attention training program for treating attention deficit hyperactivity disorder // *PLoS ONE*. 2012. Vol. 7. N 10. P. e46692.

Lundqvist A., Grundström K., Samuelsson K., Rönnerberg J. Computerized training of working memory in a group of patients suffering from acquired brain injury // *Brain Injury*. 2010. Vol. 24. N 10. P. 1173—1183.

McClelland M.M., Morrison F.J., Holmes D.L. Children at risk for early academic problems: The role of learning-related social skills // *Early Childhood Research Quarterly*. 2000. Vol. 15. N 3. P. 307—329.

Miyake A., Friedman N.P., Emerson M.J. et al. The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “frontal lobe” tasks: A latent variable analysis // *Cognitive Psychology*. 2000. Vol. 41. N 1. P. 49—100.

Mulder H., Pitchford N.J., Hagger M.S., Marlow N. Development of executive function and attention in preterm children: a systematic review // *Developmental Neuropsychology*. 2009. Vol. 34. N 4. P. 393—421.

O'Hare E.D., Sowell E.R. Imaging developmental changes in gray and white matter in the human brain // *Handbook of developmental cognitive neuroscience* / Ed. by Ch.A. Nelson, M. Luciana. Cambridge, MA; London, England, 2008. P. 23—38.

Overvelde A., Hulstijn W. Handwriting development in grade 2 and grade 3 primary school children with normal, at risk, or dysgraphic characteristics // *Research in Developmental Disabilities*. 2011. Vol. 32. N 2. P. 540—548.

Plato B.O., Scharf A., Nelson D., Brooks P.J. Use of computer-assisted technologies (CAT) to enhance social, communicative, and language development in children with autism spectrum disorders // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2013. Vol. 43. N 2. P. 301—322.

Rabin B.A., Glasgow R.E. Dissemination of interactive health communication programs // *Interactive health communication technologies: Promising strategies for health behavior change*. New York, NY: Routledge, 2012.

Rimm-Kaufman S.E., Pianta R.C., Cox M.J. Teachers' judgments of problems in the transition to kindergarten // *Early Childhood Research Quarterly*. 2000. Vol. 15. N 2. P. 147—166.

Roskos P., Gfeller J., Chibnall J. An exploratory factor analysis of the repeatable battery for the assessment of neuropsychological status and the automated neuropsychological assessment metrics // *Archives of Clinical Neuropsychology*. 2014. Vol. 29. N 6. P. 568—568.

Saleem M.M., Harte M.K., Marshall K.M. et al. Positive effects of a novel cognitive remediation computer game (X-Cog) in first episode psychosis: a pilot study // *Psychosis*. 2014. Vol. 6. N 3. P. 215—219.

Smith P.J., Need A.C., Cirulli E.T. et al. A comparison of the Cambridge Automated Neuropsychological Test Battery (CANTAB) with “traditional” neuropsychological testing instruments // *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*. 2013. Vol. 35. N 3. P. 319—328.

Strauss E., Sherman E.M.S., Spreen O. A compendium of neuropsychological tests: Administration, norms, and commentary. Oxford University Press, 2006.

Titov N., Knight R.G. A computer-based procedure for assessing functional cognitive skills in patients with neurological injuries: the virtual street // *Brain Injury*. 2005. Vol. 19. N 5. P. 315—322.

THE DYNAMICS OF EXECUTIVE FUNCTIONS IN CHILDREN OF 7—9 YEARS OLD

Tatiana V. Akhutina¹, Alexey A. Korneev¹, Ekaterina Yu. Matveeva¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russia*

Abstract: The paper presents the analysis of developmental changes in executive functions in early school-children. 117 first-graders (7.62 ± 0.45 y.o.) 86 third-graders (9.64 ± 0.4 y.o.) participated in the study. Qualitative neuropsychological assessment and computer-based tests were used to evaluate the development of executive functions. The comparison of results in first and third graders reveals a significant improvement of temporal characteristics and accuracy of performance of the tests. The results may be evidence of the significant development of executive functions in the primary school age. In addition it is shown that the results of neuropsychological assessment and computer methods may be used as reliable predictors of learning disabilities

Key words: developmental neuropsychology, executive functions, attention, early schoolchildren.

References:

- Agris, A.R., Akhutina T.V., Korneev A.A. (2014a) Varianty defitsita funktsiy I bloka mozga u detey s trudnostyami obucheniya. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 3, 34—46.
- Agris, A.R., Matveeva, E.Yu., Korneev, A.A. (2014b) Sostoyanie neyrodinamicheskikh komponentov deyatel'nosti u pervoklassnikov v norme i pri trudnostyakh obucheniya (po dannym komp'yuternykh metodik). *Psikhologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. zhurnal* [Psychological Studies: electronic scientific journal], 7, 34. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 03.03.2016)
- Akhutina, T.V., Korneev, A.A., Matveeva, E.Yu., Agris, A.R. (2015) Age-Related changes of higher mental functions in 7—9-years old children with different types of state regulation deficits. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 12, 3, 131—152.
- Akhutina, T.V., Matveeva, E.Yu., Romanova, A.A. (2012) Primenenie lurievskogo printsipa sindromnogo analiza v obrabotke dannykh neyropsikhologicheskogo obsledovaniya detey s otkloneniyami v razvitii. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 2, 84—95.
- Akhutina, T.V., Polonskaya, N.N., Pylaeva, N.M., Maksimenko, M.Yu. (2008) Neyropsikhologicheskoe obsledovanie. In T.V. Akhutina, O.B. Inshakova (eds.) *Neyropsikhologicheskaya diagnostika, obsledovanie pis'ma i chteniya mladshikh shkol'nikov* [Neuropsychological diagnostics, examination of writing and reading younger school students] (pp. 4—64). Moscow: Sfera; V. Sekachev. 2nd ed. Moscow: Sfera; V. Sekachev, 2012.

Akhutina, T.V., Pylaeva, N.M. (2008) *Preodolenie trudnostey ucheniya: neyropsikhologicheskiy podkhod* [Overcoming the difficulties of the exercise: neuropsychological approach]. SPb.: Piter, 2008; 2nd ed. Moscow: Akademiya, 2015.

Anderson, P. (2002) Assessment and development of executive function (EF) during childhood. *Child Neuropsychology*, 8, 71—82.

Anderson, V., Anderson, P.J., Jacobs, R., Smith, M.S. (2008) Development and assessment of executive function: From preschool to adolescence. *Executive functions and the frontal lobes: A lifespan perspective*, 123—154.

Anderson, V., Anderson, P., Northan, E. et al. (2001) Development of executive functions through late childhood and adolescence in an Australian sample. *Developmental Neuropsychology*, 20, 1, 385—406.

Ballard, J.C. (1996) Computerized assessment of sustained attention: Interactive effects of task demand, noise, and anxiety. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 18, 6, 864—882.

Bezrukikh, M.M., Lyubomirskiy, L.E. (2000) Vozrastnye osobennosti organizatsii i regulyatsii proizvol'nykh dvizheniy u detey i podrostkov. In M.M. Bezrukikh, D.A. Farber (eds.) *Fiziologiya razvitiya rebenka: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Physiology of child development: theoretical and applied aspects] (pp. 239—258). Moscow: Obrazovanie ot A do Ya.

Blair, C., Razza, R.P. (2007) Relating effortful control, executive function, and false belief understanding to emerging math and literacy ability in kindergarten. *Child Development*, 78, 2, 647—663.

Borkova, T.N., Orlova, N.T. (2003) *Odnotipnye dvizheniya v pocherke* [The same type of movement in handwriting]. Moscow: Belyy gorod.

Brocki, K.C., Bohlin, G. (2004) Executive functions in children aged 6 to 13: A dimensional and developmental study. *Developmental Neuropsychology*, 26, 2, 571—593.

Brooks, B.L., Sherman, E.M.S., Strauss, E. (2009) NEPSY-II: A Developmental Neuropsychological Assessment, Second Edition. *Child Neuropsychology*, 16, 1, 80—101. URL: <http://doi.org/10.1080/09297040903146966>

Bull, R., Scerif, G. (2001) Executive functioning as a predictor of children's mathematics ability: Inhibition, switching, and working memory. *Developmental Neuropsychology*, 19, 3, 273—293.

Carroll, G.B. (1986) Factor-Analytic investigations of cognitive abilities. In *Human assessment: Cognition and motivation* (pp. 3—8). Netherlands: Springer.

Davidson, M.C., Amso, D., Anderson, L.C., Diamond, A. (2006) Development of cognitive control and executive functions from 4 to 13 years: Evidence from manipulations of memory, inhibition, and task switching. *Neuropsychologia*, 44, 11, 2037—2078.

De Luca, C.R., Leventer, R.J. (2008) Developmental trajectories of executive functions across the lifespan. *Executive functions and the frontal lobes: A lifespan perspective*, 3, 21.

Diamond, A., Barnett, S., Thomas, J., Munro, S. (2007) Preschool program improves cognitive control. *Science*, 318, 5855, 1387—1388.

Feder, K., Majnemer, A. (2007) Handwriting development, competency, and intervention. *Developmental Medicine and Child Neurology*, 49, 4, 312—317.

Glenat, S., Heutte, L., Paquet, T. et al. (2008) The Development of a computer-assisted tool for the assessment of neuropsychological drawing tasks. *International Journal of Information Technology & Decision Making*, 7, 04, 751—767.

Hartman, D.E. (2008) The Computerized Test of Information Processing (CTIP) by Tom Tombaugh. *Applied Neuropsychology*, 15, 3, 226—227.

Henry, L.A., Bettenay, C. (2010) The Assessment of executive functioning in children. *Child and Adolescent Mental Health*, 15, 2, 110—119.

Homskaya E.D. (1987) *Neyropsikhologiya* [Neuropsychology]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Hotyleva T.Yu. (2006) *Pedagogicheskie usloviya preodoleniya trudnostey v obrazovatel'noy rabote s doshkol'nikami 5—7 let* [Pedagogical conditions of overcoming difficulties in educational work with preschool children 5—7 years]: Dissertation of the candidate of psychological sciences. Moscow.

Huttenlocher, P.R. (1990) Morphometric study of human cerebral cortex development. *Neuropsychologia*, 28, 6, 517—527.

Jurado, M.B., Rosselli, M. (2007) The Elusive nature of executive functions: a review of our current understanding. *Neuropsychology Review*, 17, 3, 213—233.

Karlsdottir, R., Stefansson, T. (2002) Problems in developing functional handwriting (monograph supplement 1-V94). *Perceptual and Motor Skills*, 94, 2, 623—662.

Klimkeit, E.I., Mattingley, J.B., Sheppard, D.M. et al. (2004) Examining the development of attention and executive functions in children with a novel paradigm. *Child Neuropsychology*, 10, 3, 201—211.

Korsakova, N.K., Moskovichyute, L.I. (1985) *Podkorkovye struktury mozga i psikhicheskie protsessy* [Subcortical brain structures and mental processes]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Kuzeva, O.V., Romanova, A.A., Korneev, A.A., Akhutina, T.V. (2014) Neyropsikhologicheskiy analiz osobennostey stanovleniya grafomotornykh navykov u mladshikh shkol'nikov. *Byulleten' Vostochno-Sibirskogo nauchnogo tsentra SO RAMN* [Bulletin East-Siberian scientific center SB RAMS], 99, 5, 101—105.

Lim, C.G., Lee, T.S., Guan, C. et al. (2012) A brain-computer interface based attention training program for treating attention deficit hyperactivity disorder. *PLoS ONE*, 7, 10, e46692.

Lundqvist, A., Grundström, K., Samuelsson, K., Rönnerberg, J. (2010) Computerized training of working memory in a group of patients suffering from acquired brain injury. *Brain Injury*, 24, 10, 1173—1183.

Luriya, A.R. (1973) *Osnovy neyropsikhologii* [Basis of neuropsychology]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Machinskaya, R.I., Dubrovinskaya, N.V. (1996) Funktsional'naya organizatsiya polushariy mozga pri napravlenom vnimanii u detey 7—8 let. *Zhurnal vysshey nervnoy deyatel'nosti* [The Journal of Higher Nervous Activity], 46, 3, 437—446.

McClelland, M.M., Morrison, F.J., Holmes, D.L. (2000) Children at risk for early academic problems: The role of learning-related social skills. *Early Childhood Research Quarterly*, 15, 3, 307—329.

Miyake, A., Friedman, N.P., Emerson, M.J. et al. (2000) The Unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “frontal lobe” tasks: A latent variable analysis. *Cognitive Psychology*, 41, 1, 49—100.

Mulder, H., Pitchford, N.J., Hagger, M.S., Marlow, N. (2009) Development of executive function and attention in preterm children: a systematic review. *Developmental Neuropsychology*, 34, 4, 393—421.

O'Hare, E.D., Sowell, E.R. (2008) Imaging developmental changes in gray and white matter in the human brain. In Ch.A. Nelson, M. Luciana (eds.) *Handbook of developmental cognitive neuroscience* (pp. 23—38). Cambridge, MA; London, England.

Overvelde, A., Hulstijn, W. (2011) Handwriting development in grade 2 and grade 3 primary school children with normal, at risk, or dysgraphic characteristics. *Research in Developmental Disabilities*, 32, 2, 540—548.

Ploog, B.O., Scharf, A., Nelson, D., Brooks, P.J. (2013) Use of computer-assisted technologies (CAT) to enhance social, communicative, and language development in children with autism spectrum disorders. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 43, 2, 301—322.

Polonskaya, N.N. (2003) Neyropsikhologicheskie osobennosti detey s raznoy uspešnost'yu obucheniya. In T.V. Akhutina, Zh.M. Glozman (eds.) *A.R. Luriya i psikhologiya XXI veka* [A. R. Luria and psychology of XXI century] (pp. 206—214) *Doklady Vtoroy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.R. Luriya*. Moscow: Smysl.

Polonskaya, N.N. (2007) *Neyropsikhologicheskaya diagnostika detey mladshogo shkol'nogo vozrasta* [Neuropsychological diagnosis of children of primary school age]. Moscow: Akademiya.

Rabin, B.A., Glasgow, R.E. (2012) *Dissemination of interactive health communication programs*. Interactive health communication technologies: Promising strategies for health behavior change. New York, NY: Routledge, 2012.

Pylaeva, N.M. (1998) Neyropsikhologicheskaya podderzhka klassov korrektsionno-razvivayushchego obucheniya. In E.D. Homskaya, T.V. Akhutina (eds.) *I Mezhdunarodnaya konferentsiya pamyati A.R. Luriya. Sbornik dokladov* [First international conference in memory of A. R. Luria. A collection of reports] (pp. 238—243). Moscow: RPO.

Rimm-Kaufman, S.E., Pianta, R.C., Cox, M.J. (2000) Teachers' judgments of problems in the transition to kindergarten. *Early Childhood Research Quarterly*, 15, 2, 147—166.

Roskos, P., Gfeller, J., Chibnall, J. (2014) An Exploratory factor analysis of the repeatable battery for the assessment of neuropsychological status and the automated neuropsychological assessment metrics. *Archives of Clinical Neuropsychology*, 29, 6, 568—568.

Saleem, M.M., Harte, M.K., Marshall, K.M. et al. (2014) Positive effects of a novel cognitive remediation computer game (X-Cog) in first episode psychosis: a pilot study. *Psychosis*, 6, 3, 215—219.

Smith, P.J., Need, A.C., Cirulli, E.T. et al. (2013) A comparison of the Cambridge Automated Neuropsychological Test Battery (CANTAB) with “traditional”

neuropsychological testing instruments. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 35, 3, 319—328.

Strauss, E., Sherman, E.M.S., Spreen, O. (2006) *A compendium of neuropsychological tests: Administration, norms, and commentary*. Oxford University Press, USA.

Titov, N., Knight, R.G. (2005) A Computer-based procedure for assessing functional cognitive skills in patients with neurological injuries: the virtual street. *Brain Injury*, 19, 5, 315—322.

Original manuscript received January 19, 2016

УДК: 316.62, 159.922.4, 159.907

ВЛИЯНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК СИТУАЦИИ НА ПРОЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ПРЕДПОЧТЕНИИ СПОСОБОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНФЛИКТЕ

Е. С. Синельникова

Гипотеза исследования: характеристики конфликтной ситуации (тип отношений между партнерами, статусные различия между ними, содержание конфликта) оказывают влияние на проявление культурных различий во взаимодействии в конфликте. Респонденты: 125 голландцев (студенты, средний возраст 21.62 года) и 146 россиян (студенты, средний возраст 20.15 года). Использовалась методика «Конфликтные ситуации» Е.С. Синельниковой (Россия) и Д. Вигболдуса (Нидерланды). Выявлено, что тип отношений между партнерами (деловые, дружеские, семейные отношения), статусные различия между ними и содержание конфликта влияют на проявление культурных различий в предпочтении способов взаимодействия в конфликте. Россияне проявляют большую готовность к выражению своих чувств, к конфронтации в семейном конфликте, голландцы — в конфликтах, связанных с нарушением социальных норм, независимо от типа отношений и статусных различий с партнером. Россияне и голландцы проявляют равную готовность к сотрудничеству с партнером в разрешении конфликта в интересах всех его сторон. Голландцы в большей степени предпочитают прямые способы взаимодействия в конфликте, россияне — непрямой способ (иронию).

Ключевые слова: конфликтная ситуация, культура, способы взаимодействия в конфликте, российские студенты, голландские студенты.

Синельникова Елена Семеновна — кандидат психологических наук, ассистент кафедры прикладной психологии Петербургского университета путей сообщения (Санкт-Петербург, Россия). *E-mail:* elena.sinelni@yandex.ru

Культурные особенности взаимодействия в конфликте

В современном мире возрастает роль межкультурного взаимодействия при решении задач в различных сферах деятельности. Работа в международной команде, дружеские отношения и даже создание семьи (семейные отношения) с представителями другой культуры становятся частью повседневной жизни многих людей. В то же время участники межкультурного взаимодействия нередко испытывают негативные чувства, связанные с неопределенностью, различиями в социальных нормах и правилах поведения, которых они придерживаются, нарушением ожиданий относительно поведения партнера (Мацумото, 2008).

Наибольшие трудности в межкультурном взаимодействии представляет успешное разрешение конфликта с участием представителей различных культур (там же). Конфликтные ситуации по определению предполагают наличие противоречий в интересах, убеждениях, целях, ценностях партнеров, их участники переживают интенсивные негативные эмоции (Анцупов, Баклановский, 2006). В конфликте с участием представителей различных культур у его участников помимо данных противоречий существуют различные представления об оптимальных стратегиях и способах взаимодействия в конфликте (Леонтьев, 2009). Безусловно, представители одной культуры также могут иметь индивидуальные предпочтения в области стратегий и способов взаимодействия в конфликте, но в конфликтной ситуации, участники которой принадлежат к разным культурам, помимо индивидуальных различий проявляются и культурные. Более того, представители разных культур нередко по-разному воспринимают одни и те же конфликтные ситуации. В исследовании с участием японских и американских студентов было выявлено, что некоторые критерии классификации конфликтных ситуаций являются универсальными, а некоторые — культурно специфическими (Gelfand et al., 2001).

В случае деструктивного разрешения конфликты между представителями разных культур не только снижают успешность совместной деятельности и качество межличностных отношений, но и способствуют формированию негативного мнения о другой культуре в целом. В связи с этим мы сочли важным изучить культурные особенности представлений о конфликте и способах его разрешения.

Большинство эмпирических исследований в области культурных различий во взаимодействии в конфликте проводились

с респондентами из США, стран Западной Европы и Азии, прежде всего Китая и Японии. Исследования с участием российских респондентов очень немногочисленны и в то же время актуальны, так как позволяют выявить специфические особенности представлений о взаимодействии в конфликте у россиян по сравнению с представителями других культур. Их результаты могут быть использованы как для расширения теоретических взглядов на вопросы культурного взаимодействия, так и для консультирования по этим вопросам россиян и представителей других культур.

До настоящего момента наиболее значительным является эмпирическое исследование М.Г. Леонтьева (2009), в котором было выявлено сходство российских и английских респондентов в предпочтении стратегий взаимодействия в конфликте, а также обнаружены некоторые культурные различия: россияне в большей степени, чем англичане, предпочитают стратегии взаимодействия, ориентированные на свои интересы; у россиян контекст конфликтного взаимодействия (отношения с другом или с посторонним человеком) в большей степени влияет на предпочтение стратегий взаимодействия, чем у англичан (там же).

Культурные особенности могут проявляться по-разному в зависимости от типа отношений между партнерами, статусных различий между ними, содержания конфликтной ситуации. В частности, эмпирические исследования свидетельствуют, что коллективисты по сравнению с индивидуалистами проявляют бóльшую готовность учитывать интересы партнера в конфликтах с представителями своей группы. В то же время эмпирические данные о предпочтении коллективистами и индивидуалистами стратегий взаимодействия в конфликтах с представителями других групп противоречивы (Triandis, 2000).

В силу того что важнейшие культурные различия во взаимодействии в конфликте связаны с такими параметрами, как дистанция власти и индивидуализм/коллективизм (Hofstede, 2001; Triandis, 2000), изучение культурных особенностей взаимодействия в конфликте в зависимости от статусных различий и характера отношений между партнерами является перспективным направлением. Значимым параметром в межкультурном взаимодействии является также контекстность культуры. Представители высококонтекстных культур в большей степени предпочитают не прямые способы взаимодействия в конфликте, а представители низкоконтекстных культур — прямые способы (Стефаненко, 2014).

Цель, гипотеза, выборка исследования

В настоящем исследовании изучались культурные особенности предпочтения способов взаимодействия в конфликте с учетом контекстуальных характеристик конфликтной ситуации (типа отношений между партнерами, статусных различий, содержания конфликта) у россиян и голландцев.

Россия и Нидерланды имеют длительную историю международных отношений и сегодня продолжают активно сотрудничать в экономической, научной, культурной и образовательной сферах. При этом значительная культурная дистанция до сих пор служит причиной трудностей во взаимопонимании и взаимодействии россиян и голландцев (Ван Нироп, 2008; Михайлова, 2008). С точки зрения западных исследователей, голландская культура на протяжении столетий была и в настоящее время является индивидуалистической, низкоконтекстной культурой, с относительно небольшой дистанцией власти (Ван Нироп, 2008; Hofstede, 2001), тогда как российская культура — коллективистической, со значительной дистанцией власти (Hofstede, 2001). В то же время отечественные исследователи отмечают и в традиционной, и в современной российской культуре высокую значимость как индивидуалистических, так и коллективистических ценностей (Гуриева, 2004; Комарова, 2011; Синякина, 2012). Трансформация социальных норм и ценностей, происходящая в России в последние десятилетия, проявилась в росте индивидуализма и уменьшении дистанции власти (Лебедева, Татарко, 2007), однако российская культура по-прежнему остается высококонтекстной (Сидоренко, 2008).

Гипотеза исследования: характеристики конфликтной ситуации (тип отношений между партнерами, статусные различия между ними, содержание конфликта) оказывают влияние на проявление культурных различий во взаимодействии в конфликте.

Методика

Использовалась методика «Конфликтные ситуации», разработанная нами совместно с Д. Вигболдусом — профессором университета Рэдбауд (Нидерланды) (Синельникова, 2014, 2015а, б). Методика направлена на изучение культурных различий в предпочтении способов взаимодействия в конфликтных ситуациях, различающихся по контексту взаимодействия (деловое, дружеское, семейное взаимодействие) и объективно заданной

дистанции власти между партнерами (конфликт с равным или вышестоящим партнером). Методика представляет собой подробное описание конфликтных ситуаций и соответствующих им способов взаимодействия. Например, конфликтная ситуация с руководителем, связанная с нарушением им своих обязательств (вышестоящий партнер, деловое взаимодействие), сформулирована следующим образом: «Андрей — начальник отдела, в котором работает Сергей (в голландской версии даны голландские имена). Однажды Андрей говорит Сергею, что собирается поручить ему дополнительный проект. Директор обещает, что если Сергей создаст хороший проект, то он получит повышение. Сергей работал очень усердно и сделал достойный проект. Директор высоко оценил проект, однако назначил другого человека на должность, которую он обещал Сергею. Когда Сергей обратился к начальнику, Андрей сказал ему, что он не назначил на должность Сергея, так как согласно внутренней политике компании был вынужден назначить на эту должность сотрудника из другого отдела». Респондентам дается следующее задание: «Пожалуйста, оцените по 7-балльной шкале Лайкерта (1 — совсем нет, 7 — конечно, да), в какой степени Сергею стоит сказать Андрею, своему начальнику...» Далее предлагались фразы, выражающие разные способы взаимодействия в конфликте: 1. «Я понимаю, как важно для вас соблюдать политику компании» (*признание чувств и позиции партнера*); 2. «Я чувствую разочарование, потому что вы обещали мне повышение, но я его не получил» (*выражение своих чувств и позиции*); 3. «Я понимаю, что вы не можете дать мне повышение, но, может быть, вы заплатите мне за работу, которую я выполнил?» (*предложение решения проблемы*); 4. «Вы — нечестный человек. Я больше не могу доверять вам» (*обвинение партнера*); 5. «Это была блестящая идея пообещать мне повышение! Вы нашли лучший способ заставить меня делать дополнительную работу!» (*ирония*). Респондентам предлагались конкретные формулировки способов взаимодействия, названия способов взаимодействия (например, предложение решения проблемы) не указывались.

Конструктивными способами взаимодействия в конфликте являются: 1) выражение своих чувств и позиции; 2) признание чувств и позиции партнера; 3) предложение решения проблемы. А.Я. Анцупов и С.В. Баклановский (2006) относят эти способы к «мягким тактикам», позволяющим согласовать позиции сторон и выработать совместное решение проблемы. Данные способы соответствуют принципам конструктивного взаимодействия,

сформулированным Е.В. Сидоренко (2010). Все предложенные респондентам конструктивные способы являются прямыми. Шкала непрямого конструктивного способа — уточнение позиции партнера — не прошла проверку на надежность на голландской выборке и была исключена из дальнейшего анализа данных. Способами прямого и непрямого *деструктивного* взаимодействия в конфликте являются соответственно 1) обвинение партнера и 2) ирония. Применение этих способов предполагает возложение ответственности за конфликт на партнера, обвинение его в преследовании личных интересов и/или нарушении социальных норм, демонстрацию неуважения к партнеру (Гришина, 2000). Данные способы взаимодействия являются тактиками давления и психологического насилия (Анцупов, Баклановский, 2006). Полный текст методики и подробные сведения о ее разработке, апробации, проверке эквивалентности российской и голландской версий см. в: Синельникова, 2015б.

Выборка. В исследовании приняли участие 125 голландцев (66.4% женщин, средний возраст 21.62 года) и 146 россиян (59.6% женщин, средний возраст 20.15 года). Голландские респонденты были студентами университета Рэдбауд, Нидерланды, указали в анкете голландский язык как родной. Российские респонденты были студентами Санкт-Петербургского института культуры и Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики, указали в анкете русский язык как родной. Математико-статистический анализ данных осуществлялся с помощью методов: критерий нормальности распределения Колмогорова—Смирнова, Т-критерий Стьюдента, критерий U Манна—Уитни с применением программы SPSS-17.

Результаты и их обсуждение

Поскольку в эмпирическом исследовании учитывается роль контекста взаимодействия в проявлении культурных различий, при описании результатов исследования также дается краткая характеристика предложенных респондентам конфликтных ситуаций. Данные о средних значениях и статистически достоверных различиях представлены в таблице.

**Предпочтение способов взаимодействия в конфликте россиянами
и голландцами**

Конфликтная ситуация	Респонденты	Конструктивные способы			Деструктивные способы	
		Признание чувств и позиции партнера	Открытое выражение своих чувств и позиции	Предложение решения проблемы	Обвинение	Ирония
1. Деловой конфликт с равным партнером	Россияне (n=146)	2.66*	5.74	4.26	3.96	1.48*
	Голландцы (n=125)	3.14*	6.22	4.21	3.66	1.69*
2. Деловой конфликт с вышестоящим партнером (нарушение руководителем своих обязательств)	Россияне (n=75)	3.14***	6.18	6.09	2.24	2.28
	Голландцы (n=61)	4.49***	6.41	6.35	1.84	2.29
3. Конфликт с вышестоящим партнером (профессиональные разногласия с руководителем)	Россияне (n=71)	4.03	4.29***	5.26	2.5***	2.16
	Голландцы (n=64)	3.83	5.95***	5.28	5.72***	1.90
4. Личный конфликт с равным партнером	Россияне (n=146)	2.66***	4.98***	4.58***	3.81**	2.32**
	Голландцы (n=125)	3.56***	6.12***	3.67***	4.42**	2.65**
5. Личный конфликт с вышестоящим партнером (родители)	Россияне (n=146)	5.76	5.95	4.78	1.62	3.53***
	Голландцы (n=125)	6.02	5.14	4.99	1.58	1.62***
По всем ситуациям	Россияне (n=146)	14.68***	21.95*	19.39	11.75**	9.55**
	Голландцы (n=125)	16.91***	23.66*	18.72	13.37**	8.06**

Примечание. * — различия между российской и голландской выборками достоверны на уровне $p < 0.05$; ** — различия между российской и голландской выборками достоверны на уровне $p < 0.01$; *** — различия между российской и голландской выборками достоверны на уровне $p < 0.001$.

1. Деловой конфликт с равным партнером — конфликтная ситуация во взаимоотношениях между коллегами, которые также состоят в дружеских отношениях: один из коллег присвоил себе проект, принадлежащий его коллеге и другу, и на этом основании занял вакантную руководящую должность. Результаты сравнительного анализа выявили культурные различия в предпочтении способов взаимодействия в конфликте: «признание чувств и позиции партнера» ($U=7522.5$; $p<0.05$) и «ирония» ($U=7992.5$; $p<0.05$). Голландцы по сравнению с россиянами проявили большую готовность как к признанию чувств и позиции партнера, так и к конфронтации с партнером и косвенному выражению негативных чувств в форме ироничного взаимодействия (см. таблицу).

Большая готовность голландцев к ироничному взаимодействию с партнером (конфронтации в косвенной форме, отвергаемой в низкоконтекстных культурах) свидетельствует о более высокой эмоциональной вовлеченности в конфликтную ситуацию. Поскольку голландская культура на протяжении столетий является индивидуалистической, голландцы крайне негативно относятся к нарушению их прав и посягательству на их собственность, в том числе интеллектуальную. Большая готовность голландских респондентов к признанию позиции партнера в деловом конфликте может свидетельствовать об их большей готовности к согласованию позиций сторон в деловом конфликте. В то же время представители обеих культур проявляют равную готовность к сотрудничеству с партнером, т.е. к предложению решения проблемы в интересах всех сторон конфликта.

2. В деловом конфликте с вышестоящим партнером, связанном с нарушением им своих обязательств, руководитель просит подчиненного сделать дополнительную работу и в случае ее успешного завершения обещает повышение, но не выполняет своего обещания. Представители голландской культуры проявили большую готовность к выражению своих чувств и позиции ($U=1104$; $p<0.001$) и обвинению партнера ($U=2177$; $p<0.001$) (см. таблицу). Большая готовность голландских респондентов к выражению своих чувств и обвинению партнера может свидетельствовать об их более высокой эмоциональной вовлеченности в конфликт с руководителем. По-видимому, нарушение руководителем своего обещания вызывает у представителей голландской культуры более интенсивные негативные чувства, которые они стремятся выразить как в конструктивной, так и в деструктивной форме.

3. В конфликтной ситуации с вышестоящим партнером, вызванной профессиональными разногласиями, руководитель дает подчиненному задание. Подчиненный считает, что выполнение задания руководителя может иметь негативные последствия как для интересов компании, так и для общества в целом. Россияне и голландцы проявили высокую согласованность в своих представлениях об оптимальном взаимодействии в конфликтной ситуации, ориентированном, прежде всего, на выражение своей позиции и разрешение конфликтной ситуации с учетом целей руководителя и интересов компании, общества (см. таблицу). В то же время голландцы по сравнению с россиянами проявили большую готовность к признанию чувств и позиции вышестоящего партнера ($U=1348.5$; $p<0.001$), что свидетельствует о более высоком уровне доверия к руководителю у голландцев.

Большая степень доверия голландцев руководителю в ситуации профессиональных разногласий может быть связана с более высоким общим уровнем доверия в голландской культуре и снижением уровня взаимного доверия в российской культуре в последние десятилетия. Российская культура отличается партикуляризмом, что обуславливает меньшую объективность критериев отбора на руководящие должности (Почебут, 2012). В то же время нарушение договоренностей со стороны вышестоящего партнера в большей степени девальвирует его авторитет в голландской культуре по сравнению с российской культурой, что проявляется в большей готовности голландцев к конфронтации с руководителем в ситуации нарушения им своих обязательств. Низкая дистанция власти в голландской культуре предполагает, что власть вышестоящего партнера обусловлена не формальными основаниями, а его деловыми и нравственными качествами, поэтому нарушение руководителем своих обязательств лишает его права на уважение со стороны подчиненного. Напротив, в российской культуре, которой традиционно свойственна высокая дистанция власти, открытое обвинение руководителя является недопустимым нарушением норм взаимодействия.

4. Личный конфликт с равным партнером — конфликтная ситуация в студенческой группе: один из друзей целует девушку, которая встречается с его другом. Голландские студенты проявили большую готовность к признанию чувств партнера ($U=6153.5$; $p<0.001$), выражению своих чувств и позиции ($U=5934.5$; $p<0.001$), обвинению партнера ($U=7471$; $p<0.01$) и ироничному взаимодействию с ним ($U=7711.5$; $p<0.01$). Российские студенты в большей степени направлены на решение проблемы ($U=6671.5$; $p<0.001$)

(см. таблицу). Эти результаты свидетельствуют о большей эмоциональной вовлеченности голландцев в личный конфликт с равным партнером. Они также могут быть связаны с более традиционным распределением гендерных ролей в российской культуре и гендерными предписаниями, ограничивающими проявление чувств мужчинами (Hofstede, 2001).

В целом в конфликтных ситуациях, связанных с нарушением партнером социальных норм и/или своих обязательств, представители голландской культуры проявляют большую готовность к конфронтации с партнером и к прояснению позиций сторон.

5. Личный конфликт с вышестоящим партнером — конфликт с родителями, возражающими против выбора дочерью спутника жизни. В этой ситуации российские студенты проявили большую готовность к открытому выражению своих чувств и позиции ($U=6249$; $p<0.001$) и к ироничному взаимодействию с родителями ($U=4041.5$; $p<0.001$) (см. таблицу). Этот результат свидетельствует, что они переживают более интенсивные (по сравнению с голландцами) эмоции в конфликте с родителями и в большей степени стремятся выразить их как в конструктивной, так и в деструктивной форме. В российской культуре роль семьи традиционно очень велика и, несмотря на рост индивидуализма, отношения между детьми и родителями по-прежнему остаются более близкими по сравнению с голландской культурой (Лебедева, Татарко, 2007; Стефаненко, 2014; Hofstede, 2001). Большая психологическая близость детей и родителей, высокая значимость мнения родителей обуславливают большую эмоциональную экспрессивность в конфликтном взаимодействии.

6. Сравнительный анализ суммарных показателей по всем конфликтным ситуациям (см. таблицу) выявил культурные различия по таким способам взаимодействия в конфликте, как: «признание чувств и позиции партнера» ($t=4.45$; $p<0.001$), «выражение своих чувств и позиции» ($U=7367.5$; $p<0.05$), «обвинение партнера» ($t=2.89$; $p<0.01$), «ирония» ($U=7183.5$; $p<0.01$). И россияне и голландцы проявили равную готовность к сотрудничеству с партнером в конфликте. При этом голландцы в большей степени предпочитают прямые способы взаимодействия (признание чувств и позиции партнера, выражение своих чувств и позиции, обвинение), а представители российской культуры — непрямой способ (ироничное взаимодействие). Выявленные различия связаны с более высокой контекстностью российской культуры. Также возможной причиной

может быть негативное отношение к конфликтам в российской культуре (Гришина, 2000). Представители российской культуры в большей степени предпочитают ироничное взаимодействие, так как оно позволяет одновременно и психологически дистанцироваться от участия в конфликте, и выразить негативные чувства в косвенной форме.

Выводы

1. Характеристики конфликтной ситуации (тип отношений между партнерами, статусные различия, содержание конфликта) влияют на проявление культурных различий в предпочтении способов взаимодействия в конфликте.

2. Голландцы проявляют бóльшую по сравнению с россиянами готовность к открытому выражению своих чувств и позиции и к конфронтации в конфликтных ситуациях, связанных с нарушением обязательств, независимо от социального статуса партнера и типа межличностных отношений. В конфликтах с равными партнерами голландцы проявляют также бóльшую готовность к признанию чувств партнера, чем россияне, а в конфликте с вышестоящим партнером — исключительно высокую готовность к выражению своей позиции как в конструктивной, так и в деструктивной форме.

3. Голландцы по сравнению с россиянами проявляют бóльшую готовность к признанию позиции партнера в конфликте, связанном с профессиональными разногласиями и возможным нарушением морально-этических норм со стороны руководителя.

4. Россияне по сравнению с голландцами проявляют бóльшую готовность к открытому выражению своих чувств и позиции, к конфронтации в конфликте с родителями, что свидетельствует об их большей эмоциональной вовлеченности в межпоколенные отношения.

5. Россияне и голландцы проявляют равную готовность к сотрудничеству с партнером в конфликте. При этом голландцы в большей степени предпочитают прямые способы взаимодействия в конфликте, а россияне — непрямой способ (ироничное взаимодействие).

* * *

Результаты исследования позволили выявить роль характеристик контекста межличностного взаимодействия (типа отношений и статусных различий между партнерами) в проявлении культурных особенностей взаимодействия в конфликте. В дальнейшем пред-

ставляется перспективным провести исследование на материале других культур и включить в методику конфликтные ситуации с нижестоящими партнерами. Учет контекста межличностного взаимодействия будет способствовать более глубокому пониманию и успешному прогнозированию проявления межкультурных различий в конфликтном взаимодействии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анциупов А.Я., Баклановский С.В. Конфликтология в схемах и комментариях. СПб.: Питер, 2006.

Ван Нироп Х. «Как в зеркале»: меняющийся образ России в 17 веке // Россия — Голландия на перекрестке мнений: Мат-лы Междунар. науч. конф. СПб.: Европейский Дом, 2008. С. 14—25.

Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2000.

Гуриева С.Д. Этнолингвистическая эквивалентность и языковой такт в межкультурной коммуникации // Психология и мораль / Сост. и науч. ред. В.Н. Куницына. СПб.: Речь, 2004. С. 97—106.

Комарова А.И. Культурно-психологические особенности взаимосвязи ценностей и эмоционального интеллекта: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Саратов, 2011.

Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развития общества. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

Леонтьев М.Г. Особенности культуры как фактор разрешения межличностного конфликта: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2009.

Мацумото Д. Человек. Психология. Культура. Удивительные загадки, исследования, открытия. СПб.: Прайм-Еврознак, 2008.

Михайлова И.М. О русских переводах голландской поэзии и образе Голландии в России // Россия — Голландия на перекрестке мнений: Мат-лы Междунар. науч. конф. СПб.: Европейский Дом, 2008. С. 165—174.

Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология. СПб.: Питер, 2012.

Сидоренко Е.В. Тренинг коммуникативной компетентности в деловом взаимодействии. СПб.: Речь, 2008.

Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб.: Речь, 2010.

Синельникова Е.С. Социальные представления о стратегиях поведения в конфликте у студентов в Нидерландах // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2014. № 2. С. 75—83.

Синельникова Е.С. Эмоциональный интеллект как фактор взаимодействия в конфликте в России и Нидерландах // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015а. Т. 1. № 1 (61). С. 138—145.

Синельникова Е.С. Эмоциональный интеллект как фактор взаимодействия в конфликте: кросс-культурный аспект: Дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2015б.

Синякина Е.Г. Психологические характеристики русского крестьянства второй половины XIX — начала XX века: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2012.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект-Пресс, 2014.

Gelfand M.J., Nishii L.H., Holcombe K.M. et al. Cultural influences on cognitive representations of conflict: Interpretations of conflict episodes in the United States and Japan // *Journal of Applied Psychology*. 2001. Vol. 86. N 6. P. 1059—1074.

Hofstede G. *Culture's consequences. Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001.

Triandis H.C. *Culture and conflict* // *International Journal of Psychology*. 2000. Vol. 35. N 2. P. 145—152.

Поступила в редакцию
01.09.15

INFLUENCE OF SITUATION CHARACTERISTICS ON CULTURAL DIFFERENCES MANIFESTATION ON PREFERENCE OF CONFLICT INTERACTION TACTICS

*Elena S. Sinelnikova*¹

¹ *Saint-Petersburg State Transport University, Saint-Petersburg, Russia*

Abstract: Article presents results of empirical study focused on cultural differences in preferences of conflict interaction tactics in conflicts with high power and equal partner, in interpersonal and business relations. Hypotheses: Characteristics of conflict situation (type of relations, differences in social status, content of conflict) influence on manifestation of cultural differences in conflict interaction. Sample: 125 Dutch students (mean age: 21.62), 146 Russian students (mean age: 20.15). Method: “Conflict situations” (Sinelnikova, Wigboldus). Participants were presented with conflict stories in business and interpersonal context with equal and high power partners. Research has shown that characteristics of conflict situation: power distance, type of relations, content of conflict situation, influenced on manifestation of cultural differences in conflict tactics preferences). Results demonstrated that Russian students expressed their feelings and confronted more in family conflict, Dutch students – in conflicts, initiated by violation of social norms. Russians and Dutch students demonstrated

equal readiness to cooperate with partner in conflict. However Dutch students preferred direct tactics, and Russian students preferred irony.

Key words: conflict situation, culture, tactics of conflict interaction, Russian students, Dutch students.

References:

Antsupov, A.Ya., Baklanovskiy, S.V. (2006) *Konfliktologiya v skhemakh i kommentariyakh* [Conflictology in the schemes and comments]. SPb.: Piter, 2006.

Gelfand, M.J., Nishii, L.H., Holcombe, K.M. et al. (2001) Cultural influences on cognitive representations of conflict: Interpretations of conflict episodes in the United States and Japan. *Journal of Applied Psychology*, 86, 6, 1059—1074.

Grishina, N.V. (2000) *Psikhologiya konflikta* [Psychology of conflict]. SPb.: Piter.

Gurieva, S.D. (2004) Etnolingvisticheskaya ekvivalentnost' i yazykovoy takt v mezhkul'turnoy kommunikatsii. In V.N. Kunitsyna (ed.) *Psikhologiya i moral'* (pp. 97—106). SPb.: Rech'.

Hofstede, G. (2001) *Culture's consequences. Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

Komarova, A.I. (2011) *Kul'turno-psikhologicheskie osobennosti vzaimosvyazi tsennostey i emotsional'nogo intellekta* [Cultural and psychological features of interconnection between values and emotional intelligence]: Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk. Saratov, 2011.

Lebedeva, N.M., Tatarko, A.N. (2007) *Tsennosti kul'tury i razvitiya obshchestva* [Cultural values and development of society]. Moscow: GU VShE.

Leont'ev, M.G. (2009) *Osobennosti kul'tury kak faktor razresheniya mezhluchnostnogo konflikta* [Features of culture as a factor in the resolution of interpersonal conflict]: Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk. Moscow.

Matsumoto, D. (2008) *Chelovek. Psikhologiya. Kul'tura. Udivitel'nye zagadki, issledovaniya, otkrytiya* [People. Psychology. Culture. Amazing puzzles, research, discoveries]. SPb.: Praym-Evroznak.

Mikhaylova, I.M. (2008) О russkikh perevodakh gollandskoy poezii i obraze Gollandii v Rossii. In "Rossiya — Gollandiya na perekrestke mneniy" [Russia — Holland at the crossroads of opinions]: Mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (pp. 165—174). SPb.: Evropeyskiy Dom.

Pochebut, L.G. (2012) *Kross-kul'turnaya i etnicheskaya psikhologiya* [Cross-cultural and ethnic psychology]. SPb.: Piter.

Sidorenko, E.V. (2008) *Trening kommunikativnoy kompetentnosti v delovom vzaimodeystvii* [Communicative competence training in business interaction]. SPb.: Rech'.

Sidorenko, E.V. (2010) *Trening vliyaniya i protivostoyaniya vliyaniyu* [Training of influence and opposition to influence]. SPb.: Rech'.

Sinel'nikova, E.S. (2014) Sotsial'nye predstavleniya o strategiyakh povedeniya v konflikte u studentov v Niderlandakh. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg state University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy], 2, 75—83.

Sinel'nikova, E.S. (2015a) Emotsional'nyy intellekt kak faktor vzaimodeystviya v konflikte v Rossii i Niderlandakh. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo state University], 1, 1 (61), 138—145.

Sinel'nikova, E.S. (2015b) *Emotsional'nyy intellekt kak faktor vzaimodeystviya v konflikte: kross-kul'turnyy aspekt* [Emotional intelligence as a factor of interaction in conflict: a cross-cultural aspect]: Diss. ... kand. psikhol. nauk. SPb.

Sinyakina, E.G. (2012) *Psikhologicheskie kharakteristiki russkogo krest'yanstva vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka* [Psychological characteristics of Russian peasantry in the second half of XIX — early XX century]: Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk. Moscow.

Stefanenko, T.G. (2014) *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: Aspekt-Press.

Triandis, H.C. (2000) Culture and conflict. *International Journal of Psychology*, 35, 2, 145—152.

Van Nirop Kh. «Kak v zerkale»: menyayushchiysya obraz Rossii v 17 veke. In “*Rossiya — Gollandiya na perekrestke mneniy*” [Russia — Holland at the crossroads of opinions]: Mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (pp. 14—25). SPb.: Evropeyskiy Dom.

Original manuscript received September 1, 2015

УДК: 159.923, 37.018.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЕЙ С ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИМИ ПРОБЛЕМАМИ В ПРАКТИКЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ

С. А. Капустин

В предыдущих исследованиях нами было показано, что такие стили родительского воспитания, как гиперопека и сверхтребовательность, способствуют формированию у детей трех аномальных типов личности: ориентированного на внешнюю помощь, ориентированного на соответствие своего поведения требованиям других людей и ориентированного на протест против такого соответствия. Эти типы личности в значительной мере обуславливают возникновение детско-родительских проблем. В настоящем исследовании участвовали взрослые люди (n=54; возраст от 18 до 40 лет), обратившиеся в психологическую консультацию по поводу личных проблем. Анализ консультативных случаев выявил, что 42 из 54 клиентов (78%) в детстве воспитывались в условиях гиперопеки или сверхтребовательности. У этих клиентов были обнаружены те же аномальные типы личности, что и у детей из семей клиентов психологической консультации с детско-родительскими проблемами, воспитывавшихся в аналогичных условиях. Сделан вывод о том, что аномальные типы личности, сформировавшиеся в детстве клиентов, оказали влияние на возникновение у них уже во взрослом возрасте ряда личных проблем.

Ключевые слова: нормальная личность, аномальная личность, стили родительского воспитания, гиперопека, сверхтребовательность, детско-родительские проблемы, личные проблемы.

Капустин Сергей Александрович — кандидат психологических наук, доцент кафедры методологии психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: skapustin@mail.ru

Введение

В одной из наших публикаций (Капустин, 2014) было показано, что в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам основными стилями родительского воспитания являются гиперопека и сверхтребовательность. Условия жизни ребенка в семьях с гиперопекающими родителями можно в целом охарактеризовать как «тепличные»: он окружен повышенной любовью, заботой и вниманием, родители стремятся максимально оградить его от трудностей и опасностей, всегда с готовностью оказывают ему своими действиями и советами помощь, которая охотно им принимается. Условия жизни ребенка в семьях со сверхтребовательными родителями иные. Их можно охарактеризовать как условия постоянного предъявления к нему со стороны родителей повышенных требований, направленных на то, чтобы сформировать у ребенка определенные, желаемые для них личностные качества, важные, по их мнению, для его успешной жизни в обществе.

В других наших работах (Капустин, 2013; Kapustin, 2015a, b) на основе трудов Э. Фромма (1990а, б, 1993) был описан новый так называемый экзистенциальный критерий нормальной и аномальной личности. Согласно этому критерию нормальность и аномальность личности определяются, во-первых, особенностями содержания, а во-вторых, особенностями формирования ее позиции по отношению к свойственным природе человека *экзистенциальным дихотомиям — объективно существующим в его жизни неустрашимым двухальтернативным противоречиям между разными ее сторонами*. Позиция нормальной личности по содержанию может быть названа компромиссной, поскольку она ориентирует человека на противоречивую заданность его жизни в виде экзистенциальных дихотомий и, следовательно, на необходимость поиска компромисса в их разрешении. Она формируется на рациональной основе и при активном участии самого человека (основана на его собственном опыте и разуме и является результатом его самоопределения). Позиция аномальной личности по содержанию характеризуется отрицанием заданности человеческой жизни в виде экзистенциальных дихотомий и ориентирует человека на непротиворечивый, безальтернативный и, следовательно, односторонний способ жизни. Она навязывается человеку другими людьми на иррациональной основе и не предполагает его самоопределения.

В этих же работах на основе анализа теорий личности З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла нами было показано,

что данный критерий также неявно в них присутствует в описаниях личности, предрасположенной и не предрасположенной к возникновению жизненных проблем или психических расстройств, но в более частных его вариантах — по отношению к таким конкретным дихотомиям, как природа и культура (З. Фрейд), превосходство и общность (А. Адлер), противоположности (К. Юнг), самоактуализация и условные ценности (К. Роджерс), детерминизм и самоопределение (В. Франкл).

Дихотомия *природы и культуры*, содержащаяся в работах З. Фрейда (1989), состоит в том, что человек как природное существо должен жить в соответствии со своей биологической природой, подчиняясь естественным требованиям сексуальных влечений, а как член общества он должен жить в соответствии со своей социальной природой, подчиняясь морально-эстетическим требованиям, предъявляемым обществом к объектам этих влечений и способам их удовлетворения. Дихотомия *превосходства и общности*, содержащаяся в работах А. Адлера (1993), состоит в том, что, с одной стороны, в соответствии с мотивом достижения превосходства над другими людьми, возникающим у человека в качестве компенсации чувства неполноценности, его жизнь направлена на достижение этого превосходства, конфронтацию с другими людьми, получение различного рода преимуществ для себя лично, а с другой стороны, в соответствии с врожденным мотивом чувства общности он должен жить в единении с другими людьми, ради их блага, подчиняя свои личные интересы интересам общества. Дихотомии *противоположностей*, содержащиеся в работах К. Юнга (1994), характеризуют, с его точки зрения, природу человеческой жизни. Поскольку противоречия могут возникать не только между противоположными, но и между любыми другими несовместимыми сторонами действительности, то из этого следует, что дихотомии противоположностей можно рассматривать как более узкий класс экзистенциальных дихотомий. Примером может служить противоречие между сознательными установками человека и противоположными требованиями со стороны его бессознательного. Дихотомия *самоактуализации и условных ценностей*, содержащаяся в работах К. Роджерса (Роджерс, 1994; Rogers, 1959), состоит в том, что человек должен, с одной стороны, реализовывать в своем личностном развитии врожденную тенденцию к самоактуализации, а с другой — соответствовать условным ценностям, навязываемым ему другими людьми, что является условием удовлетворения его потребности в положительном к нему отношении со стороны окружающих. Дихо-

томя *детерминизма и самоопределения*, содержащаяся в работах В. Франкла (1990), состоит в том, что человек должен жить, с одной стороны, в соответствии со своей биологической и социальной природой, подчиняясь различного рода природным, психологическим и общественным влияниям, а с другой — в соответствии со своей духовной природой как существо свободное и ответственное за самоопределение в смыслах своей жизни.

Использование данного критерия для оценки личности гиперпекающих и сверхтребовательных родителей в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам (Капустин, 2015б) показало, что их личность можно квалифицировать как аномальную.

Исследование влияния гиперпеки и сверхтребовательности на развитие личности детей из этих семей (Капустин, 2015а, в), в котором также использовался экзистенциальный критерий, позволило сделать следующие выводы. Стиль воспитания «гиперпека» способствует формированию у детей аномального типа личности, ориентированного на внешнюю помощь, которому свойственна односторонность позиции по отношению к экзистенциальной дихотомии помощи и самостоятельности, заключающаяся в преимущественной жизненной ориентации детей на внешнюю помощь, а не на проявление самостоятельности. Стиль воспитания «сверхтребовательность» способствует формированию у детей трех аномальных типов личности: 1) ориентированного на соответствие своего поведения требованиям других людей, 2) ориентированного на протест против соответствия своего поведения требованиям других людей и 3) смешанного, который представляет собой сочетание первых двух. Всем этим типам присуща односторонность позиции по отношению, по меньшей мере, к трем классическим экзистенциальным дихотомиям: природы и культуры, самоактуализации и условных ценностей, детерминизма и самоопределения. Для личности, ориентированной на соответствие своего поведения требованиям других людей, эта односторонность заключается в чрезмерной жизненной ориентации детей на соответствие своего поведения социальным требованиям других людей в ущерб реализации требований собственных природных влечений, самоактуализации и самоопределения. У личности, ориентированной на протест против такого соответствия, односторонность проявляется в асоциальном поведении детей, отрицающем ценности, которыми руководствуются их родители и другие взрослые, и стремлении жить так, как они сами считают нужным, в большем согласии со своими природными влечениями.

Цель и задачи исследования

В своей консультационной практике мы сталкивались не только с детско-родительскими проблемами, но также и с проблемами взрослых людей, среди которых очень распространенными были личные проблемы. В процессе анализа этих проблем очень часто обнаруживалось, что среди взрослых клиентов зачастую встречались лица с теми же самыми типами аномальной личности, которые были свойственны детям, воспитывавшимся в условиях гиперопеки и сверхтребовательности. Эти факты побудили нас провести более тщательное исследование консультационных случаев с личными проблемами, предполагающее решение двух основных задач: 1. Выявить степень распространенности в детстве клиентов с личными проблемами гиперопеки и сверхтребовательности, а также аномальных типов личности, формирующихся у них под влиянием этих стилей воспитания. 2. Показать, что одним из важнейших факторов, влияющих на возникновение многих личных проблем клиентов, является аномальность их собственной личности.

Объектами исследования были все имеющиеся у нас аудиозаписи консультационных случаев с личными проблемами (54 случая). При прослушивании аудиозаписей мы обращали основное внимание на содержание проблем, стили воспитания клиентов в детстве и их личностные особенности.

Результаты и их обсуждение

В 42 из 54 случаев было обнаружено присутствие в детстве клиентов гиперопеки или сверхтребовательности. Эти случаи мы разделили на две группы: 1) случаи с типом личности, сформировавшимся под влиянием гиперопеки; 2) случаи с типами личности, сформировавшимися под влиянием сверхтребовательности. Рассмотрим каждую из выделенных групп случаев более подробно.

1. Случаи с типом личности, ориентированным на внешнюю помощь, сформировавшимся под влиянием гиперопеки

В эту группу вошло 11 случаев (4 клиента — мужчины и 7 — женщины). Возраст клиентов варьировал от 18 до 25 лет и в среднем составлял 21 год. Все они обладали типом личности, ориентированным на внешнюю помощь, а их жизненные проблемы были тесно

связаны с присущими данному типу личностными особенностями. Для иллюстрации этой связи мы приведем примеры трех наиболее часто встречающихся в этой группе проблем.

1.1. Первая проблема, наблюдавшаяся в 6 случаях, заключалась в испытываемых клиентами чувствах разочарования жизнью и ее бессмысленности. С нашей точки зрения, эти чувства отражают объективные трудности процесса их взросления — процесса перехода от привычного, достаточно комфортного образа жизни в окружении любящих, заботливых и помогающих родителей к более проблемному образу жизни взрослого человека, в большей степени требующему от них проявлений самостоятельности, в частности, самоопределения в профессиональной деятельности. Очевидно, что детям, привыкшим жить в так называемых тепличных условиях и ориентироваться на помощь других людей, а не на собственные способности и возможности, труднее перейти к образу жизни взрослого человека. Вдобавок, таким детям, в силу их чрезмерной ориентации на внешнюю помощь, труднее самоопределиться в выборе профессии. Будучи по возрасту уже взрослыми людьми, они понимают, что должны где-то работать или учиться, но вместе с тем они не могут разобраться, чего они хотят именно сами, и поэтому в этот период занятие какой-либо профессиональной деятельностью не имеет для них смысла. Эта проблема с наибольшей остротой проявлялась у лиц, воспитывавшихся в условиях гиперопеки, которую мы называем «любящей». При любящей гиперопеке ребенок рассматривается как сверхценное для родителей существо, своего рода кумир семьи, которому следует поклоняться, служить, приносить себя в жертву (Капустин, 2014). Мы продемонстрируем эту проблему на материале двух случаев.

Случай 1. В консультацию обратились мать, отец и дочь Вера (21 год). Со стороны бабушки, матери и отца была любящая гиперопека. Как отмечает сама Вера, она росла в тепличных условиях, «родители мне все давали, у меня все есть, не надо ни о чем заботиться». Особенно теплые чувства она испытывает к матери: «Я смотрю на маму с умилением; она для меня идеальная; она как птица над своими птенцами берет на себя всю домашнюю работу; она меня очень сильно оберегает». В старших классах школы Вера начала задумываться о выборе профессии и поняла, что ее ничего не интересует. Тем не менее после окончания школы она поступила в МГУ. Московский университет Вера выбрала потому, что хотела учиться в элитном учебном заведении, а выбор факультета был обусловлен тем, что туда поступала ее подруга. В настоящее время Вера учится на четвертом курсе. По ее словам, она никогда не испытывала никакого интереса к учебе;

«другие работают, что-то едят, знают, зачем они это делают, а я — нет». Поэтому Вера часто прогуливала занятия и фактически училась только в период сессии. Основным ее увлечением были ночные дискотеки, которые она посещала несколько раз в неделю. Проблема, с которой обратились Вера и ее родители, — это испытываемое ею тягостное чувство бессмысленности своей жизни. Содержание ее жалоб заключается в том, что «нет удовлетворенности жизнью, не знаю, зачем жить, нет цели в жизни; нет ни к чему склонности, живу без всякой мотивации».

Случай 2. В консультацию обратилась Алла (23 года). Она живет вдвоем с матерью. Со стороны матери была любящая гиперопека. По словам Аллы, мать ее очень сильно любит и всю свою жизнь посвятила ей, «полностью обслуживала, все делала за меня, ни в чем не отказывала». В школе Алла училась плохо, так как учиться было неинтересно. Часто прогуливала уроки, предпочитая в это время заниматься в секции верховой езды. После окончания школы не могла понять, чем дальше заниматься, и поступила в медицинское училище, но только лишь на том основании, что туда было легко поступить по протекции мамы. Окончив училище, год проработала в больнице и уволилась, так как работа была очень тяжелая, а зарплата — маленькая. Случайно нашла работу в туристической фирме и почти год проработала в Испании. После ссоры с начальником уволилась и вернулась в Москву. После окончания школы у Аллы периодически возникало чувство бессмысленности жизни. После возвращения в Москву это чувство особенно обострилось. Основное содержание ее жалоб состоит в том, что «ничего не хочется, нет никаких жизненных целей в отношении того, где работать или учиться; не знаю, к чему стремиться; хочу учиться, но нет определенности, где учиться, хочу что-то найти, а что — не знаю».

1.2. Вторая проблема тесно связана с характерной для данного типа личности чертой — слабоволием. Она также, на наш взгляд, возникает в связи с трудностями перехода гиперопекаемых детей к образу жизни взрослых людей, в большей степени требующему от человека участия воли в регуляции собственной деятельности для разрешения различного рода мотивационных конфликтов между тем, что хочется делать, и тем, что не хочется, но надо. У клиентов, обладающих данной чертой, нередко возникают трудности в разрешении подобных конфликтов. Например, они не могут заставить себя вовремя встать утром, собраться и пойти на работу или в учебное заведение, в результате чего они часто опаздывают или прогуливают.

Эта проблема наблюдалась также в 6 случаях, особенно у лиц, воспитывавшихся в условиях гиперопеки, которую мы называем «больничной». При больничной гиперопеке ребенок рассматрива-

ется как физически слабый и болезненный и поэтому требующий дополнительного ухода, заботы и внимания (Капустин, 2014). Ниже приведены примеры этой проблемы.

Случай 3. В консультацию обратились мать с дочерью Дианой (18 лет). Со стороны матери была больничная гиперопека. По словам матери, она свою дочь «сильно опекала, все за нее делала, жалела, старалась во всем помочь; вместе делали уроки». Мать объясняла это тем, что дочь постоянно болела простудными заболеваниями. Муж часто делал ей замечания, что она балует дочь, но активно не вмешивался в процесс воспитания. Мать отмечает у дочери такие черты, как несамостоятельность, несобранность, невнимательность, избегание трудностей, нежелание прикладывать усилие; говорит, что у нее «природная лень», что «она приспособилась жить, не прикладывая усилий». После 10-го класса Диану отчислили за неуспеваемость, поэтому последний класс закончила экстерном. Затем по совету матери поступила в МГИ им. Е.Р. Дашковой. Диана говорит, что хочет там учиться, но при этом очень часто пропускает занятия. Она объясняет это так: «не могу себя заставить собраться и пойти в институт, так как утром часто чувствую себя разбитой и нет никакого желания что-либо делать».

Случай 4. В консультацию обратились мать с сыном Анатолием (19 лет). Они живут вдвоем. Со стороны матери была больничная гиперопека. Мать сообщила, что очень опекала Анатолия, в течение всего времени его обучения в школе проверяла выполнение домашних заданий. Она объясняет это тем, что сын был с самого рождения слабым и болезненным ребенком. По словам Анатолия, «мама сильно опекала и до 16 лет все проблемы решала за меня». Мать характеризует сына как несобранного, ему недостает целеустремленности, усидчивости, он безответственный, не доводит начатое дело до конца. После школы Анатолий поступил в технический вуз, хотя, по его словам, «у меня не было четкого желания учиться, я скорее знаю, что надо учиться». Учился он плохо, много прогуливал. После третьего семестра пришлось взять академический отпуск в связи с угрозой отчисления за неуспеваемость. Основная проблема состоит в том, что «в институте никто не заставляет заниматься», а заставить себя сам Анатолий не может, так как вместо занятий «хочется погулять или сходить в гости».

1.3. Третья проблема заключается в чрезмерной склонности человека к тревожным опасениям по самым разным поводам. С нашей точки зрения, она обусловлена конкретными чертами личности, ориентированной на внешнюю помощь. Эти черты обычно формируются под влиянием гиперопеки, которую мы называем «тревожной». При тревожной гиперопеке жизнь ребенка рассма-

тривается родителями как переполненная опасностями, которым он не может противостоять самостоятельно, и поэтому его следует постоянно держать в поле внимания, оберегая от этих опасностей (Капустин, 2014). Эти проблемы встречались в 3 случаях. Они иллюстрируются следующими примерами.

Случай 5. В консультацию обратились мать с дочерью Ниной (18 лет). Со стороны матери была тревожная гиперопека. Отец никакого участия в воспитании дочери не принимал. У матери с дочерью все время были очень близкие отношения, вместе спали, вместе делали уроки. По словам Нины, она «обсуждала с мамой все проблемы, делилась с ней всем; у меня никогда не было самостоятельности». Когда на лето уезжала в лагерь или к бабушке, то «все время не хватало мамы; я скучала и часто думала, что сейчас делает мама; меня все называли маменькина дочка». В свою очередь мать говорит, что дочь «очень послушная девочка, у меня никогда не было с ней проблем, она поступала всегда так, как я говорю, и я помогала ей во всем». Нина по характеру робкая, нерешительная, теряется в незнакомых ситуациях, открыто говорит: «боюсь самостоятельности». Острые проблемы у Нины начались после того, как она, по настоянию матери, поступила учиться в техникум и тем самым вынужденно оказалась в новой ситуации. Там она чувствует себя неуютно, говорит: «в техникуме мне не хватает мамы, боюсь выступать на занятиях, нет близких друзей». Всякий раз, когда она собирается в техникум, возникают волнения и страхи.

Случай 6. В консультацию обратилась Вика (25 лет). Она замужем, живет вдвоем с мужем. В родительской семье у нее были теплые добросердечные отношения со всеми ее членами: отцом, матерью и бабушкой. Со стороны матери была гиперопека. Мама всегда стремилась помочь советом, и «в глазах мамы никогда не было безразличия», а Вика в свою очередь «обязательно во всем с ней советовалась, в себе не держала ничего и никогда, так как просто не могла иначе». Также мама помогала делать уроки, «решала за меня задачки». Вика сама отмечает у себя такие черты, как зависимость («я всегда сверяю свои поступки с оценками других людей»), боязнь новых ситуаций, потребность в помощи и поддержке. Проблемы начались два года назад, когда она, окончив институт, устроилась на работу в фирму. Работа ответственная, от ее результатов зависит успешность деятельности многих других сотрудников. Вику тяготит эта ответственность, она все время боится, что не справится с работой. В результате все эти годы она живет в состоянии хронической тревоги. Обычно спокойно чувствует себя только по субботам, но уже во второй половине воскресенья вновь начинается тревога в связи с мыслями о предстоящей работе. Основная проблема — это появление страхов, что в ее жизни обязательно случится что-то неприятное.

2. Случаи с типами личности, сформировавшимися под влиянием сверхтребовательности

В эту группу вошел 31 случай (6 клиентов — мужчины и 25 — женщины). Возраст клиентов варьировал от 18 до 40 лет и в среднем составлял 25 лет.

В 30 случаях встречался тип личности, ориентированный на соответствие своего поведения требованиям других людей, и лишь в 1 случае — тип личности, ориентированный на протест против соответствия своего поведения требованиям других людей. Содержание проблем клиентов с типом личности, ориентированным на соответствие своего поведения требованиям других людей, было тесно связано с определенными чертами. Эту связь мы продемонстрируем на примерах трех самых распространенных жизненных проблем.

2.1. Первая проблема заключается в испытываемых клиентами тягостных чувствах потери себя как личности, проживания чужой, не своей жизни и потому бессмысленности своего существования. С нашей точки зрения, эти чувства соответствуют способу жизни наших клиентов. Будучи ориентированными на выполнение требований других людей, они действительно проживают не свою собственную жизнь, что как раз и находит отражение в этих тягостных чувствах. Подобные проблемы встречались в 13 случаях. Мы приводим 2 примера.

Случай 7. В консультацию обратилась Валентина (18 лет). Живет вместе с матерью и младшей сестрой. Мать с отцом недавно развелись. С самого раннего детства со стороны матери и особенно отца по отношению к ней наблюдалась жесткая сверхтребовательность. При жесткой сверхтребовательности родители предъявляют требования к ребенку в достаточно резкой форме, используя в качестве санкций словесные оскорбления и наказания в виде лишения прогулок и покупок, ограничения контактов с друзьями, развлечений. В связи с этим эмоциональные отношения между родителями и детьми характеризуются преобладанием эмоционального неприятия родителями своего ребенка ввиду его частого несоответствия их требованиям (Капустин, 2014). По словам Валентины, отец был очень грубый, постоянно унижал, придирался и создавал чувство вины. «Меня воспитывали страхом наказания; что бы я ни сделала, я всегда виновата. У отца была идея какого-то ускоренного развития, меня записывали в разные секции, где занимались более старшие дети, в детский сад я ходила в более старшую группу, в 4 года папа научил читать. Это был какой-то кошмар». О себе Валентина сообщила: «В детстве у меня даже не было никакого желания вести себя так, как я хочу, меня никогда не спрашивали, что я хочу, и я никогда не спрашивала себя об этом. В детском саду я никогда

не могла взять игрушку, какую я хочу, я всегда разрывалась между тем, что сказала воспитательница, и тем, что делали все. Мне сказали нельзя, значит, нельзя. Я всегда интересовалась только тем, чего хотят родители и все остальные, кроме меня; я старалась изображать из себя хорошую девочку; я всегда была какой-то правильной девочкой; я воспринимала чужое слово как команду к действию». Основная проблема заключается в том, что Валентина не ощущает себя личностью, «я живу не такая, как я есть, я не делаю то, что хочу, хожу туда, куда мне не нужно; мне кажется, что я ношу какую-то маску, хожу такая большая, а внутри нет ничего». В 14 лет у Валентины была попытка самоубийства.

Случай 8. В консультацию обратилась Евгения (22 года). Живет вместе с отцом и матерью. Со стороны матери в ее воспитании наблюдалась мягкая сверхтребовательность, которая продолжается до сих пор. Мягкая сверхтребовательность характеризуется тем, что родители предъявляют ребенку требования в форме настойчивых дружеских советов, уговоров, просьб и пожеланий. В случае невыполнения их требований они применяют к ребенку такие санкции, как словесное порицание, зывание к его совести, создание чувства вины, лишение на время родительской любви и т.п. При этом виде сверхтребовательности преобладают достаточно теплые и близкие эмоциональные отношения между родителями и детьми (Капустин, 2014). Как сообщила Евгения: «Мать контролировала буквально каждый мой шаг. Если мне нужно куда-то пойти, то обязательно проблема, во сколько я должна прийти. Она навязывала мне свои стереотипы, ценности, что это должно быть так». Себя Евгения характеризует как послушную дочь: «Я не любила конфликтовать с мамой». Основная проблема состоит в том, что Евгения не ощущает себя личностью: «Я не знаю, кто я, что я, зачем я живу, у меня нет стержня, на котором бы все держалось; у меня такое ощущение, что я не живу, а на все смотрю со стороны, сама ничего не делаю, и вокруг ничего не происходит».

2.2. Вторая проблема — это испытываемое клиентами чувство неполноценности, обусловленное, на наш взгляд, тем, что в детстве они часто испытывали чувство вины перед родителями за то, что не всегда соответствовали их требованиям. Данная проблема отмечалась в 12 случаях, два из которых приводятся ниже.

Случай 9. В консультацию обратилась Людмила (28 лет). Живет вместе с отцом и матерью. В детстве со стороны отца была жесткая сверхтребовательность. Как говорит Людмила, у нее «отец — деспот, командир, сильный, он всегда прав; все время следил за мной, какую книгу читать, во сколько приходить, как зубы почистила и т.д.; когда он дома, то атмосфера тягостная». О себе она сообщает, что всегда была послушным домашним ребенком: «Я все время советуюсь с родителями, так как в

жизни не разбираюсь». Основная проблема состоит в испытываемом ею чувстве неполноценности и неуверенности в себе: «Мне все время кажется, что я плохая, что я во всем виновата, что я делаю все плохо; я чувствую какой-то стыд и неловкость перед всеми людьми; я боюсь людей, что они скажут, как подумают, у меня сердце как у кролика, я — пустое место».

Случай 10. В консультацию обратилась Тамара (25 лет). Она замужем. Живет с мужем и ребенком 5 лет. В детстве со стороны матери была жесткая сверхтребовательность, «мама все время руководила мной и часто называла меня моральным уродом». О себе Тамара сообщила, что была послушной девочкой, отличницей, «на все школьные вечера ходила в белом фартучке и с кружевным воротничком; то, что скажет мама, беспокоит меня до сих пор». Основная проблема — это чувство неполноценности и неуверенности в себе, которое «вбила в меня моя мама». «Я себя не люблю, чувствую себя ненужной, скучной; мама права, что я плохая и несостоятельная».

2.3. Третья проблема состоит в том, что клиенты нередко испытывают острое чувство одиночества. С нашей точки зрения, эта проблема очень тесно связана с присущей их личностному типу чертой, которую мы ранее обозначили как чрезмерную боязнь самовыражения, обычно проявляющуюся в чрезмерной скованности, зажатости и стеснительности. Очевидно, что недостаток естественности и спонтанности в сочетании с чрезмерной стеснительностью затрудняет установление близких отношений с другими людьми. Данная проблема встречалась в 5 случаях. Ниже приводятся два конкретных примера.

Случай 11. В консультацию обратилась Анастасия (19 лет). Живет с отцом, матерью и младшей сестрой. В детстве со стороны отца была жесткая сверхтребовательность с элементами жестокости. Во время учебы в школе он постоянно проверял домашние задания. Если находил хотя бы одну ошибку, заставлял все переписывать. За малейшие проступки «бил очень яростно, при этом мера наказания явно не соответствовала проступку». Но тем не менее «я его очень люблю». В восьмом классе в знак протеста против такого обращения инсценировала попытку самоубийства, сделала себе порезы в области вен. Отец очень испугался. С тех пор Анастасия неоднократно с успехом использовала этот прием для борьбы против чрезмерной требовательности отца. При этом, как она говорит, у нее всегда возникало чувство вины перед родителями: «Я очень переживала, что доставляла им неудовольствие, но вместе с тем ничего не могла с собой поделать и резалась». Основная проблема Анастасии — трудности в общении. По ее словам, «я теряюсь

в большой компании, не могу поддерживать беседу, на людях я ощущаю себя какой-то не такой, мне все время кажется, что я делаю что-то не то; болезненно переживаю, когда надо мной смеются». В результате у Анастасии в настоящее время нет близких друзей. Она очень остро переживает свое одиночество и тоскует по любви. Когда мужчины, оказывая ей внимание, предлагают вступить в половую связь, Анастасии очень трудно им отказать. Она объясняет это так: «Я очень боюсь остаться одна. За то, чтобы не остаться одинокой, я готова заплатить любую цену. Это непреодолимое желание».

Случай 12. В консультацию обратилась Светлана (20 лет). Живет вдвоем с матерью. Мать с отцом недавно развелись. В детстве со стороны отца была жесткая сверхтребовательность, особенно в отношении учебы. Он часто говорил: «Чтобы были все пятерки, а не то — убью». За проступки «ставил в угол, унижал и обижал; в семье я себя никогда раскованно не чувствовала, домой старалась прийти как можно позже и уйти как можно раньше». Основная проблема состоит в том, что ей трудно общаться: «Когда я общаюсь, я веду себя пассивно, теряюсь, стараюсь оставаться в стороне, нахожусь в состоянии напряжения, как на боевом посту. Я очень сдержанна, мой внутренний мир практически закрыт для других, меня болезненно волнует, что обо мне скажут и подумают другие люди». Проблема одиночества была всегда. Сейчас Светлана учится на втором курсе университета. С однокурсниками у нее только формальные отношения, она не может ни с кем близко подружиться. С точки зрения Светланы, все однокурсники считают ее «странной, непонятной, чокнутой», и это очень тяготит ее.

2.4. В нашей практике встретился только один случай с типом личности, ориентированным на протест против соответствия своего поведения требованиям других людей. Но из этого вовсе не следует, что у людей с этим типом личности нет проблем. С нашей точки зрения, эта категория людей в силу своих личностных особенностей просто не склонна обращаться в консультацию, поскольку заведомо очень враждебно относится к любым попыткам вмешательства в их жизнь. Ниже приводится пример проблемы, обусловленной данным типом личности.

Случай 13. В консультацию обратилась мать сына Даниила (24 года). Кроме них в семье еще есть отец. В детстве со стороны матери по отношению к сыну была мягкая сверхтребовательность. Отец никакого участия в воспитании сына не принимал. Даниил рос послушным ребенком, «лапочкой», учился на хорошо и отлично. После окончания школы поступил в университет. Там стал проявлять «ершистость и независимость взглядов». На втором курсе был отчислен. Пошел в армию. В армии были

постоянные конфликты с командирами, в результате Даниил много времени провел на гауптвахте. После армии три раза устраивался на работу, но быстро увольнялся, так как «отстаивал свою свободу и независимость, отказывался подчиняться правилам». В настоящее время не работает, стал пить, дома не ночует по 2—3 недели, недавно украл в магазине куртку. Мать не знает, что с ним делать.

Выводы

Результаты исследования 54 случаев взрослых клиентов психологической консультации с личными проблемами позволяют сделать следующие выводы.

1. В 42 случаях (78%) эти клиенты воспитывались в детстве в условиях гиперопеки или сверхтребовательности, которые способствовали формированию у них тех же самых аномальных типов личности, что и у детей из семей клиентов психологической консультации с детско-родительскими проблемами, воспитывавшихся в аналогичных условиях.

2. Сформировавшиеся в детстве клиентов аномальные типы личности оказали влияние на возникновение у них уже во взрослом возрасте определенных личных проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Прагма, 1993.

Капустин С.А. Экзистенциальный критерий нормальности и аномальности личности в классических направлениях психологии и психотерапии. М.: Когито-Центр, 2013.

Капустин С.А. Стили родительского воспитания в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 4. С. 76—96.

Капустин С.А. Особенности личности детей в семьях клиентов психологической консультации // Национальный психологический журнал. 2015а. № 1 (17). С. 79—87.

Капустин С.А. Использование экзистенциального критерия для оценки личности гиперопекающих и сверхтребовательных родителей в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2015б. № 2. С. 51—62.

Капустин С.А. Стили родительского воспитания в семьях, никогда не обращавшихся в психологическую консультацию, и их влияние на развитие личности детей // Национальный психологический журнал. 2015в. № 4 (20). (В печати).

Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, Универс, 1994.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989.

Фромм Э. Бегство от свободы. М.: МНПП «ЭСИ», 1990а.

Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990б.

Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993.

Юнг К. Психология бессознательного. М.: Канон, 1994.

Kapustin S.A. An existential criterion for normal and abnormal personality in the works of Erich Fromm // *Psychology in Russia: State of the Art.* 2015a. Vol. 8. N 2. P. 87—98.

Kapustin S.A. An existential criterion for normal and abnormal personality in the works of Sigmund Freud and Alfred Adler // *Psychology in Russia: State of the Art.* 2015b. Vol. 8. N 3. P. 4—17.

Rogers C.R. A theory of therapy, personality and interpersonal relationships as developed in the client-centred framework // *Psychology: A study of a science* / Ed. by S. Koch. N.Y.: McGraw-Hill Book Company, INC, 1959. Vol. 3. P. 184—256.

Поступила в редакцию
24.06.15

USING THE RESULTS OF THE STUDY OF FAMILIES WITH PARENT-CHILD PROBLEMS IN THE PRACTICE OF COUNSELING ADULTS

*Sergey A. Kapustin*¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russia*

Abstract: It was shown in our previous researches, that such styles of parenting, like overprotection and overexactingness, contribute to formation of three children abnormal personality types: oriented on external help, oriented on compliance of own behaviour with other people requirements and oriented on protest against such compliance. These personality types are the most important factors influencing the occurrence of parent-child problems. The present study included adults (n=54; age 18—40), who asked for psychological consultation with their personal problems. The analysis of consulting cases detected that 42 of 54 clients (78%) were educated with overprotection or overexactingness style of parenting in their childhood. These clients had the same abnormal personality

types that had the children from families of psychological consultation clients with parent-child problems, educated with the same parenting style. It was shown, that abnormal personality types, formed in childhood, influenced the formation of large amount of personal problems in adulthood.

Key words: normal personality, abnormal personality, parenting styles, overprotection, overexactingness, parent-child problems, personal problems.

References:

Adler, A. (1993) *Praktika i teoriya individual'noy psikhologii* [Practice and theory of individual psychology]. Moscow: Pragma.

Frankl, V. (1990) *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's search for meaning]. Moscow: Progress.

Freyd, S. (1989) *Vvedenie v psikhoanaliz: Lektsii* [Introduction to psychoanalysis: Lectures]. Moscow: Nauka.

Fromm, E. (1990a) *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Moscow: MNPP «ESI».

Fromm, E. (1990b) *Imet' ili byt'?* [To have or to be?]. Moscow: Progress.

Fromm, E. (1993) *Psikhoanaliz i etika* [Psychoanalysis and ethics]. Moscow: Respublika.

Kapustin, S.A. (2013) *Ekzistentsial'nyy kriteriy normal'nosti i anomal'nosti lichnosti v klassicheskikh napravleniyakh psikhologii i psikhoterapii* [Existential criterion of normal and abnormal personality in the classic areas of psychology and psychotherapy]. Moscow: Kogito-Tsentr.

Kapustin, S.A. (2014) Stili roditel'skogo vospitaniya v sem'yakh klientov psikhologicheskoy konsul'tatsii po detsko-roditel'skim problemam. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 4, 76—96.

Kapustin, S.A. (2015a) Osobennosti lichnosti detey v sem'yakh klientov psikhologicheskoy konsul'tatsii. *Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal], 1(17), 79—87.

Kapustin, S.A. (2015b) Ispol'zovanie ekzistentsial'nogo kriteriya dlya otsenki lichnosti giperopekayushchikh i sverkhtrerebovatel'nykh roditel'ey v sem'yakh klientov psikhologicheskoy konsul'tatsii po detsko-roditel'skim problemam. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 2, 51—62.

Kapustin, S.A. (2015c) Stili roditel'skogo vospitaniya v sem'yakh, nikogda ne obrashchavshikhya v psikhologicheskuyu konsul'tatsiyu, i ikh vliyaniye na razvitiye lichnosti detey // *Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal], 4(20). (In press).

Kapustin, S.A. (2015d) An existential criterion for normal and abnormal personality in the works of Erich Fromm. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2(8), 87—98.

Kapustin, S.A. (2015e) An existential criterion for normal and abnormal personality in the works of Sigmund Freud and Alfred Adler. *Psychology in Russia: State of the Art*, 3(8), 4—17.

Rogers, C.R. (1959) A Theory of therapy, personality and interpersonal relationships as developed in the client-centered framework. In S. Koch (ed.) *Psychology: A study of a science* (vol. 3, pp. 184—256). N.Y.: McGraw-Hill Book Company, INC.

Rogers, C. (1994) *Vzglyad na psikhoterapiyu. Stanovlenie cheloveka* [Perspective on psychotherapy. The development of man], Moscow: Progress, Univers.

Yung, K. (1994) *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the unconscious]. Moscow: Kanon

Original manuscript received June 06, 2015

УДК: 159.922. 736.4, 37.018.1, 159.923.2, 159.9.07

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ, ИМЕЮЩИХ ОПЫТ СЕКСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Т. Н. Курбатова, Ю. А. Валова

Представлены результаты сравнительного исследования личностных особенностей подростков, имеющих и не имеющих опыта сексуальных отношений. Выборка: 405 школьников (г. Санкт-Петербург) в возрасте 14—16 лет: 228 сексуально активных (128 юношей и 100 девушек) и 177 сексуально неактивных (100 юношей и 77 девушек). Использованные методики: «Подростки о родителях» Л.И. Вассерман, И.А. Горьковая, Е.Е. Ромицына; многофакторный личностный опросник «FPI» (форма В) И. Фаренберг, Х. Зарг, Р. Гампел; восьмифакторный личностный опросник Л. Гордона; «Самоактуализационный тест» (САТ) в адаптации Ю.Е. Алешинной, Л.Я. Гозмана, М.В. Загика, М.В. Кроз; тест-опросник самоотношения В.В. Столина; «Анализ семейных взаимоотношений» Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса; авторская анкета. Обнаружено, что вне зависимости от пола подростки с опытом сексуальных отношений отличаются от сексуально неактивных высокой общительностью, склонностью к доминированию и энергичностью. Установлено, что дополнительный фактор, провоцирующий подростков на ранние сексуальные отношения, — эмоциональная дистанцированность родителей на фоне отсутствия системы требований.

Ключевые слова: сексуальное поведение, подростковый возраст, особенности личности, самоактуализация, детско-родительские отношения.

Курбатова Татьяна Николаевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии поведения и превенции поведенческих аномалий факультета психологии СПбГУ. *E-mail:* kuukst@rambler.ru

Валова Юлиана Алексеевна — кандидат психологических наук, психолог ООО МПР «Эврика» (Санкт-Петербург). *E-mail:* yulspb@mail.ru

Введение

Длительное время изучение сексуального поведения подростков было табуировано в отечественных психолого-педагогических исследованиях, однако в конце XX — начале XXI в. острота данной темы вновь стимулировала обращение к ней психологов, медиков, социологов, педагогов (Гурко, 2002; Денисенко, Далла Зуанна, 2001; Ивченкова и др., 2001; Кон, 1989, 2001; Собкин, Кузнецова, 1998). В современном мире характер сексуального поведения подростков претерпел существенные изменения. Средний возраст начала половой жизни снизился до 14—16 лет, у подростков увеличилось число заболеваний, передающихся половым путем, аборт, возникли такие проблемы, как отклонения в развитии личности, нарушения межличностных отношений, психологические травмы. В связи с тенденцией распространения подростковых сексуальных отношений при разработке эффективной профилактики необходимо учитывать как факторы, способствующие раннему сексуальному опыту, так и факторы, препятствующие его возникновению.

Проблема сексуального поведения — междисциплинарная. Механизмы воздействия различных факторов, влияющих на его формирование, рассматриваются в рамках биологического, социального, психологического и этического подходов. Отсутствие единого представления, особенно в рамках психологического подхода, о причинах возникновения и факторах, которые служат барьером для начала сексуальных отношений подростков, определяет необходимость дальнейших исследований. Тем более что сегодня явно ощущается недостаток конкретных эмпирических данных, характеризующих особенности сексуальных отношений российских подростков. Анализ литературы показывает, что вступление подростков в половую жизнь объясняется влиянием таких факторов, как свойства личности, включающие мотивационно-ценностную сферу, самоотношение и взаимоотношения с ближайшим окружением. Отсутствие однозначных точек зрения по этому вопросу и определило замысел настоящего исследования.

Цель, задачи, этапы и методы эмпирического исследования

Цель исследования — выявление особенностей личности, мотивации, самоактуализации, самоотношения и детско-родительских отношений у подростков с сексуальным опытом дифференцировано по полу. В качестве дополнительной выступала задача выявления

родительского стиля воспитания как фактора, способствующего раннему сексуальному дебюту.

Выборка. В исследовании приняли участие 405 школьников г. Санкт-Петербурга в возрасте от 14 до 16 лет (228 юношей, 177 девушек). Исследуемые были разделены на 4 подгруппы: сексуально активные юноши (128); сексуально активные девушки (100); сексуально неактивные юноши (100); сексуально неактивные девушки (77). Также участвовали 60 матерей респондентов.

Исследование проводилось индивидуально, анонимно и добровольно, оно включало в себя два этапа. На первом этапе изучались особенности личности, мотивации, самоотношения, уровень самоактуализации и детско-родительские отношения с точки зрения родителей и подростков. На втором этапе — особенности сексуального опыта подростков: наличие/отсутствие чувств, инициатива при вступлении в половую жизнь; наличие/отсутствие принуждения при первом половом контакте.

Методики

На **первом этапе** исследования для изучения особенностей личности использовался многофакторный личностный опросник *FPI* (форма *B*) И. Фаренберга, Х. Зарга, Р. Гампела (Головей, Рыбалко, 2001). Опросник содержит 12 шкал: невротичность; спонтанная агрессивность; депрессивность; раздражительность; общительность; реактивная агрессивность; застенчивость; открытость; экстраверсия/интроверсия; эмоциональная лабильность; маскулинность/феминность; импульсивность. Величина балла свидетельствует о степени выраженности признака, представленного данной шкалой. К низким относятся оценки в диапазоне 1—3 балла, к средним — 4—6 баллов, к высоким — 7—9 баллов.

Также для изучения личности использовался восьмифакторный личностный опросник Л. Гордона (Gordon, 1956; Меркурьева, 1997). Опросник представлен 8 шкалами: доминантность, лидерство; ответственность; эмоциональная стабильность; общительность; осторожность; оригинальность мышления; межличностные отношения, доверительность; энергичность. Нормативный диапазон от 15 до 30 баллов.

Для исследования особенностей самоотношения использовался тест-опросник самоотношения (Столин, Панттилеев, 1988). Выявляются следующие показатели: шкала *S* — измеряет интегральное

чувство «за» или «против» собственного «Я» испытуемого; самоуважение; аутосимпатия; ожидание положительного отношения от других; самоинтерес; самоуверенность; отношение других; самопринятие; саморуководство; самообвинение; самоинтерес; самопонимание. При значении показателя меньше 50 — признак не выражен, до 74 — средняя степень выраженности, выше 74 — признак ярко выражен.

Для изучения самоактуализации использовался «Самоактуализационный тест» (САТ) в адаптации Ю.Е. Алешинной, Л.Я. Гозмана, М.В. Загика и М.В. Кроз (Гозман и др., 1995). Опросник состоит из 14 шкал, 126 пунктов, каждый из которых включает два суждения ценностного или поведенческого характера. «САТ» измеряет самоактуализацию по двум независимым друг от друга базовым шкалам (ориентации во времени и поддержки) и 12 дополнительным шкалам: ценностных ориентаций; гибкости поведения; сензитивности; спонтанности; самоуважения; самопринятия; представления о природе человека; синергии; принятия агрессии; контактности; познавательных потребностей; креативности. Сырые баллы переводятся в Т-баллы, диапазон 45—55 Т-баллов составляет психическую и статистическую норму.

Для изучения установок, поведения и методов воспитания родителей с точки зрения их детей в подростковом возрасте использовалась методика «Подростки о родителях» (Вассерман и др., 2004). Шкалы: позитивный интерес; директивность; враждебность; автономность; непоследовательность. Стандартные баллы располагаются от 1 до 5, и нормой являются 3 балла.

Методика «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса позволяет определить, каким образом родители воспитывают ребенка в семье (по мнению самих родителей) (Эйдемиллер, 1996). Для этого измеряются 11 шкал, относящихся к нарушениям процесса воспитания: гиперпротекция; гипопротекция; потворствование; игнорирование потребностей ребенка; чрезмерность требований-обязанностей ребенка; недостаточность требований-обязанностей ребенка; чрезмерность требований-запретов; недостаточность требований-запретов к ребенку; строгость санкций (наказаний) за нарушение требований ребенком; минимальность санкций; неустойчивость стиля воспитания. Кроме вышеизложенных, автор выделяет следующие 9 шкал: расширение сферы родительских чувств; предпочтение в подростке детских качеств; воспитательная неуверенность родителя; фобия утраты ребенка; неразвитость родительских чувств; проекция на

ребенка (подростка) собственных нежелаемых качеств; вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания; предпочтение мужских качеств; предпочтение женских качеств, которые позволяют ответить на вопрос, почему родители именно так воспитывают своего ребенка. Диагностическое значение шкал равно 7. Если число баллов достигает или превышает диагностическое значение, то у обследуемого родителя диагностируется соответствующая особенность стиля воспитания.

На **втором этапе** использовалась авторская анкета, состоящая из двух блоков. Первый позволяет оценить способы поведения, которые выбирают подростки для того, чтобы выразить свою симпатию (например, «Чтобы доставить любимому человеку удовольствие, Вы...», «С представителями противоположного пола у Вас чаще всего возникают...»); второй блок определяет непосредственно сексуальную активность юношей и девушек — сексуальные отношения с наличием/отсутствием чувств («К своему партнеру Вы испытываете...», «Чтобы доставить партнеру удовольствие, Вы обычно...»); инициатива при вступлении в половую жизнь («Кто был инициатором первого контакта...», «Кто обычно иницирует сексуальные контакты...»); наличие/отсутствие принуждения при первом половом контакте («При первом контакте Вы испытали...», «При сексуальных контактах Вы обычно чувствуете, что...»). В основе разделения групп лежали субъективные оценки участников исследования.

В *обработке* эмпирических данных использовались следующие математические методы: анализ номинативных данных с использованием χ^2 Пирсона; сравнительный анализ с применением t-критерия Стьюдента для независимых выборок; корреляционный анализ с применением коэффициента корреляции Пирсона; дисперсионный анализ с применением F-критерия Фишера; дискриминантный анализ с использованием λ Уилкса.

При анализе и описании результатов в данной статье используются только статистически значимые различия и корреляции.

Результаты

Анализ и интерпретация свойств личности

Данные по личностным опросникам Л. Гордона и *FPI* И. Фаренберга (табл. 1, 2) показали, что для сексуально активных подростков обоего пола характерны склонность к доминированию, энергичность и маскулинность. В таблицах представлены только те результаты, различия которых статистически достоверны.

Таблица 1

Средние показатели по восьмифакторному личностному опроснику Л. Гордона в группах сексуально активных и сексуально неактивных юношей и девушек

Пол	Личностная детерминанта	Сексуально активные	Сексуально неактивные	t Стьюдента
Юноши	Доминантность, лидерство	27.57	18.34	8.352***
	Эмоциональная стабильность	28.22	23.49	3.826***
	Энергичность	27.96	19.86	7.112***
	Доверительность	26.43	21.21	4.754***
	Общительность	27.36	17.57	8.520***
	Осторожность	29.29	21.70	6.495***
Девушки	Доминантность, лидерство	22.12	17.98	3.879***
	Энергичность	23.12	20.31	3.205**
	Общительность	23.32	19.15	4.001***

Примечание. Здесь и в других таблицах: * — $p < 0.05$; ** — $p < 0.01$; *** — $p < 0.001$.

Таблица 2

Средние показатели по личностному опроснику FPI И. Фаренберга в группах сексуально активных и сексуально неактивных юношей и девушек

Пол	Личностная детерминанта	Сексуально активные	Сексуально неактивные	t Стьюдента
Юноши	Экстраверсия-интроверсия	5.69	5.17	2.517**
	Открытость	4.85	3.92	3.470***
	Реактивная агрессивность	7.14	6.51	2.630**
	Эмоциональная лабильность	5.48	6.32	-3.349***
	Маскулинность-феминность	5.63	4.79	2.271**
Девушки	Маскулинность-феминность	5.70	4.87	2.398**
	Эмоциональная лабильность	7.68	6.70	3.939***
	Застенчивость	7.30	6.42	3.260***
	Импульсивность	7.63	6.43	3.664***

Сексуально активные юноши более общительны, эмоционально стабильны и осторожны в принятии решений, чем юноши, не имеющие сексуального опыта. Сексуально активные девушки по-

зиционируют себя как эмоционально нестабильных, импульсивных и застенчивых. Т.е. можно предположить, что для них сексуальные контакты являются способом влиться в группу сверстников и средством общения. Сходные данные были получены в работах И.С. Кона (1989).

Дискриминантный анализ установил, что наиболее вероятными факторами, обуславливающими сексуальные отношения девушек, являются потребность в общении ($\lambda=0.502$, $p<0.001$), конформность ($\lambda=0.345$, $p<0.01$), эмоциональная лабильность ($\lambda=0.431$, $p<0.001$). У юношей такими факторами являются доминантность ($\lambda=0.397$, $p<0.001$) и осторожность в принятии решений ($\lambda=0.468$, $p<0.001$). Полученные результаты соответствуют результатам М. Ньюкома с соавторами (см.: Акимова, 2005), которые показали, что сексуальное поведение подростков непосредственно зависит только от того, какая степень важности придается подростком сексуальным отношениям. Высокое самоуважение и напряженные жизненные события повышают, а недостаток опыта разнополого общения снижает значение этой стороны жизни. Коммуникативная некомпетентность в свою очередь связана с пониженным самоуважением, которое отчасти зависит от напряженных жизненных ситуаций (Кон, 1989).

Полученные результаты по тест-опроснику самооотношения В.В. Столина (табл. 3) позволяют говорить о том, что юноши с опытом сексуальных контактов чаще ожидают одобрения отношения со стороны окружения, у них выше самоинтерес, однако выше и самообвинение. Сексуально активных девушек отличает низкое саморуководство, что предполагает трудности в прогнозировании результатов своих поступков.

Таблица 3

**Средние показатели по тест-опроснику самооотношения
В. Столина в группах сексуально активных и сексуально
неактивных юношей и девушек**

Пол	Личностная детерминанта	Сексуально активные	Сексуально неактивные	t Стьюдента
Юноши	Ожидание позитивного отношения от других	58.684	48.719	2.403**
	Самоинтерес	63.097	53.409	2.289*
	Самообвинение	51.542	41.380	2.838***
Девушки	Саморуководство	50.00	62.57	-3.051***

Таблица 4

**Средние показатели по методике «САТ»
в группах сексуально активных и сексуально неактивных
юношей и девушек**

Пол	Личностная детерминанта	Сексуально активные	Сексуально неактивные	t Стьюдента
Юноши	Самоуважение	8.73	7.60	2.699***
	Креативность	6.53	5.45	3.337***
	Принятие агрессии	8.31	7.30	2.843***
	Ценностные ориентации	11.16	9.45	3.251***
Девушки	Гибкость поведения	10.45	12.57	-3.125***
	Контактность	8.01	9.40	-3.547***
	Ориентация во времени	7.57	9.44	-4.263***
	Поддержка	44.59	47.68	-2.753**
	Познавательные потребности	4.78	5.41	-2.907**
	Самопринятие	9.22	10.44	-2.929**
	Самоуважение	9.67	8.45	2.604*
	Ценностные ориентации	12.00	10.89	2.544*

Исследование по тесту самоактуализации «САТ» Л. Гозмана выявило следующие данные (табл. 4). Юноши с опытом сексуальных отношений отличаются от юношей без такого опыта более высокими показателями качеств личности, способствующих самоактуализации (креативность, разделение ценностей самоактуализирующейся личности, таких как истина, добро, красота, целостность, отсутствие раздвоенности, жизненность, уникальность, совершенство, свершения, справедливость, порядок, простота, легкость без усилия, игра, самодостаточность. Предпочтение этих ценностей указывает на стремление к гармоничному бытию и здоровым отношениям с людьми). Обращает на себя внимание существенная выраженность показателя принятия агрессии, что, по нашему мнению, предполагает открытость жизненному опыту и успешность в построении межличностных отношений. Девушки, не живущие половой жизнью, характеризуются личностной независимостью, внутренним локусом контроля и высокой адаптивностью, стремятся руководствоваться в жизни собственными целями, убеждениями, установками и принципами без враждебности к окружающим, они гибки в поведении и умеют легко устанавливать доброжелательные отношения. Сексуально активные девушки, напротив, более зависимы от мнения

большинства и являются «внешне ориентированными». Среди девушек, живущих половой жизнью, было выделено две группы: с высокими и низкими показателями качеств, способствующих самоактуализации.

Дисперсионный анализ показал, что начало половой жизни влияет на изменение особенностей самовосприятия: у девушек повышается самооценка ($F=8.579$, $p<0.001$) — сексуальные контакты частично помогают им справиться с изначально высоким неприятием себя, они становятся более толерантными; а у юношей растет самоуважение ($F=10.863$, $p<0.001$).

Для исследования видов сексуальных отношений те, кто имеют такой опыт, были разделены на несколько групп с разным количественным составом. В качестве критерия разделения групп были положены субъективные оценки подростков (табл. 5). Далее было проведено сравнение вышеуказанных групп между собой по методикам: многофакторный личностный опросник *FPI* (форма *B*), восьмифакторный личностный опросник Л. Гордона, «Самоактуализационный тест» (САТ) и тест-опросник самоотношения В.В. Столина.

Таблица 5

Количественный состав групп подростков с разными типами сексуальных отношений

Тип сексуальных отношений	Юноши	Девушки
Отсутствие любви	78	34
Наличие любви	21	66
По самостоятельной инициативе	60	27
По инициативе партнера	25	57
Без элементов принуждения	11	10
С элементами принуждения	2	26

Выявлено, что общительность как широта социальных контактов объединяет тех юношей и девушек, сексуальные отношения которых не сопровождаются привязанностью. Вероятнее всего, они имеют разнообразный опыт общения со сверстниками, и сексуальные отношения выступают как одна из форм общения, не обязательно сопровождающаяся чувством любви. Результаты дискриминантного анализа, показали, что девушки, начинающие сексуальные отношения по любви, являются более ответственными ($\lambda=0.765$, $p<0.01$), осторожными в принятии решений ($\lambda=0.566$,

$p < 0.001$) и разделяют ценности самоактуализирующейся личности ($\lambda = 0.446$, $p < 0.001$).

Также дискриминантный анализ, выявил, что девушки, которые самостоятельно приняли решение о начале своих сексуальных отношений, больше доверяют людям ($\lambda = 0.132$, $p < 0.01$) и ориентированы на одобрение со стороны окружения ($\lambda = 0.228$, $p < 0.01$). Юноши, которые являются инициаторами сексуальных контактов, с одной стороны, показывают девушкам, что те привлекательны для противоположного пола, с другой — видят в таких девушках особенности, которые позволяют сделать вывод о том, что с ними возможны сексуальные отношения. Девушки, чьи сексуальные отношения инициируются партнером, с одной стороны, не считаются со своими чувствами и обесценивают свои потребности ($\lambda = 0.700$, $p < 0.001$), с другой — более толерантны ($\lambda = 0.229$, $p < 0.01$), позитивно воспринимают людей ($\lambda = 0.132$, $p < 0.05$) и более чувствительны к их потребностям и желаниям ($\lambda = 0.417$, $p < 0.001$). Наиболее вероятными факторами, которые позволяют предположить, что не сама девушка будет инициатором, являются способность жить одним днем ($\lambda = 0.229$, $p < 0.01$), чувствительность к потребностям другого человека ($\lambda = 0.039$, $p < 0.05$), доверчивость ($\lambda = 0.132$, $p < 0.05$) и нечувствительность к своему гневу ($\lambda = 0.700$, $p < 0.001$).

Для юношей, которые сами решили начать сексуальные отношения, характерно высокое самоуважение. Личностными особенностями, которые в наибольшей степени могут оказать влияние на то, что юноша не сам инициирует сексуальные отношения, являются высокая осторожность ($\lambda = 0.792$, $p < 0.001$) и эмоциональная неустойчивость ($\lambda = 0.918$, $p < 0.001$). Осторожность не дает им открыто выражать свои сексуальные желания, и в этом случае юноша, боясь отказа, предпочитает проявление инициативы со стороны девушки.

Результаты исследования личностных особенностей подростков, чей сексуальный опыт связан с принуждением, оказались противоречивыми. Под принуждением в данном случае понимается переживание негативных эмоций и чувств при сексуальных контактах, инициированных партнером. Для девушек, чей сексуальный дебют не сопровождался принуждением, характерны высокая общительность ($\lambda = 0.098$, $p < 0.05$) и высокий уровень самообвинения ($\lambda = 0.314$, $p < 0.01$). Именно потому, что инициативность партнеров не дала девушкам возможности выразить свое истинное желание или нежелание сексуального контакта, они и испытали неприятные ощущения от интимной близости при наличии вышеописанных особенностей личности. У девушек с высоким самообвинением

и низким принятием себя инициатива партнера не вызвала отрицательных эмоций. Вероятно, такой вариант отношений воспринимается ими как привычный или они считают, что заслужили подавления себя в сексуальной сфере.

Детско-родительские отношения как фактор, способствующий раннему сексуальному опыту

По данным методики «Подростки о родителях» Л.И. Вассермана, для всех подростков независимо от пола важным фактором, провоцирующим вступление в сексуальные отношения, оказались особенности детско-родительских отношений. Наиболее распространены стратегиями детско-родительских взаимоотношений по вопросам, связанным с сексом, являются стратегии «сокрытия» и «отстраненности». Из фигур семейного окружения наибольший «вклад» в формирование сексуальной компетентности подростка независимо от пола обычно вносит отец (Гурвич, 1999; Кон, 1989, 2001).

По данным настоящего исследования, семьи подростков с опытом сексуальных отношений характеризуются эмоциональной дистанцированностью родителей, при этом отцы мало участвуют в воспитательном процессе (табл. 6).

Таблица 6

Средние показатели по методике «Подростки о родителях» Л. Вассермана в группах сексуально активных и сексуально неактивных юношей и девушек

Пол	Личностная детерминанта	Сексуально активные	Сексуально неактивные	t Стьюдента
Юноши	Близость матери	2.29	3.05	-3.737***
	Непоследовательность матери	3.73	3.16	2.554*
	Автономность отца	1.62	3.37	-7.754***
	Позитивный интерес отца	1.54	2.62	-4.097**
Девушки	Автономность матери	3.70	2.94	3.859***
	Близость отца	2.26	2.98	-3.842***
	Враждебность отца	3.58	3.02	2.406*
	Непоследовательность отца	3.77	3.24	2.575*

У девушек сексуальный опыт часто связан с тем, что отцы критичны по отношению к ним ($\lambda=0.557$, $p<0.001$), что в значительной степени подталкивает их к поиску мужского внимания. У юношей

наличие половой жизни, напротив, связано с низкой директивностью отцов ($\lambda=0.641$, $p<0.001$) и автономностью матерей ($\lambda=0.815$, $p<0.001$), от которых они не получают четкой системы требований. Девушки, сексуальные отношения которых инициируются партнером, характеризуют отцов как высоко критичных ($\lambda=0.493$, $p<0.01$) и автономных ($\lambda=0.189$, $p<0.01$). Такой стиль воспитания приводит к тому, что фигура мужчины воспринимается как абсолютный авторитет, что переносится на мужчин вообще и на сексуального партнера в частности. Было выявлено также, что у девушек, которые не смогли отказать в близости партнеру, с большей вероятностью были высоко директивные отцы. Для девушек, чей сексуальный дебют не сопровождался принуждением, характерно наличие эмоционально близких отношений с обоими родителями.

Для того чтобы оценить, насколько мнение подростков о семейной ситуации отличается от восприятия воспитательного процесса родителями, были опрошены 38 матерей юношей и 22 матери девушек по методике АСВ Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса. Сравнительный анализ был проведен по критерию U Манна—Уитни для малых выборок.

Матери, чьи сыновья еще не живут половой жизнью, чаще считают себя склонными переносить свои проблемы во взаимоотношениях с супругом на процесс воспитания ($U=43.000$, $p<0.05$), оценивают себя как «строгих», склонных к повышенным требованиям, запретам и санкциям. Мужья, отцы сыновей, видятся им как склонные «жалеть» и «идти на поводу у детей». Сами юноши, не живущие половой жизнью, оценивают матерей как строгих, с четкой и понятной системой требований.

Матери девушек отмечают, что в недостаточной степени удовлетворяют духовные и эмоциональные потребности дочерей ($t=2.664$, $p<0.01$), и оценивают свое поведение как нестабильное, непоследовательное, колеблющееся от строгого стиля воспитания к либеральному ($t=2.869$, $p<0.01$) и, наоборот, от доброжелательного внимания к эмоциональному отвержению.

Выводы

1. Особенности личности подростков, имеющих опыт сексуальных отношений, — это склонность к доминированию, энергичность и маскулинность.

2. Дискриминантный анализ установил роль дополнительных факторов, провоцирующих сексуальные отношения у подростков.

Таковыми особенностями у девушек являются влюбленность, зависимость от мнения большинства и эмоциональная лабильность; у юношей — доминантность и самостоятельность в принятии решений.

3. Многочисленные поверхностные социальные контакты, которые свойственны сексуально активным подросткам, не снижают их высокой потребности в эмоциональной близости.

4. Эмоциональная дистанцированность родителей на фоне отсутствия системы дисциплинарных требований провоцирует вступление подростков в сексуальные отношения.

5. Для подавляющего большинства исследуемых подростков сексуальные отношения являются одним из путей познания мира. Это познание повышает самоуважение юношей и способствует самопринятию девушек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова Л.Н.* Психология сексуальности. Одесса: СМЛ, 2005.
- Вассерман Л.И., Горьковая И.А., Ромицына Е.Е.* Родители глазами подростка: психологическая диагностика в медико-педагогической практике. СПб.: Речь, 2004.
- Гозман Л.Я., Кроз М.В., Латинская М.В.* Самоактуализационный тест: Учебное пособие. М.: Рос. пед. агентство, 1995.
- Головей Л.А., Рыбалко Е.Ф.* Практикум по возрастной психологии. СПб.: Питер, 2001.
- Гурвич И.Н.* Социальная психология здоровья. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
- Гурко Т.А.* Женский опыт сексуальных отношений, материнства и супружества несовершеннолетних // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 83—91.
- Денисенко М.Б., Далла Зуанна Ж.-П.* Сексуальное поведение молодежи // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 83—87.
- Ивченкова Н.П., Ефимова А.В., Аккузина О.П.* Установки подростков по отношению к началу половой жизни // Вопросы психологии. 2001. № 3. С. 50—57.
- Кон И.С.* Введение в сексологию. М.: Медицина, 1989.
- Кон И.С.* Подростковая сексуальность на пороге 21 века. М.: Феникс, 2001.
- Меркурьева Е.Ю.* Адаптация личностного опросника Леонарда Гордона: Дипломная работа. СПб., 1997.
- Собкин В.С., Кузнецова Н.И.* Российский подросток 90-х: движение в зону риска: Аналитический доклад. М.: ЮНЕСКО, 1998.

Столин В.В., Пантилеев С.П. Опросник самоотношения // Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы / Под ред. А.А. Бодалева и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 123—130.

Эйдемиллер Э.Г. Методы семейной диагностики и психотерапии: Методическое пособие. М.: Фолиум, 1996.

Gordon L.V. Manual: Gordon Personal Inventory. Yonkers-on-Hudson, NY: World Book Company, 1956.

Поступила в редакцию
21.08.15

PERSONAL FEATURES OF SEXUALLY ACTIVE ADOLESCENTS

*Tatiana N. Kurbatova*¹, *Yuliana A. Valova*²

¹ *St. Petersburg State University, Faculty of Psychology (St. Petersburg, Russia)*

² *Limited liability Company "Workshop of positive development "Eureka" (St. Petersburg, Russia)*

Abstract: The article represented the results of the comparative study of personal characteristics of adolescents with and without experience of sexual relations. Sample: 405 students (Saint-Petersburg) at the age of 14—16 years: 228 sexually active (128 boys and 100 girls) and 177 non-sexually active (100 boys and 77 girls). Used techniques: "Teenagers about parents" by L. Wasserman, I. Gorkova, E. Romycin; Multi-factor personality inventory "FPI" (form B) by I. Fainberg, H. Sarg, R. Gampel; Gordon Personal Inventory; "Self-actualization test" in the adaptation of the Y. Aleshina, L. Gozman, M. Zaika, M. Croz; The test-questionnaire self-relation by V. Stolin, "The analysis of family relations" by E. Eidemiller, V. Ustitskis and author's questionnaire. All the adolescents with sexual relations are distinguished from non-sexually active cause of high sociability, tendency to dominance and vigor. An additional factor that provokes a sexual relationship is an emotional distance from parents.

Key words: sexual behavior, adolescence, personality characteristics, self-actualization, family relationships.

References:

Akimova, L.N. (2005) *Psikhologiya seksual'nosti* [Psychology of sexuality]. Odessa: SMIL.

Denisenko, M.B., Dalla Zuanna, Zh.-P. (2001) Seksual'noe povedenie molodezhi. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies], 2, 83—87.

Eydemiller, E.G. (1996) *Metody semeynoy diagnostiki i psikhoterapii: Metodicheskoe posobie* [Methods of family diagnostics and psychotherapy: Methodical manual]. Moscow: Folium.

Gozman, L.Ya., Kroz, M.V., Latinskaya, M.V. (1995) *Samoaktualizatsionnyy test: Uchebnoe posobie* [Self-actualization test: Study guide]. Moscow: Ros. ped. agentstvo.

Golovey, L.A., Rybalko, E.F. (2001) *Praktikum po vozrastnoy psikhologii* [Workshop on developmental psychology]. SPb.: Piter.

Gordon, L.V. (1956) *Manual: Gordon Personal Inventory*. Yonkers-on-Hudson, NY: World Book Company.

Gurvich, I.N. (1999) *Sotsial'naya psikhologiya zdorov'ya* [Social psychology of health]. SPb.: Izd-vo SPbGU.

Gurko, T.A. (2002) Zhenskiy opyt seksual'nykh otnosheniy, materinstva i supruzhestva nesovershennoletnikh. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies], 11, 83—91.

Ivchenkova, N.P., Efimova, A.V., Akkuzina, O.P. (2011) Ustanovki podrostkov po otnosheniyu k nachalu polovoy zhizni. *Voprosy Psikhologii* [Problems of Psychology], 3, 50—57.

Kon, I.S. (1989) *Vvedenie v seksologiyu* [Introduction to sexology]. Moscow: Meditsina.

Kon, I.S. (2001) *Podrostkovaya seksual'nost' na poroge 21 veka* [Teenage sexuality on the threshold of the 21st century]. Moscow: Feniks, 2001.

Merkur'eva, E.Yu. (1997) *Adaptatsiya lichnostnogo oprosnika Leonarda Gordona. Diplomnaya rabota* [Adaptation personality questionnaire Leonhard Gordon: Diploma thesis]. SPb.

Sobkin, V.S., Kuznetsova, N.I. (1998) *Rossiyskiy podrostok 90-kh: dvizhenie v zonu riska: Analiticheskiy doklad* [Russian teen of the 90s: movement to risk zone: Analytical report]. Moscow: YuNESKO, 1998.

Stolin, V.V., Pantileev, S.R. (1988) Oprosnik samootnosheniya. In A.A. Boddalev et al. (eds.) *Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnosticheskie materialy* [Workshop on psycho-diagnostics. Psycho-diagnostic materials] (pp. 123—130). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta

Vasserman, L.I., Gor'kovaya, I.A., Romitsyna, E.E. (2004) *Roditeli glazami podrostka: psikhologicheskaya diagnostika v mediko-pedagogicheskoy praktike* [Parents eyes of a teenager: psychological diagnostics in medical and educational practice]. SPb.: Rech'.

СООТНОШЕНИЕ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ И ЭГОЦЕНТРИЗМА В ВОЗРАСТНОМ ПЕРИОДЕ РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

К. И. Куколева, В. В. Колпачников

Проведено изучение соотношения уровней эгоцентризма и самоактуализации у 115 представителей возрастного периода ранней взрослости (20—40 лет). Обнаружено отсутствие сильной прямой взаимосвязи показателей по «Самоактуализационному тесту» (САТ) Ю.Е. Алешинной и др. и «Тесту эгоцентрических ассоциаций» Т.И. Пашуковой и др. Умеренные и слабые корреляции уровня эгоцентризма с несколькими шкалами САТ выявили необходимость рассматривать эгоцентризм и самоактуализацию как сложные феномены, частично связанные между собой, но при этом имеющие связи и с различными другими факторами, среди которых вовлеченность в трудовую деятельность, половая принадлежность, возраст.

Ключевые слова: самоактуализация, эгоцентризм, ранняя взрослость, самопринятие, внимание к себе.

Идея развития и реализации потенциала, которым обладает человек, является центральной не только в теории самоактуализации А. Маслоу (2009), но и в теории личности К. Роджерса (1994, 1997), признававшего тенденцию к самоактуализации ведущей в процессе становления полноценно функционирующей личности. Несмотря на то что обе эти теории носят гуманистический характер, некоторые авторы (напр.: Ansbacher, 1971; Geller, 1982, 1984; Wallach, Wallach, 1983; и др.) видят в них эгоцентричную модель развития личности (подробнее об этом см.: Леонтьев, 2002).

Куколева Ксения Игоревна — выпускница магистерской программы НИУ ВШЭ «Исследование, консультирование и психотерапия личности». *E-mail:* ksenia.ku@gmail.com

Колпачников Вениамин Валентинович — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности НИУ ВШЭ. *E-mail:* venyak@gmail.com

---

Однако предположение о взаимосвязи эгоцентрических тенденций с процессом самоактуализации не является полностью обоснованным (Ivtzan, 2008), хотя в теориях А. Маслоу и К. Роджерса все же имеется ряд положений, делающих этот вопрос достойным дальнейшего изучения. Согласно К. Роджерсу (1997, с. 30), «каждый индивид существует в постоянно изменяющемся мире опыта, центром которого является он сам». А. Маслоу (2009) пишет о потребности в самоактуализации как о «самой индивидуальной» потребности, подчеркивает, что самоактуализирующийся человек «в какой-то степени отчужден, внутренне независим от культуры» (там же, с. 205), его жизненная миссия и личные принципы априори расположены на самом верху его внутренней ценностной иерархии. Вместе с тем А. Маслоу отмечает у самоактуализирующейся личности и противоположные тенденции: сосредоточенность на проблемах внешнего порядка, а также, несмотря на потребность в уединении и некую отстраненность в обычных контактах, глубокие и полные отношения с близкими людьми. Наличие у самоактуализирующейся личности своего дела, своего призвания также может быть рассмотрено как неоднозначное положение, поскольку, реализуя свою жизненную миссию, такой человек полностью отстраняется от мира вокруг, пренебрегая окружающими: «В такие минуты для них не существует ничего, кроме их дела, все остальное становится несущественным. <...> [самоактуализирующиеся личности] забывают об элементарной вежливости, могут обидеть и даже оскорбить дорогих им людей» (там же, с. 206).

Следует отметить, что существуют теории, в которых отсутствует употребление терминов «эгоцентризм», «эгоизм» или «нарциссизм» в их классическом понимании, однако присутствуют аспекты, имеющие непосредственное отношение к процессу самоактуализации и к феномену центрации личности на самой себе. Теории «разумного эгоизма» (Рэнд, 2011) и «альтруистического эгоизма» (Селье, 1982) не имеют противоречий с теорией самоактуализации, акцентируя внимание на необходимости заботы о собственных интересах, которые при учете интересов окружения и принятии личной ответственности за свою деятельность не вступают в конфликт с внешним миром. Л.З. Левит, автор личностно-ориентированной концепции счастья, рассматривает эгоизм как многоуровневое понятие, указывает на невозможность полного отказа от эгоизма, однако считает возможным проявление его в более «высоких» формах, которые связаны с продуктивной самореализацией (Левит, 2012, 2013). Теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана подразумевает, с одной стороны, акцентированность чело-

века на самом себе и удовлетворении собственных потребностей и, с другой стороны, детерминированность поведения информацией, поступающей от среды (см.: Дергачева, 2002).

В данной работе мы будем понимать под эгоцентризмом личностную позицию, предполагающую главенствующую роль собственных мотивов, потребностей и достижений при неспособности и/или нежелании рассматривать и учитывать позицию, потребности и желания другого.

Цель, выборка, методики эмпирического исследования

Цель нашего эмпирического исследования — прояснение соотношения уровней самоактуализации и эгоцентризма у респондентов, принадлежащих к возрастной группе «ранняя зрелость» (20—40 лет)¹. Согласно Э. Эриксону (1996), «ранняя зрелость» — это период становления индивида в профессиональной сфере, построения близких, доверительных партнерских отношений, преодоления кризиса периода ранней зрелости «интимность-изоляция». Неуспешное преодоление кризиса ведет к самоизоляции, одиночеству, затрудняет дальнейший процесс самоопределения, а также формирует эгоцентричную личность. Широкие возможности для самоактуализации в ранней зрелости, с одной стороны, и возможная эгоцентричность, с другой, определили выбор этого периода для нашего исследования.

В исследовании приняли участие 115 респондентов (37 мужчин и 78 женщин) в возрасте от 20 до 40 лет.

Для измерения уровней самоактуализации и эгоцентризма были использованы следующие **методики**.

1. «Самоактуализационный тест» (САТ) (Алешина и др., 1987), являющийся адаптированным вариантом опросника личностных ориентаций Э. Шострома (*Personal Orientation Inventory, E. Shostrom*). Методика предполагает измерения по двум базовым шкалам (*Ориентация во времени и Поддержка*) и 12 дополнительным, ориентированным на выявление различных аспектов самоактуализации (*Ценностные ориентации, Гибкость поведения, Сензитивность, Спонтанность, Самоуважение, Самопринятие, Представление о природе человека, Синергия, Принятие агрессии,*

---

¹ Строго говоря, сам Э. Эриксон (1996) обозначал границы периода ранней зрелости 20—25 годами. Однако, учитывая удлинение периода социализации и обретения зрелости по мере развития цивилизации (см., напр.: Дубовская, 2014), логично предположить расширение границ этого возрастного периода в современном развитом обществе вплоть до 40 лет.

Контактность, Познавательные потребности, Креативность). Стимульный материал включает 126 пунктов, в каждом из которых респонденту необходимо выбрать вариант («а» или «б»), соответствующий ему в наибольшей степени (например, вопрос, относящийся к шкале *Ориентация во времени*: а) Я часто испытываю чувство беспокойства, думая о будущем. б) Я редко испытываю чувство беспокойства, думая о будущем). По окончании заполнения опросника и подсчета «сырых» баллов для каждого респондента формируется его индивидуальный профиль с результатами по шкалам, указанным выше.

2. «Тест эгоцентрических ассоциаций» (Пашукова и др., 1996), называемый в некоторых источниках «Диагностикой личностного эгоцентризма» (Фетискин и др., 2002), предполагает измерение личностного эгоцентризма. В соответствии с методикой респондентам необходимо продолжить 40 незаконченных предложений типа «В такой ситуации...», «Легче всего...», «Несмотря на то что...». Каждое предложение должно представлять собой законченную мысль. Респонденты были также проинформированы о необходимости работать быстро.

Считаем важным отметить, что само содержание методики (необходимость продолжить неоконченные предложения типа «В такой ситуации...»), последующий анализ (подсчет предложений, содержащих информацию, указывающую на самого субъекта за счет употребления личных местоимений «я», «мне», «мой» и т.д.), а также некоторые комментарии к методике, определяющие эгоцентризм как «центрированную и фиксированную социальную установку, определяющую обращенность на свои качества, мысли, переживания, представления, действия, цели и т.п.» (Пашукова и др., 1996, с. 117), свидетельствуют об измерении скорее *познавательного* эгоцентризма, который при этом является свойством личности².

Респонденты также заполняли анкету, которая позволяла узнать их социально-демографические данные (пол, возраст, уровень образования, трудовая деятельность, семейное положение).

Исследование проводилось в Интернете. Перед началом заполнения анкеты участники были проинформированы сообщением на экране об анонимности анкетирования и возможности оставить свою контактную информацию для дальнейшего сотрудничества по их желанию.

---

² Стоит отметить, что в настоящий момент в научной литературе границы деления эгоцентризма на познавательный и личностный достаточно условны.

Результаты и их обсуждение

Уровень эгоцентризма распределен нормально как в выборке в целом, так и в отдельных подгруппах. В табл. 1 представлены средние показатели уровня эгоцентризма в подгруппах. Средний уровень эгоцентризма во всех подгруппах соответствует среднему уровню эгоцентризма, указанному разработчиками «Теста эгоцентрических ассоциаций» (от 8 до 20). Табл. 2 содержит информацию о значимых корреляционных взаимосвязях и тенденциях к взаимосвязи ($0.05 < p \leq 0.1$) уровня эгоцентризма с уровнем самоактуализации по 6 шкалам теста САТ как по выборке в целом, так и в различных подгруппах. Представлены лишь те шкалы, между которыми и уровнем эгоцентризма была обнаружена взаимосвязь как минимум в одной из подгрупп. Не было выявлено статистически значимых взаимосвязей эгоцентризма со следующими шкалами: *Ориентация во времени, Поддержка, Ценностные ориентации, Спонтанность, Самоуважение, Синергия, Принятие агрессии, Контактность*. В табл. 2 также отсутствует деление выборки по уровню образования и семейному положению, поскольку в этих подгруппах не было обнаружено корреляционных взаимосвязей уровня эгоцентризма со шкалами САТ.

Таблица 1

Средние уровни эгоцентризма в подгруппах респондентов

Социально-демографические характеристики	Подгруппа	Кол-во респондентов	Уровень эгоцентризма
Пол	Мужчины	37	11.05*
	Женщины	78	13.27*
Возраст (лет)	18—25	66	14.02*
	26—40	49	10.60*
Образование	Высшее и/или аспирантура	76	11.92
	Среднее или незаконченное высшее	39	13.77
Трудовая деятельность	Есть постоянная работа	70	11.20*
	Постоянной работы нет	45	14.67*
Семейное положение	Состою в браке	40	11.70
	Есть постоянный партнер	35	12.34
	В отношениях не состою	40	13.60
Вся выборка		115	13.00

Примечание. * — статистически значимые различия в подгруппах, полученные с помощью t-критерия Стьюдента (уровень значимости 0.05).

Таблица 2

Значимые корреляционные взаимосвязи и тенденции к взаимосвязи уровня эгоцентризма со шкалами САТ по коэффициентам Пирсона и Спирмана

Шкалы теста САТ	Пол		Трудовая деятельность Есть постоянная работа n=70	Возраст (лет)		Все респонденты N=115
	Муж. n=37	Жен. n=78		20—25 n=77	26—40 n=38	
Сензитивность	.460**		.248*	.186	.294	.231**
Самопринятие		-.213	-.303**	-.205		-.186*
Представление о природе человека	.275		.210			
Гибкость поведения					.244	
Познавательные потребности					.374*	
Креативность			.226		.390*	

Примечание: * — корреляция значима на уровне 0.05; ** — корреляция значима на уровне 0.01.

Анализ табличных данных показывает, что возрастная группа 20—25 лет демонстрирует более высокий уровень эгоцентризма, чем группа 26—40 лет. В определенной степени уровень эгоцентризма может быть опосредован возрастом, поскольку эгоцентрические тенденции свойственны как подростковому периоду, так и периоду поздней зрелости (Хьелл, Зиглер, 1997; Looft, 1972).

Респонденты, вовлеченные в постоянную трудовую деятельность, демонстрируют более низкие показатели эгоцентризма, чем респонденты, не имеющие постоянной работы. При этом уровень эгоцентризма последних не взаимосвязан с их уровнем самоактуализации ни по одной из шкал. Уровень эгоцентризма работающих людей в среднем ниже, чем неработающих, и в этой подгруппе прослеживаются корреляционные взаимосвязи эгоцентризма с несколькими шкалами самоактуализационного теста. Неработающие и подрабатывающие люди, возможно, склонны воспринимать окружающий мир более эгоцентрично, в то время как респонденты, имеющие постоянную работу, ориентированы не только на себя, выполняют свои производственные обязанности, которые могут

не отвечать их личным интересам. Этот результат вполне соотносится с принципом деятельностного опосредствования развития личности, развиваемым в отечественной психологии (Асмолов, 1990; Леонтьев, 1981, 1983; Рубинштейн, 1989). В то же время, чтобы двигаться по пути самоактуализации, а не по направлению к развитию синдрома эмоционального выгорания, работающим людям, вероятно, необходим определенный эгоцентризм в форме чуткости и внимания к миру и себе и своим состояниям (шкала *Сензитивность*) для реализации в том числе творческого подхода (шкала *Креативность*) при решении ежедневных задач.

Женская выборка имеет более высокие показатели эгоцентризма, чем мужская. При этом показатели самоактуализации у женщин не взаимосвязаны с уровнем их эгоцентризма ни по одной из шкал (кроме обратной связи со шкалой *Самопринятие*, обнаруженной в большинстве подгрупп). Возможно, полученные различия обусловлены различиями в динамике процесса самоактуализации в период ранней взрослости у мужчин и женщин, что отмечено, в частности, в работе Н.А. Шило (2008).

На основании полученных нами данных можно сказать, что не существует *сильной* и *значимой* взаимосвязи между эгоцентризмом и самоактуализацией, поскольку (1) корреляции присутствуют лишь по нескольким отдельным шкалам; (2) выявленные корреляции являются умеренными и слабыми.

При этом наличие некоторых взаимосвязей нуждается в комментариях. Обратная взаимосвязь эгоцентризма со шкалой *Самопринятие* может быть проиллюстрирована примером нарциссичной или эгоистичной личности. По мнению ряда авторов, нарциссу и эгоисту свойственны глубокое неприятие себя, а также нелюбовь к себе (Кернберг, 2012; Куттер, 1997; Лэнгле, 2002; Фромм, 1990а, б, 1992, 1994). При этом для самоактуализирующейся личности характерны самопринятие и доверие себе (Маслоу, 2009; Роджерс, 1994, 1997).

Корреляции показателей эгоцентризма со шкалами *Сензитивность*, *Познавательные потребности* и *Креативность* могут быть объяснены необходимостью некоторой центрации на себе, чтобы лучше понять свои потребности и чувства (сензитивность к себе), особенно когда речь идет о потребности в познании и о процессе творчества. Познавая и преобразуя окружающий мир, человек следует за своим личным интересом, но это не означает, что он преследует антиобщественные цели. Индивидуальные творческие способности людей ярко проявляются, например, в процессе создания общественно значимых изобретений и про-

дуктов. Творчество же по принуждению невозможно (Роджерс К., 1994; Роджерс Н., 1990).

Отсутствие значимых корреляций эгоцентризма с другими шкалами теста САТ, отсутствие различий в уровне эгоцентризма во многих подгруппах, а также его нормальное распределение свидетельствуют о том, что эгоцентризм и самоактуализацию следует рассматривать как сложные феномены, частично связанные между собой, но при этом имеющие связи и с различными другими факторами, среди которых вовлеченность в трудовую деятельность, половая принадлежность, возраст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. Спецпрактикум по социальной психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

Асмолов А.Г. Психология личности. Принципы общепсихологического анализа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.

Дергачева О.Е. Автономия и самодетерминация в психологии мотивации: теория Э. Деси и Р. Райана // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 103—121.

Дубовская Е.М. Транзитивность общества как фактор социализации личности // Психологические исследования: электрон. науч. журнал. 2014. Т. 7. № 36. URL: <http://psystudy.ru>

Кернберг О.Ф. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии. М.: Класс Независимая фирма, 2012.

Куттер П. Современный психоанализ. Введение в психологию бессознательных процессов. СПб.: Б.С.К. Санкт-Петербург, 1997.

Левит Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья: диапазон ценностей // Проблемы современной науки. 2012. Т. 1. Вып. 5. Ч. 1. С. 171—181.

Левит Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья: новая системная парадигма // Педагогическое образование в России. 2013. № 1. С. 102—111.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. С. 93—231.

Леонтьев Д.А. Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 13—47.

Лэнгле А. Грандиозное одиночество. Нарциссизм как антропологическо-экзистенциальный феномен // Моск. психотерап. журнал. 2002. № 2. С. 34—58.

- Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер Пресс, 2009.
- Пашукова Т.И., Допира А.И., Дьяконов Г.В. Практикум по общей психологии. М.: Ин-т практической психологии, 1996.
- Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994.
- Роджерс К.Р. Клиенто-центрированная терапия. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997.
- Роджерс Н. Творчество как усиление себя // Вопросы психологии. 1990. № 1. С. 164—168.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. М.: Педагогика, 1989.
- Рэнд А. Добродетель эгоизма. М.: Альпина Паблишер, 2011.
- Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1982.
- Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2002.
- Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990а.
- Фромм Э. Иметь или быть. М.: Прогресс, 1990б.
- Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.
- Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1994.
- Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности: Основные положения, исследования и применение. СПб.: Питер Пресс, 1997.
- Шило Н.А. Динамика процессов личностной зрелости на возрастном этапе «ранняя взрослость» // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 3. С. 321—323.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
- Ansbacher N.L.* Alfred Adler and Humanistic psychology // Journal of Humanistic Psychology. 1971. Vol. 11. P. 53—56.
- Geller L.* The failure of self-actualization theory: A critique of Carl Rogers and Abraham Maslow // Journal of Humanistic Psychology. 1982. Vol. 22. N 2. P. 56—73.
- Geller L.* Another look at self-actualization // Journal of Humanistic Psychology. 1984. Vol. 24. N 2. P. 93—106.
- Ivtzan I.* Self-actualization: For individualistic cultures only? // Intern. Journal on Humanistic Ideology. 2008. Vol. 1. N 2. P. 111—138.
- Looft W.R.* Egocentrism and social interaction across the life span // Psychological Bulletin. 1972. Vol. 78. P. 73—92.
- Wallach M.A., Wallach L.* Psychology's sanction for selfishness: The error of egoism in theory and therapy. San Francisco: Freeman, 1983.

CONNECTION OF SELF-ACTUALIZATION AND EGOCENTRICITY IN THE AGE OF EARLY ADULTHOOD

*Kseniya I. Kukoleva*¹, *Veniamin V. Kolpachnikov*¹

¹ *Higher School of Economics — National Research University, Moscow, Russia*

Abstract: The Young Adults group (N=115) was chosen for the research. The qualitative data analysis has shown practically no significant correlations between self-actualization and egocentricity. Nevertheless, there were a few moderate and weak correlations between egocentricity and few self-actualization test scales what make us to consider self-actualization and egocentricity as complicated phenomena, which are connected with various factors such as labor activity, gender and age.

Key words: self-actualization, egocentricity, young adults, self-acceptance, self-focused concept.

References:

- Aleshina, Yu.E., Gozman, L.Ya., Dubovskaya, E.M. (1987) *Sotsial'no-psikhologicheskie metody issledovaniya supruzheskikh otnosheniy. Spetspraktikum po sotsial'noy psikhologii* [Socio-psychological research methods marriage. Special workshop in social psychology]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1987.
- Ansbacher, N.L. (1971) Alfred Adler and Humanistic psychology. *Journal of Humanistic Psychology*, 11, 53—56.
- Asmolv, A.G. (1990) *Psikhologiya lichnosti. Printsipy obshchepsikhologicheskogo analiza* [Psychology of personality. Principles of General psychological analysis]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Dergacheva, O.E. (2002) Avtonomiya i samodeterminatsiya v psikhologii motivatsii: teoriya E. Desi i R. Rayana. In D.A. Leontiev (ed.) *Sovremennaya psikhologiya motivatsii* [Modern psychology of motivation] (pp. 103—121). Moscow: Smysl.
- Dubovskaya, E.M. (2007) Tranzitivnost' obshchestva kak faktor sotsializatsii lichnosti. *Psikhologicheskie Issledovaniya: elektron. nauch. zhurn.* [Psychological Studies: electronic scientific journal], 7, 36. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1018-dubovskaya36.html>
- Erikson, E. (1996) *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow: Progress.
- Fetiskin, N.P., Kozlov, V.V., Manuylov, G.M. (2002) *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp* [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups]. Moscow: Izd-vo In-ta Psikhoterapii, 2002.
- Fromm, E. (1990a) *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Moscow: Progress.

- Fromm, E. (1990b) *Imet' ili byt'* [To have or to be]. Moscow: Progress.
- Fromm, E. (1992) *Dusha cheloveka* [The soul of man]. Moscow: Respublika.
- Fromm, E. (1994) *Psikhoanaliz i etika* [Psychoanalysis and ethics]. Moscow: Respublika.
- Geller, L. (1982) The failure of self-actualization theory: A critique of Carl Rogers and Abraham Maslow. *Journal of Humanistic Psychology*, 22, 2, 56—73.
- Geller, L. (1984) Another look at self-actualization. *Journal of Humanistic Psychology*, 24, 2, 93—106.
- Ivtzan, I. (2008) Self-actualization: For individualistic cultures only? *International Journal on Humanistic Ideology*, 1, 2, 111—138.
- Kernberg, O.F. (2012) *Tyazhelye lichnostnye rasstroystva: Strategii psikhoterapii* [Severe personality disorders: Strategies of psychotherapy]. Moscow: Klass Nezavisimaya firma.
- Khèll, L., Zigler, D. (1997) *Teorii lichnosti: Osnovnye polozheniya, issledovaniya i primeneniye* [Personality theories: Basic assumptions, research and application]. SPb.: Piter Press.
- Kutter, P. (1997) *Sovremennyy psikhoanaliz. Vvedenie v psikhologiyu bessoznatel'nykh protsessov* [Modern psychoanalysis. Introduction to the psychology of unconscious processes]. SPb.: B.S.K. Sankt-Peterburg.
- Levit, L.Z. (2012) Lichnostno-orientirovannaya kontseptsiya schast'ya: diapazon tsennostey. *Problemy Sovremennoy Nauki* [Problems of Modern Science], 1, 5, part 1, 171—181.
- Levit, L.Z. (2013) Lichnostno-orientirovannaya kontseptsiya schast'ya: novaya sistemnaya paradigma. *Pedagogicheskoe Obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia], 1, 102—111.
- Leont'ev, A.N. (1981) *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of development of the psyche]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Leont'ev, A.N. (1983) Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. In Leontiev A.N. *Izbrannyye psikhologicheskie proizvedeniya* [Selected psychological works] (v. 2, pp. 93—231). Moscow: Pedagogika.
- Leont'ev, D.A. (2002) Samoaktualizatsiya kak dvizhushchaya sila lichnostnogo razvitiya: istoriko-kriticheskiy analiz. In D.A. Leont'ev (ed.) *Sovremennaya psikhologiya motivatsii* [Modern psychology of motivation] (pp. 13—47). Moscow: Smysl.
- Lengle, A. (2002) Grandioznoe odinchestvo. Nartsissizm kak antropologicheskoe-ekzistentsial'nyy fenomen. *Moskovsky Psikhoterapevtichesky Zhurnal* [Moscow Psychotherapeutic Journal], 2, 34—58.
- Looft, W.R. (1972) Egocentrism and social interaction across the life span. *Psychological Bulletin*, 78, 73—92.
- Maslou, A. (2009) *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. SPb.: Piter Press, 2009.
- Pashukova, T.I., Dopira, A.I., D'yakonov, G.V. (1996) *Praktikum po obshchey psikhologii* [Workshop on General psychology]. Moscow: In-t Prakticheskoy Psikhologii.
- Rend, A. (2011) *Dobrodetel' egoizma* [The Virtue of selfishness]. Moscow: Al'pina Publisher.

Rodzhers, K.R. (1994) *Vzglyad na psikhoterapiyu. Stanovlenie cheloveka* [Perspective on psychotherapy. The development of man]. Moscow: Progress.

Rodzhers, K.R. (1997) *Kliento-tsentrirovannaya terapiya* [Client-centered therapy]. Moscow: Refl-buk; Kiev: Vakler.

Rodzhers, N. (1990) Tvorchestvo kak usilenie sebya. *Voprosy psikhologii* [Problems of Psychology], 1, 164—168.

Rubinshteyn, S.L. (1989) *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General psychology]: 2 v. Moscow: Pedagogika.

Sele, G. (1982) *Stress bez distressa* [Stress without distress]. Moscow: Progress.

Shilo, N.A. (2008) Dinamika protsessov lichnostnoy zrelosti na vozrastnom etape “rannaya vzroslost”. *Vestn. Pyatigorsk. gos. Lingvist. un-ta* [Bulletin of Pyatigorsk state linguistic University], 3, 321—323.

Wallach, M.A., Wallach, L. (1983) *Psychology's sanction for selfishness: The error of egoism in theory and therapy*. San Francisco: Freeman.

Original manuscript received July 07, 2015

МЕТОДИКА

УДК: 159.9.072, 159.922.8, 616-05

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ВЕРСИЯ ОПРОСНИКА ВОСПРИЯТИЯ БОЛЕЗНИ Р. МОСС-МОРРИС И ДР.: АПРОБАЦИЯ НА ВЫБОРКЕ БОЛЬНЫХ С НЕПСИХОТИЧЕСКИМИ ДЕПРЕССИЯМИ

Е. И. Рассказова

Приводятся результаты апробации русскоязычной версии опросника восприятия болезни (*The Revised Illness Perception Questionnaire — IPQ-R*), разработанного Р. Мосс-Моррис с коллегами для диагностики представлений пациентов о причинах, длительности, последствиях заболевания, лечении и своих возможностях контроля за его течением. Выборку апробации ($n=80$) составили три группы больных в возрасте 17—26 лет (средний возраст 20.2 ± 2.8 года) с непсихотическими депрессиями в рамках расстройств настроения ($n=33$), расстройств личности ($n=22$) и шизотипического расстройства ($n=25$). С целью установления внешней валидности методики дополнительно больные заполняли шкалу когнитивного инсайта А. Бека, методики диагностики локуса контроля причин болезни и лечения и методику диагностики самоэффективности в отношении лечения. Показаны надежность-согласованность и факторная валидность опросника. Больные всех трех групп склонны объяснять болезнь личностными и (в меньшей степени) ситуативными факторами, верить в важность и эффективность лечения, свои возможности контролировать состояние и в то, что заболевание краткосрочно и не носит циклического характера. О внешней валидности опросника восприятия болезни свидетельствуют корреляции шкал с результатами интервью, шкалой когнитивного инсайта и методиками локуса контроля в отношении болезни и лечения и самоэффективности в отношении лечения.

Рассказова Елена Игоревна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», доцент кафедры нейро- и патопсихологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых, проект № МК4230.2015.6 «Отношение к болезни и качество жизни при психических заболеваниях».

Ключевые слова: внутренняя картина болезни, представления о болезни и ее причинах, репрезентация болезни, опросник восприятия болезни, апробация, непсихотические депрессии, юношеский возраст.

Отношение к болезни (ОкБ) в широком смысле¹ принято рассматривать как важнейший фактор качества жизни человека с психическим заболеванием и его готовности следовать рекомендациям врача (Маричева, 2014; Freeman et al., 2013); оно также выступает одной из центральных мишеней психообразовательных программ и когнитивно-бихевиоральной терапии (Бек и др., 2003; Beck et al., 2009; Garrett et al., 2006). Однако само понимание ОкБ, а также основные термины и методики получили развитие в рамках психосоматики (Вассерман и др., 2011; Николаева, 1995), психологии телесности (Тхостов, 2002) и психологии здоровья (Leventhal et al., 2003) и их применение в патопсихологии требует отдельного обоснования. В качестве немногих исключений можно отметить отдельные исследования *внутренней картины болезни* (ВКБ) при депрессиях (Николаева, 1972; Шестопалова, 1983). Некоторые указания на специфический смысл различных компонентов ОкБ и стратегий совладания со стрессом при шизофрении представлены в работе М.А. Маричевой (2014).

Опросник восприятия болезни (*Illness Perception Questionnaire — IPQ-R*) — одна из наиболее распространенных структурированных методик диагностики представлений о болезни и ее причинах при соматических заболеваниях (Moss-Morris et al., 2002), применявшаяся впоследствии и в исследованиях больных с психическими заболеваниями, в том числе больных шизофренией (Freeman et al., 2013). Она основана на теории саморегуляции в отношении здоровья и болезни Х. Левенталя (другое название — модель «житейского» смысла; см.: Leventhal, Crouch, 1997; Leventhal et al., 2003), согласно которой человек в ситуации заболевания или возникновения жалоб выступает как «житейский ученый»: он ищет смысл своих ощущений или ощущения, которые бы соответствовали его знаниям (например, ощущение повышенного давления при диагнозе гипертонической болезни), и способы справиться с ними. При этом выделяются следующие представления о болезни (подробнее см.:

---

¹ В данной статье термин «отношение к болезни» используется нами как обобщающий для ряда понятий, предложенных в рамках разных концепций («внутренняя картина болезни», «репрезентация болезни» и др.). Термином «представления о болезни» обозначается исключительно когнитивная составляющая отношения к болезни, знания и представления о ней.

Рассказова, 2014): *идентичность болезни* (какие телесные ощущения человек считает симптомами своей болезни, а какие — нет), *причина заболевания* (например, внешняя/внутренняя), *временное течение заболевания* (долгосрочное/краткосрочное, временное/хроническое, цикличность), *последствия заболевания* (сказывается/скажется ли заболевание на качестве жизни, функционировании, ощущениях и возможностях) и *лечение* (возможности лечения, его важность и эффективность, способность к контролю своего состояния и хода, процесса лечения). Помимо этого рассматриваются различные *причины заболевания*.

С нашей точки зрения, апробация и использование русскоязычной версии опросника в исследованиях больных с психическими заболеваниями важны по ряду причин.

Во-первых, методика направлена на оценку когнитивной составляющей репрезентации болезни, тех общих представлений больных о происходящем с ними, которые формируются и в ситуации психического, и в ситуации соматического заболевания. При этом вопрос о реалистичности этих представлений — особенно спорный при психических заболеваниях (Beck et al., 2009), поскольку пациент может не считать себя больным (Тхостов и др., 2007) и процесс осмысления ситуации заболевания осложняется нарушениями психических процессов (Зейгарник, 1986; Критская и др., 1991), — не ставится. Для сравнения, методика оценки типа отношения к болезни (см.: Вассерман и др., 2011), также применявшаяся при психических заболеваниях (Маричева, 2014), основана на адекватности оценки. Например, гипер- или гипонозогнозический типы предполагают преувеличение и преуменьшение трудностей соответственно, что требует соотнесения с текущей ситуацией и состоянием больного. Кроме того, хотя в модели саморегуляции уделяется значительное внимание и эмоциональной составляющей репрезентации болезни (Cameron, 2003; Cameron, Jago, 2008), в опросник эмоциональные репрезентации включены лишь в форме шкалы осознаваемой эмоциональной реакции на заболевание. С нашей точки зрения, такое сужение предметного поля позволяет исследовать представления о психическом заболевании без обсуждения спорных и требующих дальнейших исследований моментов, связанных с эмоциональными переживаниями и реалистичностью представлений пациентов.

Во-вторых, метафора человека как «житейского ученого» сближает модель саморегуляции в отношении здоровья и болезни с культурно-историческим подходом в психосоматике (Николаева, 1995; Тхостов, 2002): в обоих случаях предполагается, что симптомы

и внешняя информация (например, диагноз) не напрямую связаны с представлениями, переживаниями и действиями человека, а опосредствованы социокультурными² и психологическими факторами; при этом именно ОкБ определяет деятельность и состояние в ситуации заболевания (в терминах теории саморегуляции — совладание с угрозой/болезнью и с эмоциями/состоянием). Мы предполагаем, что применение опросника восприятия болезни может служить взаимному обогащению и развитию обоих подходов.

Наконец, комплексные методики диагностики отношения к болезни (Николаева, 1995), включающие проективные тесты, требуют содержательного обоснования их валидности и интересубъективности полученных результатов. Опросник восприятия болезни является стандартизованным инструментом с установленными психометрическими характеристиками и содержательной валидностью пунктов, что делает его удобным в своей области.

Цель, задачи, методы, выборка исследования

Целью проведенного нами исследования была апробация опросника *IPQ-R* на модели непсихотических депрессий юношеского возраста. Сравнивались три клинические группы больных с депрессивным синдромом. Ввиду содержания методики контрольная группа в исследование не включалась (поскольку проведение опросника в норме невозможно, а при сравнении с данными больных соматическими заболеваниями неясно, как интерпретировать результаты). Задачи исследования включали оценку надежности-согласованности, факторной структуры, критериальной и внешней валидности опросника.

Процедура и методы

На предварительном этапе исследования опросник *IPQ-R* был переведен на русский язык (с разрешения авторов оригинальной версии) и обсужден с 6 больными юношеского возраста с депрессиями (не входят в выборку апробации) с целью выявления неоднозначных или трудных формулировок; по результатам обсуждения перевод был скорректирован. В основном исследовании помимо

---

² В теории саморегуляции в отношении здоровья и болезни роль социокультурных факторов не выступает на первый план, однако она зафиксирована в идее характерных для людей (и для разных культур) правил вывода о своих симптомах: например, люди старшего возраста склонны объяснять свои симптомы возрастными изменениями («правило возраста»), люди, переживающие стресс, — действием стрессогенной ситуации (Leventhal et al., 2003).

опросника *IPQ-R* применялись еще три опросника и полуструктурированное интервью. Кратко опишем использовавшиеся методики.

1. Опросник *IPQ-R* (Moss-Morris et al., 2002) состоит из двух блоков — **представления о болезни и причины болезни**³. В инструкции говорится, что все вопросы посвящены болезни респондента в настоящее время, и его просят оценить свое согласие с каждым из них. Первый блок включает 38 утверждений, оцениваемых по шкале Лайкерта от 1 до 5 и сгруппированных в следующие шкалы: 1) *длительность заболевания* — представления о том, насколько продолжительным оно будет (например, «Моя болезнь будет длиться совсем недолго», обратный пункт); 2) *последствия* — негативные последствия заболевания для жизни (например, «Мое заболевание влияет на то, как другие относятся ко мне»); 3) *личный контроль* — переживание своих возможностей контролировать заболевание (например, «Изменение моего состояния зависит от меня самого»); 4) *контроль лечения* — уверенность в важности и эффективности лечения (например, «Прописанный мне курс лечения поможет контролировать течение заболевания»); 5) *понимание болезни* — представление о своем понимании или непонимании заболевания (например, «Я вообще не могу разобраться в своем заболевании», обратный пункт); 6) *циклическость* — представление о циклическом течении заболевания (например, «Усиление и ослабление моей симптоматики происходит циклами»); 7) *эмоциональные репрезентации* — эмоциональные переживания в отношении болезни (например, «Когда я думаю о своей болезни, я расстраиваюсь»).

Ко второму блоку дается следующая инструкция: «Следующие вопросы касаются того, что, как Вы считаете, могло стать причиной Вашего заболевания. Поскольку люди очень разные, на этот вопрос нет одного правильного ответа. Нам важны Ваши представления о тех факторах, которые повлияли на Ваше заболевание, а не то, что другие люди (в том числе врачи и близкие), возможно, говорят Вам. Ниже список возможных причин Вашей болезни. Оцените, насколько Вы согласны или не согласны, что они вызвали Ваше заболевание, ставя галочку в соответствующем столбце». Второй блок включает 18 возможных причин заболевания, оцениваемых по шкале Лайкерта от 1 до 5 и объединенных в оригинальной версии в 4 шкалы: 1) *психологические причины* (например, «стресс и тревога», «особенности моей личности»); 2) *факторы риска* («мое собственное поведение», «возрастные особенности»); 3) *иммунитет* («бактерии или вирусы», «загрязнение окружающей среды»); 4) *случайность* («случайность или невезение»).

2. Полуструктурированное интервью было направлено на установление контакта с больными и выявление особенностей ОкБ. Кроме того, оно

---

³ В версии для соматических заболеваний опросник включает еще блок **Идентичность болезни**, но поскольку он представляет собой список исключительно соматических симптомов, то в данном исследовании, как и в других исследованиях психических заболеваний (Freeman et al., 2013), не используется.

включало 4 вопроса для количественной оценки по шкале Лайкерта от 0 до 10: «Насколько тяжелым, с Вашей точки зрения, было Ваше состояние перед госпитализацией?»; «Насколько оно мешало Вашей жизни, тому, что Вы делаете?»; «Насколько долго, с Вашей точки зрения, оно длилось?»; «Как Вам кажется, насколько хорошо Вам помогают лекарства?» Отдельно указывалось, что в вопросе о длительности болезненного состояния имеется в виду ощущение самого больного, а не объективная продолжительность заболевания.

3. Шкала когнитивного инсайта А. Бека (Рассказова, Плужников, 2013; Beck et al., 2004) — методика диагностики критического отношения к своему опыту и представлениям, чувствительности к обратной связи со стороны других, готовности сомневаться в своих мыслях и переживаниях. Когнитивный инсайт рассматривается в модели А. Бека как ключевой фактор позитивного прогноза при шизофрении, но можно предположить, что он играет важную роль в формировании представлений о болезни и при психотической депрессии.

4. Методика диагностики локуса контроля причин болезни и лечения и методика диагностики самоэффективности в отношении лечения разработаны нами (Tkhostov, Rasskazova, 2013) на основе модели локуса контроля (Rotter, 1966) и социально-когнитивной теории (Bandura, 1986). Оба опросника выявляют общие представления о здоровье и болезни, что позволяет использовать их как в норме, так и при различных заболеваниях. В методике локуса контроля отдельно оцениваются внутренний, внешний и безличный локусы контроля в отношении причин болезни и лечения, что согласуется с положениями о важности соотнесения представлений о причинах и о лечении (Ташлыков, 1984). Методика самоэффективности в отношении лечения направлена на диагностику уверенности человека в своих возможностях следовать рекомендациям врача и выздороветь. Она представляет собой модификацию опросника самоэффективности в отношении здоровья (Schwarzer, 1992), применимую к общей ситуации болезни и лечения.

В *выборку апробации* вошли 80 пациентов ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (отдел по изучению эндогенных психических расстройств и аффективных состояний⁴) в возрасте от 17 до 26 лет; средний возраст 20.2 ± 2.8 года) мужского пола с депрессивным синдромом в рамках следующих непсихотических расстройств: расстройства настроения (41.3%, коды диагнозов по МКБ-10: F31.3, F31.4, F32 (кроме F32.2), F33 (кроме F33.3), F34); расстройства личности (27.5%, код диагноза по МКБ-10: F60) и шизотипическое расстройство (31.3%, код диагноза по МКБ-10: F21).

---

⁴ Авторы благодарны д.м.н. В.Г. Каледо и к.м.н. М.А. Омельченко за помощь в организации исследования и сбора данных.

Критериями исключения были органические поражения мозга и злоупотребление психоактивными веществами.

Данные обрабатывались в программах SPSS Statistics 22.0 и EQS 6.1 for Windows.

Результаты

1. Надежность и структура опросника восприятия болезни (IPQ-R) при непсихотических депрессиях

Таблица 1

Надежность-согласованность шкал блока представлений о болезни IPQ-R у больных с непсихотическими депрессиями: альфа Кронбаха

№ шкалы	Название шкалы IPQ-R	Кол-во пунктов	Больные непсихотическими депрессиями			
			В рамках расстройств настроения (n=33)	В рамках расстройств личности (n=22)	В рамках шизофренического расстройства (n=25)	Вся выборка (n=80)
1	Длительность заболевания	6	0.84	0.72	0.80	0.80
2	Цикличность	4	0.65	0.91	0.84	0.81
3	Последствия	6	0.75	0.77	0.76	0.76
4	Личный контроль	6	0.67	0.84	0.78	0.76
5	Контроль лечения	5	0.62	0.56	0.77	0.70
6	Понимание болезни	5	0.85	0.86	0.78	0.85
7	Эмоциональные репрезентации	6	0.81	0.87	0.80	0.83

Как показано в табл. 1, все основные шкалы **блока представлений о болезни** характеризуются достаточной или высокой надежностью-согласованностью как в целом по выборке, так и (в большинстве случаев) для отдельных нозологических групп. Конфирматорный факторный анализ⁵ (Brown, 2006) свидетельствует в пользу соответствия теоретической модели эмпирическим данным (CFI=0.95, RMSEA=0.04 (CI=0.02—0.06), $\chi^2/df=3.07$).

⁵ Допускались корреляции между ошибками пунктов, если они были содержательно оправданны.

Таблица 2

**Надежность-согласованность шкал блока причин болезни IPQ-R
у больных с непсихотическими депрессиями:
альфа Кронбаха**

	Название шкалы IPQ-R	Кол-во пунктов	Больные непсихотическими депрессиями			
			В рамках расстройства настроения (n=33)	В рамках расстройства личности (n=22)	В рамках психического расстройства (n=25)	Вся выборка (n=80)
Оригинальный блок причин	Психологические причины	6	0.48	0.19	0.63	0.63
	Факторы риска	6	0.47	0.41	0.49	0.54
	Иммунитет	3	0.67	0.59	0.76	0.64
	Случайность	2	0.49	0.35	0.44	0.42
Новый блок причин	Средовые факторы	6	0.74	0.53	0.75	0.78
	Личностные факторы	4	0.69	0.59	0.69	0.84
	Вредные привычки	2	0.91	0.90	0.79	0.99
	Ситуативные факторы	6	0.48	0.23	0.67	0.46

В блоке *причин болезни* была обнаружена неприемлемо низкая надежность-согласованность шкал (0.47—0.67, за исключением *иммунитета*). В связи с этим мы предположили, что у больных с депрессиями представления о причинах заболевания имеют другую структуру, а сами причины — другой смысл, чем у соматических больных. Например, согласие с пунктом «стресс и тревога» характеризует скорее признание роли эмоциональных переживаний в развитии заболевания, «личностные особенности» — признание роли своих устойчивых черт, «семейные проблемы» — признание роли внешних факторов, что не позволяет объединить эти причины под общим названием «психологических». Более того, данные полуструктурированного интервью дали возможность предположить, что некоторые факторы, традиционно относимые к внутренним психологическим и поведенческим (стресс, употребление алкоголя, курение), расцениваются нашими испытуемыми как внешние: вредные привычки рассматриваются как нечто, «сделанное ранее по ошибке», не зависящее от больного (и в случае аффективных расстройств нередко свидетельствует о защитной реакции, нежелании

искать более глубокие причины), а стресс — скорее как внешняя нагрузка, а не субъективное переживание.

На основе эксплораторного факторного анализа было выявлено (метод главных компонент, косоугольное вращение Облимин) 4 фактора, описывающих структуру причин болезни при депрессиях и объясняющих 49.96% дисперсии данных: средовые, личностные, ситуативные факторы и фактор вредных привычек. Эти факторы характеризуются достаточной надежностью-согласованностью (табл. 2).

2. Профили представлений о болезни и ее причинах при непсихотических депрессиях: критериальная валидность опросника

Валидность опросника восприятия болезни проверялась двумя способами. Во-первых, критериальная валидность оценивалась путем анализа общего профиля представлений о болезни и при сравнении показателей трех клинических групп. Во-вторых, внешняя валидность оценивалась путем корреляции шкал опросника со шкалами близких по содержанию методик. В первом случае мы предположили, что представления о болезни и ее причинах при депрессиях лишь в слабой степени зависят от нозологической группы (поскольку являются в большей степени результатом интерпретации, означения симптомов, нежели самих симптомов), но общий профиль отражает оптимистичное представление о болезни в силу возраста и непродолжительности заболевания (заболевание считается недолгосрочным, а возможности контроля и вера в лечение высоки). Кроме того, поскольку при непсихотических депрессиях критичность к своему состоянию относительно сохранна, мы предположили, что больные будут указывать на преимущественную роль в развитии заболевания своих особенностей и ситуативных факторов, а не вредных привычек и общих средовых факторов.

Однофакторный дисперсионный анализ показал, что больные с депрессиями в рамках разных нозологий различаются лишь по двум показателям: больные с расстройствами настроения чаще считают, что хорошо понимают свою болезнь, и чаще отрицают роль факторов среды ($F=3.45$, $df=2$, $p<0.05$, $\eta=0.29$ и $F=5.38$, $df=2$, $p<0,01$, $\eta=0.36$) в развитии заболевания, по сравнению с больными с расстройствами личности и (особенно) с шизотипическим расстройством.

По результатам дисперсионного анализа с повторными измерениями (7 шкал блока представлений о болезни использовались как повторные измерения независимой переменной, нозологическая

группа выступала как межиндивидуальная независимая переменная) выявлены значимые различия между выраженностью представлений о различных аспектах болезни ($F=18.38$, $df=6$, $p<0.01$, $\eta^2=0.79$). При этом общий профиль представлений о болезни не различается значимо в разных нозологических группах (рис. 1, шкалы 1—5). Больные склонны верить, что лечение им поможет и что важно следовать указаниям врача; отмечают негативные последствия заболевания для своей жизни и считают, что неплохо понимают происходящее с ними и могут контролировать свое состояние; считают свое заболевание не долгосрочным и не циклическим (оценки ниже средних по шкале) и отмечают среднюю выраженность переживаний по поводу болезни.

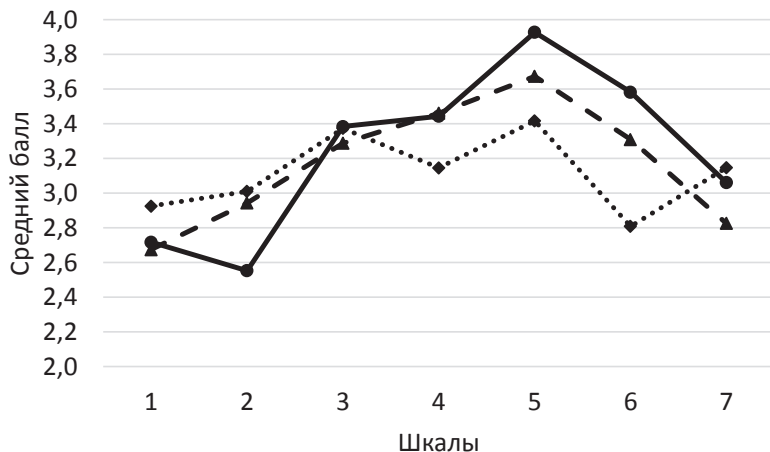

Рис. 1. Представления о болезни в трех группах больных с непсихотическими депрессиями. Условные обозначения групп: расстройства настроения — сплошная линия; расстройства личности — штриховая; шизотипическое расстройство — пунктир. Шкалы опросника: 1 — Длительность заболевания; 2 — Цикличность; 3 — Последствия; 4 — Личный контроль; 5 — Контроль лечения; 6 — Понимание болезни; 7 — Эмоциональные репрезентации

Оценки причин болезни также не зависят от нозологической группы, характеризуясь общим профилем ($F=98.18$, $df=3$, $p<0.01$, $\eta^2=0.90$) (рис. 2). Все больные приписывают ключевую роль в развитии заболевания личностным и в меньшей степени ситуативным факторам, а роль средовых факторов и вредных привычек отрицают.

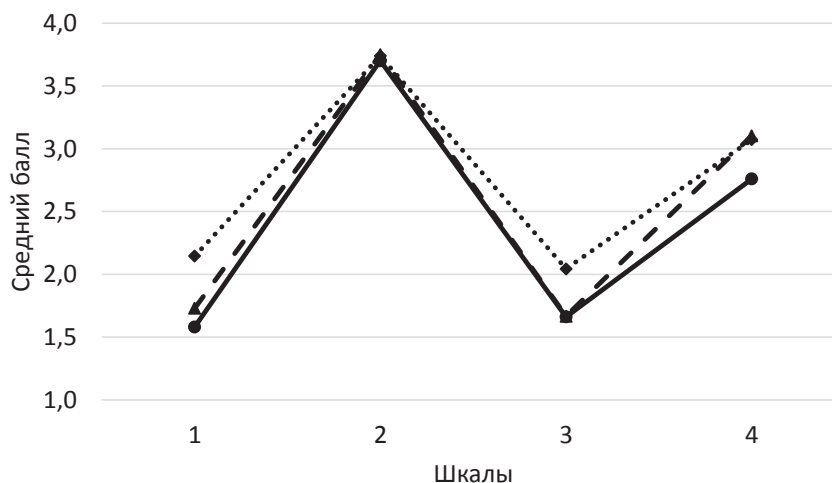

Рис. 2. Представления о причинах болезни в трех группах больных непсихотическими депрессиями. Условные обозначения групп: расстройства настроения — сплошная линия; расстройства личности — штриховая; шизотипическое расстройство — пунктир. Шкалы опросника: 1 — Средовые факторы; 2 — Личностные факторы; 3 — Вредные привычки; 4 — Ситуативные факторы

3. Связь представлений о болезни и ее причинах с уровнем когнитивного инсайта, локусом контроля болезни и лечения и самоэффективностью в отношении лечения: внешняя валидность опросника

По результатам корреляционного анализа количественных оценок болезни и шкал опросника восприятия болезни субъективная оценка тяжести состояния при попадании в больницу и его длительности не связана с представлениями о болезни и ее причинах. Но чем больше это состояние, по мнению больного, мешает его повседневной деятельности и жизни, тем более эмоционально он относится к своему заболеванию ($r=0.27$, $p<0.05$) и тем более уверен в его цикличности ($r=0.39$, $p<0.01$). Чем более долгим считает больной это состояние, тем большее значение в развитии заболевания он придает ситуативным факторам ($r=0.26$, $p<0.05$), хотя субъективная роль других факторов не снижается. Чем более важным и эффективным больные считают свое лечение, тем более положительно они оценивают его в целом ($r=0.28$, $p<0.05$). Положительная оценка лечения также связана с уверенностью, что заболевание будет

недолгим ($r=-0.28$, $p<0.05$), и с меньшими опасениями в отношении последствий ($r=-0.40$, $p<0.01$).

Уровень когнитивного инсайта слабо отрицательно коррелирует с пониманием болезни ($r=-0.27$, $p<0.05$). Но анализ двух компонентов когнитивного инсайта показывает следующее: чем более критичны больные к своему опыту и чувствительны к обратной связи, тем более они верят в эффективность и важность следования назначенному лечению ($r=0.25$, $p<0.05$); высокий уровень самоуверенности больного связан с хорошим пониманием своего заболевания и с убеждением, что оно скоро окончится ($r=0.26$ и $r=-0.33$, $p<0.05$ соответственно). Кроме того, саморефлексивность и общий уровень когнитивного инсайта связаны с признанием личностных факторов в развитии заболевания ($r=0.34-0.38$, $p<0.01$).

Результаты корреляционного анализа шкал опросника *IPQ-R* с методиками диагностики локуса контроля и самоэффективности в отношении болезни и лечения (абсолютные значения корреляций $r=0.24-0.40$, $p<0.05$) говорят о следующем: больные, склонные приписывать причины различных заболеваний себе, более уверены в своем контроле за заболеванием; больные, склонные видеть причины своих болезней в других людях или случайностях, ниже оценивают важность и эффективность лечения и хуже понимают свое заболевание. Если больной считает, что в лечении любого заболевания важно полагаться на врачей, то он в большей степени опасается негативных последствий заболевания, более эмоционально к нему относится и уверен в важности лечения. Если же, с его точки зрения, выздоровление зависит от случайностей и судьбы, то он считает медицинское лечение не важным. Практически любое представление о причинах и лечении заболевания (кроме экстернального локуса контроля лечения) связано с большим акцентированием роли средовых факторов. Наконец, самоэффективность в отношении лечения связана с большей верой в рекомендации врача, с переживанием своего контроля за заболеванием и лучшим пониманием болезни, а также с верой в то, что заболевание не будет долгосрочным.

Обсуждение результатов

Апробация опросника *IPQ-R* на выборке больных с депрессией показала, что шкалы представлений о болезни характеризуются достаточной или высокой надежностью-согласованностью как в общей выборке, так и (с некоторыми ограничениями) отдельно в группах с расстройствами настроения, личности и шизотипи-

ческим расстройством. Шкалы цикличности, личного контроля и контроля лечения характеризуются низкой надежностью-согласованностью в группе с расстройствами настроения, что может отражать особенности формирования репрезентации болезни в этой группе. В среднем больные с расстройствами настроения имеют менее длительный опыт болезни и приема лекарств и, по данным беседы, чаще не уверены в особенностях течения заболевания. Низкий показатель надежности-согласованности характерен и для шкалы контроля лечения в группе больных с личностными расстройствами. Эта шкала характеризует представления, разделенные с другими людьми (в первую очередь с врачом и медицинским персоналом). Учитывая особенность межличностного общения (Соколова, 2015) и убеждений (Бек, Фримен, 2002) при личностных расстройствах, полученный результат можно объяснить трудностями формирования устойчивых и последовательных представлений о важности и эффективности лечения. Конфирматорный факторный анализ свидетельствует в пользу того, что оригинальная структура методики достаточно полно описывает полученные эмпирические данные.

Сложнее обстоит дело с блоком причин заболевания. Разработчики данного блока пишут, что при интерпретации результатов по данному блоку важно учитывать не только показатели по шкалам, но и содержательные ответы по каждой причине (Moss-Morris et al., 2002). Некоторые авторы (Hagger, Orbell, 2003) отмечают, что предложенные виды причин не исключают друг друга и перекрываются: например, человек может квалифицировать стресс и как эмоциональную причину, и как психологическую или в принципе считать стресс причиной всех болезней. С нашей точки зрения, субъективный смысл каждой причины зависит от заболевания и переживаемых симптомов в большей степени, чем представления о болезни. Особенно это верно для психических заболеваний. Например, стресс упоминается в большинстве исследований как ведущая субъективная причина соматических и психических заболеваний, однако в нашем практическом опыте под стрессом, как правило, понимается неуправляемое негативное состояние, вызванное ситуативными факторами, а не нечто, зависящее от усилий самого человека. Кроме того, ряд входящих в данный блок причин при психических заболеваниях может отражать скорее стратегию поиска причины, чем ее содержание. Например, указание на важную роль алкоголя, курения и других вредных привычек при психических заболеваниях (редкое при депрессиях, но более распространенное при психотических расстройствах) нередко сопряжено с нежела-

нием искать более глубокие причины. Субъективная важность загрязнения среды или инфекции может свидетельствовать об ипохондрических тенденциях, а при шизофрении быть следствием нарушений мышления в форме сверхобобщений.

Поскольку исходные шкалы блока причин болезни не были достаточно согласованы, а факторная структура не была четкой, учитывая все вышесказанное, мы сочли правомерным выявить структуру причин, специфичную для непсихотических депрессий юношеского возраста. Были выявлены средовые, личностные и ситуативные факторы, первые два из которых достаточно согласованы, тогда как третий характеризуется относительной разнородностью. Это закономерно, поскольку он включает содержательно разные причины (например, стресс и семья). Наконец, в четвертую шкалу входят редкие при депрессиях ответы, касающиеся таких вредных привычек, как употребление алкоголя и табака.

В целом для больных с депрессиями юношеского возраста характерны сходные профили представлений о болезни и ее причинах, независимо от нозологической принадлежности. Больные всех трех групп склонны объяснять болезнь личностными и (в меньшей степени) ситуативными факторами, верить в важность и эффективность лечения, свои возможности контролировать состояние и в то, что заболевание не носит циклического характера и скоро пройдет. Больные сообщают, что неплохо понимают свое заболевание и замечают его негативное влияние на свою жизнь. Следует отметить, что эти результаты получены на основе анализа средних ответов по шкале Лайкерта, а не в сравнении с другими группами. Дальнейшее сравнение может прояснить, является ли такой профиль общим для различных заболеваний или специфическим для непсихотических депрессий юношеского возраста. Тем не менее, с нашей точки зрения, такой профиль скорее объясняется возрастными и клиническими особенностями этих больных: будучи молодыми людьми, как правило, впервые госпитализированными, и нередко к моменту обследования уже заметившими улучшение своего состояния, они более уверены как в своих способностях справиться с болезнью, так и в эффективности лечения.

Представление о средовых причинах болезни, характерное для больных шизотипическим расстройством, может объясняться особенностями их мышления (предпочтением глобальных «знаемых» причин тем, которые может контролировать сам больной). Худшее понимание болезни может быть следствием эмоциональных и социальных нарушений: так, если больные менее ориентированы на слова врача и окружающих в понимании своего заболевания и

симптомов, болезнь остается для них загадкой. Возможно также, что низкие показатели по шкале понимания болезни свидетельствуют о низком уровне инсайта болезни и о неуверенности пациентов в том, больны они или нет.

О внешней валидности опросника восприятия болезни свидетельствуют корреляции шкал с результатами интервью, шкалой когнитивного инсайта и методиками локуса контроля в отношении болезни и лечения и самоэффективности в отношении лечения. Особый интерес представляют в этом контексте данные о том, что представления о болезни и ее причинах не связаны с субъективной тяжестью и длительностью состояния до попадания в больницу, тогда как то, насколько состояние мешало жизнедеятельности больного, связано с эмоциональными репрезентациями и представлениями о цикличности болезни. Эти данные согласуются с результатами качественных исследований, показавших, что при психических заболеваниях в юношеском возрасте отношение к болезни во многом определяется тем, как состояние человека сказывается на его жизни, целях и деятельности (Шаньков, 2014), а не собственно симптомами и госпитализацией.

* * *

В целом опросник восприятия болезни (*IPQ-R*) может рассматриваться как надежный и валидный инструмент, пригодный для исследования отношения к болезни при непсихотических депрессиях. При его использовании важно учитывать, что различные представления могут выполнять специфические функции в процессе саморегуляции в ситуации заболевания, отличные от тех, которые характерны для ситуации соматических заболеваний. Например, эмоциональная реакция на заболевание и представление о его цикличности могут быть связаны не с субъективной тяжестью и длительностью депрессии до госпитализации, а с тем, насколько она препятствовала повседневной деятельности больного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бек А., Раиш А., Шо Б., Эмери Г. Когнитивная терапия депрессии. СПб.: Питер, 2003.

Бек А., Фримен А. Когнитивная терапия расстройств личности. СПб.: Питер, 2002.

Вассерман Л.И., Трифонова Е.А., Щелкова О.Ю. Психологическая диагностика и коррекция в соматической клинике. Практическое руководство. СПб.: Речь, 2011.

Зейгарник Б.В. Патопсихология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.

Клиническая психология: В 4 т. Учебник для студентов вузов / Под ред. А.Б. Холмогоровой. М.: Академия, 2010.

Критская В.П., Мелешко Т.К., Поляков Ю.Ф. Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.

Маричева М.А. Психосоциальная терапия в комплексном лечении больных с первым приступом юношеского эндогенного психоза: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2014.

Николаева В.В. Внутренняя картина болезни при некоторых психических заболеваниях // Тезисы докладов конференции «Проблемы патопсихологии». М.: Изд-во АПН СССР, 1972. С. 25—45.

Николаева В.В. Особенности личности при соматических заболеваниях // Соколова Е.Т., Николаева В.В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М.: SvR-Аргус, 1995. С. 207—357.

Рассказова Е.И. Понятие саморегуляции в психологии здоровья: новый подход или область применения? // Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 1. С. 43—56. URL: <http://tepjournal.com/images/pdf/2014/1/07.pdf>

Рассказова Е.И., Плужников И.В. Психодиагностика уровня когнитивного инсайта: результаты апробации русскоязычной версии шкалы когнитивного инсайта А. Бека // Психологические исследования: электрон. науч. журнал. 2013. Т. 6. № 28. С. 6. URL: <http://psystudy.ru>

Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015.

Ташлыков В.А. Психология лечебного процесса. Л.: Медицина, 1984.

Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002.

Тхостов А.Ш., Иржевская В.П., Рупчев Г.Е., Морозова М.А. Инсайт в патопсихологии (исторические, теоретические и методологические аспекты): Учеб.-метод. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.

Шаньков Ф.М. Психологические факторы принятия решений относительно лечения у пациентов с психическими расстройствами: Дисс. ... магистра психологии. М.: МГППУ, 2014.

Шестопалова Л.Ф. Внутренняя картина болезни у больных с депрессивными состояниями различного генеза: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1983.

Bandura A. Social foundation of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1986.

Beck A.T., Baruch E., Balter J. et al. A new instrument for measuring insight: The Beck Cognitive Insight Scale // Schizophrenia Research. 2004. Vol. 68. N 2. P. 319—329.

Beck A.T., Rector N.A., Stolar N., Grant P.M. Schizophrenia: Cognitive theory, research and therapy. N.Y.: The Guilford Press, 2009.

Brown T. Confirmatory factor analysis for applied research. N.Y.; L.: The Guilford Press, 2006.

Cameron L. Anxiety, cognitions and responses to health threat // The self-regulation of health and illness behavior / Ed. by L.D. Cameron, H. Leventhal. N.Y.: Routledge, 2003. P. 157—183.

Cameron L.D., Jago L. Emotion regulation interventions: a common-sense model approach // British Journal of Health Psychology. 2008. Vol. 13. P. 215—221.

Freeman D., Dunn G., Garety P. et al. Patients' beliefs about the causes, persistence and control of psychotic experiences predict take-up of effective cognitive behavior therapy for psychosis // Psychological Medicine. 2013. Vol. 43. P. 269—277.

Garrett M., Stone D., Turkington D. Normalizing psychotic symptoms // Psychology and Psychotherapy. 2006. Vol. 79. P. 595—610.

Hagger M., Orbell S. A meta-analytic review of the common-sense model of illness representation // Psychology and Health. 2003. Vol. 18. N 2. P. 141—184.

Leventhal H., Brissette I., Leventhal E. The common-sense model of self-regulation of health and illness // The Self-regulation of health and illness behavior / Ed. by L.D. Cameron, H. Leventhal. N.Y.: Routledge, 2003. P. 42—65.

Leventhal E., Crouch M. Are there differences in perceptions of illness across the lifespan // Perceptions of health and illness / Ed. by K.J. Petrie, J.A. Weinmann. Amsterdam, the Netherlands: Harwood Academic Publishers, 1997. P. 77—102.

Moss-Morris R., Weinman J., Petrie K. et al. The Revised Illness Perception Questionnaire (IPQ-R) // Psychology and Health. 2002. Vol. 17. N 1. P. 1—16.

Rotter J.B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychological Monographs. 1966. Vol. 80. P. 1—28.

Schwarzer R. Self-efficacy in the adoption and maintenance of health behaviors: Theoretical approaches and a new model // Self-efficacy: Thought control of action / Ed. by R. Schwarzer. Washington, DC: Hemisphere, 1992. P. 217—243.

Tkhostov A., Rasskazova E. Compliance-Related Causality Orientations Scale: development and psychometric properties in Russian sample // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 86. P. 536—542. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042813027419>

Поступила в редакцию
22.11.15

RUSSIAN VERSION OF THE ILLNESS PERCEPTION QUESTIONNAIRE (IPQ-R): VALIDATION IN THE PATIENTS WITH NON-PSYCHOTIC DEPRESSIONS

Elena I. Rasskazova^{1, 2}

¹ *Mental Health Research Center, Moscow, Russia*

² *Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russia*

Abstract: Paper presents results of validation of the Russian version of The Revised Illness Perception Questionnaire developed by R. Moss-Morris and colleagues for the diagnostic of patient's beliefs about causes, duration, consequences, treatment of illness, and their ability to control it. The sample (N=80) included three groups of patients aged 17—26 years (mean age 20.2±2.8 years) with non-psychotic depression within mood disorders (n=33), personality disorders (n=22) and schizotypal disorder (n=25). In order to establish the external validity of the questionnaire patients filled Beck's Cognitive Insight Scale, Illness- and Treatment-Related Locus of Control Scale and Treatment-Related Self-efficacy Scale. Factor validity and reliability of IPQ-R was demonstrated. Patients of all three groups tend to explain their illness by personality and (to a lesser extent) situational factors, to believe in the importance and effectiveness of the treatment, in their ability to control their illness. They consider illness as short-term and not of a cyclical nature. Supporting the external validity of the questionnaire we demonstrated that beliefs about illness and its reasons correlates with results of the interview, cognitive insight, illness- and treatment-related locus of control and treatment-related self-efficacy.

Key words: beliefs about illness and its reasons, illness representation, Illness Perception Questionnaire – Revised (IPQ-R), validation, non-psychotic depressions, youth.

References:

Bandura, A. (1986) *Social foundation of thought and action: A social cognitive theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Beck, A.T., Baruch, E., Balter, J. et al. (2004) A new instrument for measuring insight: The Beck Cognitive Insight Scale. *Schizophrenia Research*, 68, 2, 319—329.

Bek, A., Frimen, A. (2002) *Kognitivnaya terapiya rasstroystv lichnosti* [Cognitive therapy of personality disorders]. SPb.: Piter.

Bek, A., Rash, A., Sho, B., Emeri, G. (2003) *Kognitivnaya terapiya depressii* [Cognitive therapy of depression]. SPb.: Piter.

Beck, A.T., Rector, N.A., Stolar, N., Grant, P.M. (2009) *Schizophrenia: Cognitive theory, research and therapy*. N.Y.: The Guilford Press.

Brown, T. (2006) *Confirmatory factor analysis for applied research*. N.Y.; L.: The Guilford Press.

Cameron, L. (2003) Anxiety, cognitions and responses to health threat. In L.D. Cameron, H. Leventhal (eds.) *The Self-regulation of health and illness behavior* (pp. 157—183). N.Y.: Routledge.

Cameron, L.D., Jago, L. (2008) Emotion regulation interventions: A common-sense model approach. *British Journal of Health Psychology*, 13, 215—221.

Freeman, D., Dunn, G., Garety, P. et al. (2013) Patients' beliefs about the causes, persistence and control of psychotic experiences predict take-up of effective cognitive behavior therapy for psychosis. *Psychological Medicine*, 43, 269—277.

Garrett, M., Stone, D., Turkington, D. (2006) Normalizing psychotic symptoms. *Psychology and Psychotherapy*, 79, 595—610.

Hagger, M., Orbell, S. (2003) A meta-analytic review of the common-sense model of illness representation. *Psychology and Health*, 18, 2, 141—184.

Kholmogorova, A.B. (ed.) (2010) *Klinicheskaya psikhologiya* [Clinical psychology]: V 4 t. Uchebnik dlya studentov vuzov. Moscow: Akademiya.

Kritskaya, V.P., Meleshko, T.K., Polyakov, Yu.F. (1991) *Patologiya psikhicheskoy deyatel'nosti pri shizofrenii: motivatsiya, obshchenie, poznanie* [Pathology of mental activity in schizophrenia: motivation, communication, cognition]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Leventhal, H., Brissette, I., Leventhal, E. (2003) The common-sense model of self-regulation of health and illness. In L.D. Cameron, H. Leventhal (eds.) *The Self-regulation of health and illness behavior* (pp. 42—65). N.Y.: Routledge.

Leventhal, E., Crouch, M. (1997) Are there differences in perceptions of illness across the lifespan. In K.J. Petrie, J.A. Weinmann (eds.) *Perceptions of health and illness* (pp. 77—102). Amsterdam, the Netherlands: Harwood Academic Publishers.

Maricheva, M.A. (2014) *Psichosotsial'naya terapiya v kompleksnom lechenii bol'nykh s pervym pristupom yunosheskogo endogenного psikhoha* [Psychosocial therapy in complex treatment of patients with the first episode of juvenile endogenous psychosis]: Diss. ... kand. psikhol. nauk. Moscow.

Moss-Morris, R., Weinman, J., Petrie, K. et al. (2002) The Revised Illness Perception Questionnaire (IPQ-R). *Psychology and Health*, 17, 1, 1—16.

Nikolaeva, V.V. (1972) Vnutrennyaya kartina bolezni pri nekotorykh psikhicheskikh zabolevaniyakh. *Tezisy dokladov konferentsii "Problemy patopsikhologii"* [The abstracts of the conference "Problems of pathopsychology"] (pp. 25—45). Moscow: Izd-vo APN SSSR.

Nikolaeva, V.V. (1995) Osobennosti lichnosti pri somaticheskikh zabolevaniyakh. In Sokolova E.T., Nikolaeva V.V. *Osobennosti lichnosti pri pogranichnykh rasstroystvakh i somaticheskikh zabolevaniyakh* [Personality traits in somatic diseases] (pp. 207—357). Moscow: SvR-Argus.

Rasskazova, E.I. (2014) Ponyatie samoregulyatsii v psikhologii zdorov'ya: novyy podkhod ili oblast' primeneniya? *Teoreticheskaya i Eksperimental'naya Psikhologiya* [Theoretical and Experimental Psychology], 7, 1, 43—56. URL: <http://tejournal.com/images/pdf/2014/1/07.pdf>

Rasskazova, E.I., Pluzhnikov, I.V. (2013) Psikhodiagnostika urovnya kognitivnogo insayta: rezul'taty aprobatsii russkoyazychnoy versii shkaly kognitivnogo insayta A. Beka. *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Psychological Studies: electronic scientific journal], 6, 28, 6; URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n28/805-rasskazova28.html>

Rotter, J.B. (1966) Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological Monographs*, 80, 1—28.

Schwarzer, R. (1992) Self-efficacy in the adoption and maintenance of health behaviors: Theoretical approaches and a new model. In R. Schwarzer (ed.) *Self-efficacy: Thought control of action* (pp. 217—243). Washington, DC: Hemisphere.

Shan'kov, F.M. (2014) *Psikhologicheskie faktory prinyatiya resheniy otnositel'no lecheniya u patsientov s psikhicheskimi rasstroystvami* [Psychological factors of decision making regarding the treatment of patients with mental disorders]: Diss. ... magistra psikhologii. Moscow.

Shestopalova, L.F. (1983) *Vnutrennyaya kartina bolezni u bol'nykh s depressivnymi sostoyaniyami razlichnogo geneza* [Internal picture of illness in patients with depressive states of different genesis]: Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk. Moscow.

Sokolova, E.T. (2015) *Klinicheskaya psikhologiya utraty Ya* [Clinical psychology of loss "I"]. Moscow: Smysl.

Tashlykov, V.A. (1984) *Psikhologiya lechebnogo protsessa* [Psychology of the therapeutic process]. Leningrad: Meditsina.

Tkhostov, A.Sh. (2002) *Psikhologiya telesnosti* [Psychology of corporeality]. Moscow: Smysl.

Tkhostov, A.Sh., Irzhevskaya, V.P., Rupchev, G.E., Morozova, M.A. (2007) *Insayt v patopsikhologii (istoricheskie, teoreticheskie i metodologicheskie aspekty)* [Insight in psychopathology (historical, theoretical and methodological aspects)]: Ucheb.-metod. posobie. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Tkhostov, A., Rasskazova, E. (2013) Compliance-Related Causality Orientations Scale: development and psychometric properties in Russian sample. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 86, 536—542. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042813027419>

Vasserman, L.I., Trifonova, E.A., Shchelkova, O.Yu. (2011) *Psikhologicheskaya diagnostika i korrektsiya v somaticheskoy klinike. Prakticheskoe rukovodstvo* [Psychological diagnosis and correction in somatic clinic. A practical guide]. SPb.: Rech.

Zeygarnik, B.V. (1986) *Patopsikhologiya* [Pathopsychology]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

НЕКРОЛОГИ

ПАМЯТИ ЛЬВА БОРИСОВИЧА ФИЛОНОВА

11 апреля 2016 г. скончался *Лев Борисович Филонов*, доктор психологических наук, профессор, известный специалист в области юридической психологии, психологии труда, психологии личности и социальной психологии. Более 10 лет, с 1992 г., Л.Б. Филонов работал профессором кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (по совместительству).

Родился Лев Борисович Филонов 1 августа 1925 г. в Оренбурге, в семье служащих. Отец — Борис Митрофанович Филонов, занимал ряд руководящих постов, был директором нескольких трестов, мать — Вера Николаевна Шумкова, работала библиотекарем. Л.Б. Филонов обучался в средней школе № 98 г. Казани, в которой много внимания уделялось изобразительному творчеству. В школе работали педологи. Интерес к психологии возник при рассмотрении многочисленных рисунков детей и их интерпретации школьными педологами, с которыми юноша поддерживал контакты. Участвовал в Великой Отечественной войне, награжден 6 медалями и орденами. После войны Лев Борисович окончил Казанский юридический институт (1949), получив квалификацию «юрист», работал адвокатом и одновременно заочно обучался на отделении психологии философского факультета Ленинградского государственного университета, которое окончил в 1954 г. с присвоением квалификации «психолог, преподаватель психологии». В студенческие годы интересовался философией, проблемой индивидуальных различий людей, истоками развития у человека девиантного характера.

С 1955 г. Л.Б. Филонов начал профессиональную деятельность как психолог в качестве младшего научного сотрудника лаборатории Д.А. Ошанина в Институте психологии АПН СССР. В 1970—1980-е гг. работал психологом в системе МВД СССР, здесь был собран материал докторской диссертации. После защиты доктор-

ской диссертации преподавал психологию в разных университетах. Помимо чтения лекций на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Л.Б. Филонов заведовал кафедрой психологии в Московском государственном заочном педагогическом институте (МГЗПИ) в 1986—1990 гг.; в 1992—1996 гг. заведовал кафедрой психологии в Университете РАО, в 1990—2000 гг. заведовал лабораторией психологической антропологии в НИИ культурологии РАН.

В последние годы Лев Борисович являлся главным научным сотрудником Российского института культурологии (РИК РАН), заслуженным профессором кафедры социальной психологии Российского государственного социального университета (РГСУ); преподавал психологию в качестве профессора на факультете юридической психологии Московского городского педагогического университета (МГППУ); был членом Ассоциации содействия Международной академии наук (с 1993 г.).

Области научных исследований: юридическая психология, психология труда, психология личности и дифференциальная психология, социальная психология, общая психология. Профессиональная деятельность Л.Б. Филонова в психологии началась с исследований процессов восприятия. Тема его кандидатской диссертации: «О зависимости скорости реакции выбора от числа различительных признаков» (1963). В этой работе были описаны явление «броского признака» и закономерности организации признаков, в совокупности эти явления были названы в Голландии «феноменом Филонова» (1968). Позже Л.Б. Филонов концентрирует внимание на анализе особенностей коммуникативного взаимодействия людей в условиях затрудненности общения, характерной для сферы юридической практики. Тема его докторской диссертации: «Психология развития контактов в условиях затрудненности общения» (1986). В этой области Л.Б. Филоновым разработана методика установления контактов в диалоге, определены основные этапы и принципы взаимодействия в затрудненных ситуациях, связанных с проблемами юридической практики — при взаимодействии воспитателя и воспитанника, в ситуации допроса свидетелей, а также в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступлений. В настоящее время филоновская «методика контакта» применяется в деятельности специальных служб, является основой для выдвижения стратегии и тактики ведения переговоров с террористами, а также используется при нарушении режимов в местах исполнения приговора.

В 1990-е гг. Филонов разрабатывал проблемы психологической антропологии, в частности, модель диагностируемой личности,

проблемы психологии в юридической сфере. Ученики Льва Борисовича продолжают развивать идеи учителя, по праву относя себя к «школе Филонова». Вклад Льва Борисовича Филонова в развитие психологической науки составляют «концепция признаковой постановки психологического диагноза»; «концепция девиационной природы изменчивости»; «концепция периодов возникновения отклонений в развитии личности»; «концепция модели проявления утаиваемых обстоятельств»; «концепция коммуникативных технологий развития контакта и эскалации конфликта»; «концепция личностно-опосредованного формирования специалиста-психолога». Последние разработки Филонова связаны с обоснованием «психолого-антропологического конструктивного подхода в психологии». Многолетняя научно-исследовательская и преподавательская деятельность Льва Борисовича была плодотворной, под его руководством успешно защищено свыше 38 кандидатских диссертаций. Лев Борисович Филонов отмечен наградами, среди них: знак «Отличник просвещения» (1995), медаль «За социальное служение» (2006).

Л.Б. Филонов читал на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова и в других вузах курсы: «Юридическая психология», «Психология личности с отклоняющимся поведением», «Психология общения», «Психодиагностика (графология)».

Л.Б. Филонов опубликовал свыше 100 научных работ, среди них основные труды: Психологические способы выявления скрываемого обстоятельства (М., 1979); Детерминация возникновения и развития отрицательных черт характера у лиц с отклоняющимся поведением (М., 1981); Психологические аспекты установления контактов между людьми (Методика контактного взаимодействия) (Пушино, 1982); Психологические способы изучения личности обвиняемого (учебное пособие; М., 1983); Тренинги делового общения сотрудников органов внутренних дел с различными категориями граждан (М., 1992); Психолого-педагогическая антропология (в соавт.; М., 2007); Словарь-компендиум психолого-антропологической диагностики (в соавт.; М., 2008).

Многие поколения российских психологов будут с благодарностью помнить Льва Борисовича Филонова как человека мягкого и доброжелательного в общении, неизменно честного в делах и отношениях с людьми, сохранившего до преклонных лет живой интерес к людям и к психологической науке.

ИНТЕРВЬЮ С Л.Б. ФИЛОНОВЫМ

От редакции. В память о большом ученом и замечательном человеке Льве Борисовиче Филонове мы публикуем его последнее интервью. Беседу провела 2 июля 2015 г. *Татьяна Петровна Будякова* — кандидат психологических наук, и.о. зав. кафедрой психологии и педагогики Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина. В данном интервью личность Льва Борисовича Филонова раскрылась как многогранная, развивающаяся и творческая.

Т.П. Будякова (далее Т.Б.): *Почему в свое время, выбирая между юриспруденцией и психологией, Вы выбрали психологию?*

Л.Б. Филонов (далее Л.Б.Ф.): Вероятно, в связи с тем, что с самого начала я интересовался разнообразными правонарушениями и не мог принять объяснение, что правонарушение является исключительно дефектом правосознания. Такая позиция доминировала в то время в советской науке. Иными словами, мой профессиональный выбор обусловила заинтересовавшая меня проблема отклонений в поведении, которые в дальнейшем способствуют совершению противоправных поступков и особенно преступлений. Юридическое образование позволило мне ориентироваться в юридически значимых конструкциях, связанных с нарушением норм, и предоставило возможность сбора необходимого практического материала (материалов уголовных дел, обзоров судебной практики по уголовным делам и др.). Психологическое образование обеспечило мне преимущество перед юристами в объяснении правонарушений. Правосознание — юридическая категория, но ее смысл невозможно понять без понимания сущности сознания как способа отражения объективной реальности, в том числе и опосредованной правом. Я начал с проблемы выявления тех следов, которые остаются в психике после воздействия юридических «инструментов». Именно психология давала возможность изучить: имело ли место при совершении преступления, а также до и после него, нарушение психических процессов и состояний личности преступника, а также иных психических образований. Наконец,

значимо было прослеживание путей, которые определяют возникновение и развитие девиаций. В частности, было установлено, что возникшие девиации в структуре личности приобретают уже самостоятельное значение и, что самое опасное, противостоят нормальным социальным проявлениям человека (его отношениям в социуме, правильным ролевым исполнениям).

Т.Б.: *Вы долго занимались спортивной борьбой, самбо. Как это повлияло на Вашу жизнь и профессиональные интересы?*

Л.Б.Ф.: Действительно, само занятие специфической борьбой, которая в России получила название «САМБО» (самооборона без оружия), всегда погружает человека в атмосферу принятия быстрых решений. Практически можно сказать что это — «шахматы в одну секунду». В тех секциях, в которых я руководил борьбой, я специально культивировал психологические конструкции, обеспечивающие высокую степень рефлексии, т.е. предвидение ответов партнера и построение новых ответных действий для достижения конечного результата («рефлексивная связка»). Специально проводились психологические эксперименты по установлению «выигрыша позиций» при знании исходных или предполагаемых качеств партнера. Существенным представлялось установление психологического контура противника и соотнесение с этим контуром его вероятностных действий. Вместе с заслуженным тренером по самбо А.А. Харлампиевым мы планировали написать книгу «Психология тактики индивидуального боя».

Т.Б.: *Как Вы относитесь к широкому использованию опросников как при проведении научных исследований, так и в практической диагностике, например при приеме на работу? Почему экспериментальный метод как основополагающий метод научной психологии сегодня так мало востребован?*

Л.Б.Ф.: Ваш вопрос представляется и современным, и своевременным. Действительно, чрезвычайно простые решения проблем путем постановки, прямо можно сказать, «произвольных вопросов» не имеют прямого отношения к объективному научному познанию. Каждый формулирует вопрос так, как ему заблагорассудится, без соотнесения с той проблемой, которая породила этот вопрос. Более того, конструкция вопросов не представляется *форматированной*. Отсутствует также представление об использовании исходных характеристик того объекта, относительно которого ставятся вопросы. Отсутствует представление о конструкциях отдельных компонентов, которые входят в структуру какой-либо системы. Вопросы

часто не соотносятся с условиями, которые их породили. Р. Кэттелл достаточно образно определил «вопрос» как «разбавленную ситуацию». Эта «разбавленность» или, точнее, «размытость» — серьезный дефект опросников. Представляется, что в этом случае не исключено получение артефактов. Кроме того, разнородность конструкций поставленных вопросов дает картину, которая в принципе является ошибочной. Вы верно отметили, что наибольший вред опросники могут причинить на практике, в том числе в случаях, когда имеет место диагностика личности при приеме на работу.

Общий вывод: для улучшения качества опросников необходимо создать единую согласованную схему постановки вопросов и, главное, их конструировать и соотносить с требованиями задач диагностики. При этом важно уяснить, что результаты опросников, в силу их априорно неустрашимой субъективности (испытываемый всегда манипулирует, думает, как более выгодно для себя ответить, не говоря уже о том, что не всегда понимает суть вопросов), надо обязательно дублировать более надежными экспериментальными методиками.

Почему экспериментальный метод не является сегодня распространенным? Эксперимент — более надежный, но более затратный по времени и иным ресурсам метод. Для проведения экспериментального исследования необходимо создание принципов, установок, а также технологий. А главное, не только разработка хорошей методики эксперимента, но и его проведение требуют высокого профессионализма. С опросником проще: раздал бланки, затем собрал бланки, затем обработал. А далее неясно, соответствуют ли данные опросника реальности. Только эксперимент может это выяснить.

Т.Б.: *Однажды Вы сказали, что боялись наступления возраста в 60 лет, так как предполагали, что будете не востребованы на пенсии. Как психологически правильно переходить из одного возрастного этапа в другой?*

Л.Б.Ф.: Действительно, такое состояние имело место, и оно переживалось как тяжелое для человека, который не сумел еще реализовать свои замыслы и цели. Но волею судеб отношение работодателя к человеку, желающему реализовать свои цели и имеющему для этого потенциал, оказалось благоприятным. Более того, само постоянное стремление к получению новых результатов или же подтверждению правильности ранее полученных результатов породило желание заниматься проблемами смежных отраслей психологии. В настоящее время в поле моего внимания находятся не только вопросы юридической психологии и вопросы, связанные

с построением методов диагностики (школа комплексной диагностики личности). У меня есть горячее желание работать во вновь открывшейся сфере деятельности, которая связана с психологической антропологией. К сожалению, деятельность лаборатории психологической антропологии в Российском институте культуры Министерства культуры РФ в настоящее время приостановлена.

Я говорю «к сожалению», потому что это направление, изучающее общение, ориентировано не на конфликт, а на контакт. Предполагается, что контактное взаимодействие будет в будущем превалировать над конфликтным. Иными словами, предпочтение, вероятно, будет отдаваться не конфликтологии, но контактологии. К примеру, ряд спорных вопросов в конфликтологии решается при помощи компромисса, в то время как в контактологии предлагается устанавливать отношения (и менять отношения), используя принцип «комплементарности», т.е. взаимного дополнения. В этом случае акцент каждого из участников коммуникативного процесса будет перемещен на поиски улучшений во вновь создаваемой общей системе контактов.

Экскурс в мои переживания, касающиеся увлеченности и включенности в разработку современных проблем психологии, свидетельствует о том, что возраст не играет существенной роли, когда человек занимается исследовательской работой, когда он является исследователем, стремящимся к свершению всех задуманных конструкций и композиций.

Возможно, здесь имеет место известный «феномен Зейгарник». Последний заключается в том, что у человека всегда сохраняется в оперативной памяти «незавершенное действие», стимулирующее человека к активности. Это состояние продолжается до тех пор, пока не будет достигнута цель деятельности, а точнее пока не завершено задуманное.

Как психологически правильно переходить из одного возрастного этапа в другой? Правильный подход состоит в понимании необходимости смены периодов и психологической готовности к этому. Есть даже такой тренинг, где отрабатывается специальная «модель смены состояний».

Т.Б.: Кто из психологов оказал наибольшее влияние на Ваше профессиональное становление?

Л.Б.Ф.: Изначально и наиболее основательно на меня оказал влияние Петр Алексеевич Шеварев, который привил мне, как и всем сотрудникам его лаборатории восприятия и памяти в Институте психологии АПН СССР (ныне Психологический институт

РАО), желание и стремление углубляться в современные вопросы психологии, особенно в те, которые связаны с механизмами конструирования и становления как психических процессов, так и психологических состояний. Естественно, что общее влияние на всех исследователей оказывала атмосфера, созданная Анатолием Александровичем Смирновым — директором Института психологии. Можно сказать, что все сотрудники института оказывали заметное влияние на каждого стремящегося к проведению экспериментов и созданию собственной линии исследования. Это была мощная экспериментальная психологическая база в СССР. Далее, естественно, на мое профессиональное развитие повлияли все идеи Алексея Николаевича Леонтьева, который пригласил меня на факультет психологии МГУ. На факультете меня наиболее впечатлили установки всех сотрудников на коллективные научные обсуждения. Они проходили и на кафедрах, и в лабораториях. Тон этим обсуждениям задавал Александр Романович Лурия.

Однако наибольшее влияние на меня оказала моя сестра, Людмила Борисовна Ермолаева-Томина, которая занималась исследованием творчества в лаборатории Бориса Михайловича Теплова. Именно она обратила мое внимание на важность создания у человека стремления к индивидуальному творчеству. Результатом моего стремления к новому и неизведанному стало создание научной школы психологической антропологии. Можно полагать, что в будущем наиболее перспективными и привлекательными для психологов станут исследования, в которых будет программироваться использование всех скрытых ресурсов каждого индивидуума.

Т.Б.: На научной конференции «Психология как ресурс народного хозяйства России», проходившей в 2005 г. на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, один из ее участников сказал, что психология, к сожалению, не является ресурсом народного хозяйства. Каково значение психологии для народного хозяйства в настоящее время?

Л.Б.Ф.: Психология пока не стала существенным ресурсом народного хозяйства России. ПОКА не стала. Однако можно утверждать, что психология вскоре станет первым источником для получения основных и исходных сведений, значимых для всех институтов, входящих в систему народного хозяйства, естественно, в большей мере для гуманитарных сфер. В последнее время появилось так называемое антропологическое засилье. Появилось очень много антропологий: политическая, экономическая, юридическая и даже медицинская и визуальная. Это объясняется тем, что объект

исследования — человек — является системным образованием, и это обстоятельство задает многочисленные траектории его изучения. Началось изучение не просто человеческого фактора, а отдельных, отчетливо разделяемых психологических детерминант, оказывающих влияние на функционирование и развитие различных отраслей народного хозяйства.

Среди этого потока исследований, на мой взгляд, наиболее перспективными выглядят исследования творческого потенциала личности. В триаде «индивид, личность, индивидуальность» наиболее существенным элементом является именно «индивидуальность». Именно эта композиция ориентирует личность на поиск оптимальных решений во всех сферах народного хозяйства.

Т.Б.: *Труды кого из иностранных исследователей, по Вашему мнению, являются наиболее значимыми для реализации Ваших изысканий?*

Л.Б.Ф.: Мне интересны труды по методологии психодиагностики, работы по юридической психологии и антропологии. В соответствии с парадигмой «ограничения и допущения» мы допускали универсальную базу некоторых теоретических конструкций для всех изысканий. В то же время в качестве ограничения всегда выступали представления об иных (зарубежных) культурологических основаниях. Предполагалось, что иная среда, которая обеспечила возникновение конкретных теоретических взглядов и специфических направлений, оказала на них существенное влияние, которое надо иметь в виду. Практически здесь необходимо помнить и об особенностях нашей (российской) выборки, которая существует в нашем собственном социокультурном пространстве, и адаптировать к ней зарубежные методологические подходы.

В первую очередь для меня значимы категорические суждения Карла Поппера о необходимости опираться только на факты. Это означает сбор реальных материалов и их обоснование в основном через результаты, полученные путем эксперимента. Это означает также необходимость считаться с очередностью выстраивания поступающих доказательств. Эти доказательства могут возникнуть как следствия специально организованной проверки первоначально возникших доводов. Значимо предложение Поппера о специально высказываемых сомнениях. Это способствует формированию психологической уверенности в правильности полученных результатов.

Вторым исследователем, работы которого помогают упорядочить научный материал, является Карл Роджерс, предложивший

«терапию, центрированную на клиенте». По мнению Роджерса, специально организованное воздействие должно соотноситься либо с его приемлемостью, когда ожидается появление оснований для изменений личности клиента, либо с сопротивлением воздействию, когда оно представляется клиенту опасным. В последнем случае предполагается учитывать эффект сопротивления, возникающего при неадекватном воздействии.

Меня привлекает также «конструкция открытой личности», предложенная Гордоном Олпортом. Указанная концепция допускает готовность любого человека принять то, что будет соответствовать линии улучшения его личности. Для меня это означает направленность на принятие всего, что связано с «аристогенезом», т.е. того, что всегда улучшает ту или иную составляющую человека или связано с намерением ее совершенствования.

В практическом плане мне импонирует книга Уильяма Крэйна «Психология развития человека (25 главных теорий)». В ней реализован принцип постоянной концентрации внимания на наиболее ценных формулировках отдельных авторов, когда парадигмы отдельных теорий дают возможность выстроить «проблемное поле» или «детерминационное поле». Концентрированные и обоснованные схематические формулировки обеспечивают возможность их сопоставления и выделения наиболее значимых конструкций.